

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ОТДЕЛЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

«Наследование» грамматических значений в
семантически сочинительной конструкции:
к типологии глагольных форм.

Дипломная работа
студента 5 курса
Шлуинского Андрея Болеславовича

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Плунгян Владимир Александрович

Москва 2002 г.

Содержание.

Предварительные замечания.....	4
Благодарности.....	5
Введение.....	7
Часть I. Теоретические проблемы.....	11
I.1. Грамматический аспект конструкций с «наследованием»: особый способ выражения грамматического значения.....	11
I.1.1. «Сфера действия» или «сочинительное сокращение»?	11
I.1.2. Грамматические признаки, «дефолтные» категории и семантическая «маркированность».....	14
I.1.3. «Наследование» грамматических категорий vs. групповая флексия: параллель с противопоставлением между анафорой и эллипсисом.....	17
I.1.4. «Наследование» грамматических категорий vs. категория таксиса.....	19
I.2. Синтаксический аспект конструкций с наследованием: между сочинением и подчинением.....	21
I.2.1. Синтаксические свойства clause-chaining'a.....	22
I.2.2. «Несбалансированное сочинение» по [Johannessen 1998].....	25
I.2.3. Шкала «связывания предикаций» по [Lehmann 1988].....	27
I.2.4. Тесты для разграничения сочинения и подчинения и сочинительные / подчинительные свойства конструкций с «наследованием»	30
I.3. Семантический аспект конструкций с «наследованием»: семантическое равноправие при морфологическом неравноправии.....	34
I.3.1. Комитативная и деепричастная конструкции, «псевдосочинение» и коммуникативный ранг.....	34
I.3.2. Коммуникативный статус пропозиции и «дискурсивная значимость».....	36
I.3.3. Равный коммуникативный статус и способность к «наследованию» грамматических категорий: взаимосвязь.....	38
Резюме части I.....	40
Часть II. Типология «наследующих форм».....	41
II.1. Шкала финитности и нефинитные глагольные формы.....	41
II.2. «Неспецифицированные» времена.....	47
II.2.1. Ведийский Иньюнктив.....	47
II.2.2. «Неспецифицированная форма» (частица <i>ka</i>) в маори.....	52
II.3. «Наследующие» инфинитивы.....	57
II.3.1. Инфинитив бамана.....	58
II.3.2. «Пустое время» SU в хауса.....	62
II.3.3. Лирическое отступление: инфинитив в русском языке и круг его употреблений.....	65
II.4. «Наследующие» деепричастия.....	72
II.4.1. Медиальные глаголы.....	74
II.4.1.1. Sequential medial verb амеле.....	75
II.4.1.2. Консектив сухили.....	77
II.4.1.3. N-время масай.....	79
II.4.2. «Контекстные» и «нарративные» деепричастия.....	80
II.4.2.1. Корейское Соединительное Деепричастие.....	80
II.4.2.2. Юкагирские «Обычные» Деепричастия.....	82
II.4.2.3. Багвалинское Деепричастие Предшествования.....	85
II.4.2.4. Туркские «контекстные» деепричастия.....	86
II.4.2.4.1. Мишарское Деепричастие на <i>-p</i>	87
II.4.2.4.2. Хакасское Деепричастие на <i>-p</i>	92
II.4.2.4.3. Чувашское Соединительное Деепричастие на <i>-sa</i>	94

II.4.2.5. Финно-угорские «контекстные» деепричастия.....	97
II.4.2.5.1. Марийское Деепричастие на <i>-en</i>	97
II.4.2.5.2. Удмуртское Деепричастие на <i>-ca</i>	100
II.4.2.6. Деепричастные употребления английской формы на <i>-ing</i>	101
Часть III. Свойства «наследующих» форм: возможные обобщения.....	103
III.1. Употребления «наследующих» форм и связи между ними.....	103
III.2. «Наследующие» формы и категория «переключения референции».....	106
III.3. Сериализованные конструкции с «наследующими» формами.....	107
Заключение.....	109
Список сокращений, используемых при гlosсировании.....	112
Указатель языков.....	114
Литература.....	115

Предварительные замечания.

В нашей работе используется материал следующих пятнадцати языков: ведийского, маори, бамана, хауса, амеле, суахили, масай, корейского, юкагирского, татарского (мишарский диалект), чувашского, хакасского, марийского, удмуртского и английского. В отдельных случаях привлекается также материал ряда других языков. Данная языковая выборка по своему составу невелика и, с точки зрения ареального и генетического представления, крайне неравномерна (информацию о генетической принадлежности см. в разделе «Указатель языков»). Наше исследование не является, таким образом, строго типологическим, а представляет собой скорее ареально-генетический обзор языков некоторых групп.

Все языковые примеры (кроме примеров из русского и английского языков) поморфемно гlossenированы. Гlossenирование выполнено в единой системе обозначений (см. раздел «Список сокращений»); в тех случаях, когда пример заимствован из какой-либо лингвистической работы, в которой используется гlossenирование, авторские сокращения унифицированы согласно принятой у нас системе.

В тех случаях, когда языковые примеры взяты из лингвистических работ, они сопровождаются ссылкой на источник с указанием страницы. Английские и русские примеры, взятые из естественных текстов, сопровождаются просто указанием на источник.

В прочих случаях языковой материал либо получен нами от информантов, либо лично предоставлен нам нашими коллегами (подробнее см. в разделе «Благодарности»). Если при этом пример взят из какого-либо неопубликованного текста на данном языке, он сопровождается пометой [txt]; в прочих случаях при примерах не приводится никаких указаний на источник.

В нашей работе не представлен обычный раздел «Обзор литературы». Сделано это в связи с тем, что литература, которую мы цитируем и на которую ссылаемся, тематически крайне неоднородна, а потому достаточно подробно разбирается в разделах, посвященных тем вопросам, по которым привлекаются соответствующие библиографические источники. Мы надеемся, что такая композиционная особенность работы призвана облегчить ее восприятие и не идет ей в ущерб.

Благодарности.

Я полагаю, что просто не имею права не предварить свою дипломную работу выражением глубочайшей благодарности всем тем, кто так или иначе к ней причастен.

В первую очередь, разумеется, я хочу поблагодарить моих информантов. Во-первых, это все информанты, работавшие с нами во время наших Татарской и Чувашской лингвистических экспедиций (происходивших при поддержке гранта РГНФ №01-04-18029e); особо хочу упомянуть Гульнару и Ландыш Шагитовну Галимовых, Венеру Толгатовну Галиуллину, Лейсан Рахматуллину (с. Татарский Ялтан Чистопольского района Республики Татарстан) и Наташу Иванову, Витю Павлова, Марию Терентьевну Туйгачеву и Людмилу Геннадьевну Яковлеву (с. Шимкусы Янтиковского района Республики Чувашия). Во-вторых, это моя марийская информантка Инга Пирогова, мои удмуртские информантки Галина Михайлова и Мелиssa Андреевна Митрофанова (с. Зура Игринского района Республики Удмуртия), мой информант бамана Дуга Сисоко.

Хочу сказать также огромное спасибо всем коллегам, предоставившим материал по ряду языков. Это Эстен Даль, предоставивший мне данные языка маори в объеме своей знаменитой анкеты, Юлия Георгиевна Суэтина, предоставившая мне примеры из языка хауса и много рассказавшая об употреблении интересующей меня глагольной формы, Таня Никитина, также много рассказавшая мне о языке хауса, Нина Романовна Сумбатова, предоставившая мне драфт своей статьи про глагол языка ландума, Саша Архипов, предоставивший мне свои материалы по марийскому и хакасскому языкам, Елена Юрьевна Калинина, предоставившая мне марийские тексты, Инна Кулакова, предоставившая мне хакасские примеры, Аня Алексеева, хакасскими примерами которой я пользовался, и, наконец, Аня Пазельская, собравшая большую часть татарских и чувашских примеров, задействованных в работе.

Невыразимую благодарность я испытываю по отношению ко всем тем, кто читал какие-либо части этой работы на разных стадиях ее написания (включая мою курсовую за 4 курс) и сделал мне самые различные замечания; это Саша Архипов, Дима Ганенков, Нина Роландовна Добрушина, Андрей Анатольевич Зализняк, Елена Юрьевна Калинина, Антонина Ивановна Коваль, Инна Кулакова, Тимур Анатольевич Майсак, Таня Никитина, Аня Пазельская и Саша Симоненко. Хочу также сказать огромное спасибо моей подруге Наташе Стойновой, которая выправила множество опечаток и стилистических ограхов и заставила меня сделать часть формулировок более понятными.

Хочу поблагодарить всех, кто делал мне различные замечания после моих докладов или просто консультировал меня по вопросам, так или иначе касавшимся работы. Это Светлана Анатольевна Бурлак, Эстен Даль, Михаил Александрович Даниэль, Константин Игоревич Казенин, Алла Литвиненко, Елена Викторовна Падучева, Елена Константиновна Скрибник, Сергей Георгиевич Татевосов, Олеся Ханина и Татьяна Евгеньевна Янко.

Хочу также сказать отдельное спасибо Сергею Георгиевичу Татевосову, Константину Игоревичу Казенину и Екатерине Анатольевне Лютиковой, руководителям Татарских и Чувашской лингвистических экспедиций, научившим меня основам полевой лингвистической работы и создавшим в нашей экспедиционной группе удивительнейшую лингвистическую обстановку. Спасибо и всем моим соэкспедионерам, общение с которыми очень сильно увеличивало мой научный бэкграунд и стимулировало к работе.

Большое спасибо моему рецензенту Елене Юрьевне Калининой, взявшей на себя труд по прочтению этого текста.

Разумеется, основная благодарность адресована моему научному руководителю Владимиру Александровичу Плунгяну.

Кроме того, конечно, за общий лингвистический фон хочу сказать огромное спасибо всем преподавателям ОТиПЛа и особенно нашему учителю Александру Евгеньевичу Кибрику, без которого вообще ничего бы не было.

А еще спасибо человеку, благодаря которому я, собственно говоря, стал лингвистом, – моей учительнице русского языка Нине Роландовне Добрушиной.

Введение.

Настоящая работа посвящена описанию разных сторон такого явления, как «наследование» грамматических значений одной глагольной формой у другой глагольной формы, в которой эти значения выражены. В ряде языков мира можно наблюдать такую ситуацию, что последовательность из нескольких глагольных форм имеет одно и то же грамматическое значение, но это значение выражается один раз:

(B.1) бамана

Sít `n	wúlì-lá	kà	sógo	tóbí.
Ситан	вставать-PFV	INF	мясо.ART	готовить
Ситан встала и приготовила мясо [Dumestre 1987: 422] ¹ .				

В примере (B.1) из языка бамана глаголы *wúlì* ‘вставать’ и *tóbí* ‘готовить’ имеют значение Перфектива, однако показатель Перфектива *-lá* имеет только глагол *wúlì*, а глагол *tóbí* имеет показатель *kà*, традиционно описываемый в языке бамана как показатель Инфинитива; в данном примере этот показатель указывает на то, что грамматическое значение глагола *tóbí* выражено в глагольной форме, линейно расположенной слева от него.

(B.2) татарский

alma	aşa-p	kit-i-m.
яблоко	есть-CONV	уходить-HORT-1SG
Съем-ка я яблоко и уйду-ка.		

Аналогично, в примере (B.2) из мишарского диалекта татарского языка и глагол *aşa-* ‘есть’, и глагол *kit-* ‘уходить’ имеют гортативное значение, но показатель гортатива *-i-* имеет только глагол *kit-*, а глагол *aşa-* имеет показатель Деепричастия *-p*, который в данном случае указывает на то, что грамматическое значение глагола *aşa-* выражено в глаголе *kit-*, линейно расположенному справа от него. Таким образом, грамматическое значение двух глаголов выражается один-единственный раз. Для подобных деепричастных конструкций в англоязычной литературе используется термин «clause-chaining», а в традиции, идущей от Новосибирской лингвистической школы, – термин «алтайское сочинение». Термин «clause-chaining» мы будем использовать в расширительном значении – для всех конструкций с единственным выражением грамматических значений на цепочку глагольных форм.

В качестве похожего на (B.1) и (B.2) русского примера, пусть и с периферийной для русской грамматической системы конструкцией, приведем пример (B.3):

(B.3) русский

*А ты бы пришел и трах его по голове!*²

В предложении (B.3) глагольная форма *пришел бы* в первой предикации и «глагольное междометие»³ *трах* во второй предикации имеют одно из значений русского т. н. сослагательного наклонения, однако только форма *пришел бы* это значение выражает, а форма *трах* приобретает его в контексте формы *пришел бы*.

Мы будем говорить, что форма *kà tóbí* в примере (B.1) «наследует» значение Перфектива у формы *wúlilá*, форма *aşap* в примере (B.2) «наследует» значение Гортатива у формы *kitim*, а лексема *трах* в примере (B.3) «наследует» значение

¹ Более «дословный» перевод этого предложения *Ситан встала, чтобы приготовить мясо* не отражает его семантическую интерпретацию; в цитируемой работе [Dumestre 1987] этот пример также переведен сочиненной конструкцией.

² Пример Т. А. Майсака.

³ Ср. [Пешковский 1928] и [Шахматов 1925] об этой русской глагольной форме, или, с нашей точки зрения, скорее особом классе лексем.

Сослагательного наклонения у формы *пришел бы*. Сами формы, способные «наследовать» грамматические категории, мы будем называть «наследующими» глагольными формами. Их типы и свойства и будут основным предметом рассмотрения в работе.

Оговоримся, что выражение «наследующая форма» в некоторых случаях будет не вполне корректно употребляться для обозначения серии «наследующих» форм: например, в языке хауса и в ведийском языке существует ряд форм, различающихся с точки зрения лица и числа, но «наследующих» такие семантические глагольные категории, как время и наклонение.

Явление, представленное в примерах (B.1) и (B.2), имеет три относительно независимых аспекта. Во-первых, грамматический аспект: с одной стороны, глагольная форма способна «наследовать» грамматическое значение у другой глагольной формы и сама по себе она по этому значению «не маркирована», а с другой стороны, несмотря на разный морфологический облик, две глагольные формы имеют одно и то же значение. Во-вторых, синтаксический аспект: несмотря на морфологическое «неравноправие» представленных в подобных конструкциях глагольных форм, эти конструкции могут проявлять свойства синтаксического сочинения. В-третьих, семантический аспект: несмотря, опять же, на морфологическую неоднородность, обе глагольные формы и, как следствие, обе возглавляемые ими предикации, равнозначны для говорящего, а выражаемые ими пропозиции имеют одинаковый коммуникативный статус, то есть конструкция является сочинительной семантически.

Формы, «наследующие» грамматические категории, с некоторой долей условности разделяются на три группы. Во-первых, это так называемые «неспецифицированные формы», или «неспецифицированные времена», – финитные глагольные формы, имеющие помимо тех употреблений, где они «наследуют» грамматические свойства соседних форм, широкий круг употреблений в независимом предложении. Пример (B.4) из языка маори представляет «наследующую» форму с показателем *ka*; пример (B.5) демонстрирует один из типов употребления той же формы в независимом предложении – употребление в перформативном высказывании, – но кроме того та же форма употребляется в гномических предложениях, в побудительных предложениях, а также в ряде других; о ней см. подробнее в разделе II.2.2:

(B.4) маори

whirihiri	noa	ai	te	kaitito	i	te	rangi
выбирать	только	HABIT	ART	сочинитель	OBJ	ART	мотив
ā	ka	tāpirī		āna	kiuri.		
и	UNSPEC	добавлять		его	слово		

Сочинитель только выбирал мотив и добавлял к нему свои слова [Harlow 1988: 207].

(B.5) маори

ka	tara	au	i	tana	ingoa
UNSPEC	называть	я	OBJ	этот	ребенок
ko	Hata.				
NAME	Хата				

Я называю этого ребенка Хата.

Во-вторых, это формы, в части своих употреблений близкие к инфинитиву, – ср. пример (B.1) и пример (B.6) из языка бамана:

(B.6) бамана

ní y' í wélé kà ní c̄ f'g'.
 я PFV ты звать INF я муж убивать

Я тебя позвала убить моего мужа [Dumestre 1987: 427].

В-третьих, это различные деепричастные (в широком смысле слова, ср. [Van der Auvera 1998]) формы – ср. пример (B.2) и пример (B.7) из мишарского диалекта татарского языка:

(B.7) татарский

ilnur jat-ꝑp uka-dꝑ.
 Ильнур лежать-CONV читать-PST
Ильнур читал лежа.

Подробно деепричастия и вопрос о вхождении в эту группу «медиальных» глаголов будет обсуждаться в II.4. Здесь же остановимся кратко на том, что, безусловно, в группу деепричастий в широком смысле слова входят также и т. н. «нarrативные», или «консективные» (в понимании работ [Нутан 1971], [Welmers 1973], а также, [Аксенова, Топорова 1990] и [Аксенова 1997]), глагольные формы, употребляющиеся при описании последовательности событий – ср. пример (B.8) из языка суахили:

(B.8) суахили

raka hu-kamata ranya a-ka-wa-la.
 кошка НАБИТ-хватать мышь.PL CL-CONS-CL-есть

Кошка обычно ловит мышей и ест их [Громова, Охотина 1995: 234].

Употребления «наследующих» глагольных форм в работе будут разделены на три группы. Во-первых, употребления в контексте другой, «опорной», глагольной формы, имеющей определенный набор значений, который «наследуется», как в примере (B.9) из языка хауса:

(B.9) хауса

gobe	zan	tashi	da	safe,
завтра	POT.1SG	вставать	с	утро
in	yí	wanka,	in	karya kumallo.
INF.1SG	делать	мытье	INF.1SG	ломать тошнота

Я завтра утром встану, умоюсь и позавтракаю.

В примере (B.9) в первой предикации употреблена форма Потенциалиса *zan tashi*, а в следующих двух – «наследующие» формы для 1 л. ед. ч. *in yí* и *in karya* (т. н. «Время su», имеющее ряд сходных черт с инфинитивом), также получающие здесь потенциальное значение.

Такой тип употреблений, который будет в работе основным объектом внимания, можно назвать «контекстными» употреблениями «наследующих» форм. Контекстные употребления ставят для каждого языка с «наследующими» формами вопрос о том, какие грамматические категории могут в данном языке «наследоваться»; очевидно, что их набор для разных языков неодинаков.

Второй тип употреблений – это употребления в независимом (как синтаксически, так и дискурсивно⁴) предложении, в котором форма, способная «наследовать» грамматические категории, не имеет «опорной» формы и получает свою конкретную интерпретацию, так сказать, из ситуации употребления. Например, в предложении (B.10) «наследующий» Инфинитив языка хауса получает значение побуждения:

⁴ Под дискурсивно независимыми предложениями мы понимаем те предложения, которые могут составлять отдельную дискурсивную единицу, или, говоря традиционным языком, быть ограниченными с обеих сторон паузами любой длины.

(B.10) хауса

ka tafi.
INF.2SG.M идти
Иди.

Такой тип употреблений можно назвать «ситуационными» употреблениями «наследующих» форм. Для каждого языка, в котором «наследующая» форма может употребляться в независимом предложении, встает вопрос о том, каков набор допустимых интерпретаций таких предложений.

Третий тип употреблений – это употребления в определенных синтаксических условиях, в которых «наследующая» форма не «наследует» какие-либо значения у «опорной» формы, а просто является средством заполнения глагольной лексемой синтаксической позиции. В таких контекстах употребление «наследующей» формы обязательно или, по крайней мере, обязателен выбор одной из возможностей, в число которых входит употребление «наследующей» формы. Так, в языке хауса «наследующая» глагольная форма, Инфинитив, оформляет сентенциальный актант глагола *so* ‘хотеть’:

(B.11) хауса

ina so ku tafi gida.
1SG.IPFV хотеть INF.2PL идти дом
Я хочу, чтобы вы пошли домой.

Такой тип употреблений назовем синтаксическими употреблениями «наследующих» форм. Для этого типа употреблений представляется естественным такой параметр варьирования, как то, какие синтаксические контексты того или иного языка требуют обязательного употребления «наследующей» формы.

Настоящая работа состоит из трех частей. Первая часть посвящена разбору теоретических проблем, связанных с конструкциями с «наследованием» грамматических значений; отдельные разделы этой части затрагивают грамматические, синтаксические и семантические вопросы. Во Второй части представлен разбор конкретного языкового материала с анализом всех употреблений «наследующих» форм в ряде языков. Каждой конкретно-языковой «наследующей» форме соответствует в этой части специальный подраздел. Третья часть невелика по объему; в ней предлагаются некоторые обобщения, а также затрагиваются взаимодействие «наследующих» форм с показателями «переключения референции» и использование «наследующих» форм в сериализованных конструкциях.

Часть I. Теоретические проблемы.

Как уже было сказано во введении, исследование конструкций с «наследованием» грамматических категорий имеет три связанных друг с другом, но относительно независимых аспекта: грамматический, синтаксический и семантический. Грамматический аспект состоит, с одной стороны, в определении грамматических свойств формы, «наследующей» грамматические категории, а с другой – в описании места этой формы в глагольной системе того или иного языка в целом. Синтаксический аспект состоит в том, что конструкция с «наследующей» формой в любом случае занимает промежуточное положение между сочинительной и подчинительной синтаксическими конструкциями; вопрос состоит в том, какие именно сочинительные или подчинительные свойства может эта конструкция в том или ином языке иметь. Семантический аспект состоит в том, что пропозиции, обозначаемые как «опорной», так и «наследующей» формой равно важны для говорящего и имеют равный коммуникативный статус.

I.1. Грамматический аспект конструкций с «наследованием»: особый способ выражения грамматического значения.

В настоящем разделе мы рассмотрим возможные интерпретации грамматической природы и грамматической семантики глагольных форм, представленных в примерах (I.1)-(I.11) во введении или в примере (I.1.1):

(I.1.1)	чувашский				
	vaš's'a	jaška	ši-se	čej	iš-es-šěn.
	Вася	суп	есть-CONV	чай	пить-FUT-DESID
	<i>Вася хочет есть суп и пить чай.</i>				

Такие конструкции, как представленная в примере (I.1.1), и такие формы, как возглавляющая первую предикацию этого примера деепричастная форма *šise*, характеризуются следующими двумя грамматическими свойствами. Во-первых, деепричастная форма имеет то же грамматическое значение Дезидератива, что и соседствующая с ней форма, несмотря на то, что она сама по себе этого значения не выражает. Во-вторых, в контексте глагольной формы, выражающей другое грамматическое значение, эта деепричастная форма также принимает его на себя, ср. пример (I.1.1) и пример (I.1.2):

(I.1.2)	чувашский				
	vaš's'a	jaška	ši-se	čej	iš-et ^j .
	Вася	суп	есть-CONV	чай	пить-PRES.3SG
	<i>Вася ест суп и пьет чай.</i>				

I.1.1. «Сфера действия» или «сочинительное сокращение»?

Возможно два принципиально отличающихся друг от друга и даже противоположных друг другу способа описать то грамматическое явление, которое мы наблюдаем в примерах (I.1.1)-(I.1.2).

Первый способ состоит в том, чтобы предположить, что у обеих предикаций в примерах (I.1.1) и (I.1.2) и, тем самым, у обеих глагольных форм, эти предикации возглавляющих, изначально, при создании говорящим этих высказываний, было некоторое грамматическое значение, Дезидератив в примере (I.1.1) или Презенс индикатива в примере (I.1.2). Потом, в силу общелингвистического «принципа экономии», в одной из предикаций, то есть у одной из глагольной форм, эти грамматические значения не выражаются, а вместо этого к глагольной словоформе присоединяется специальный показатель, значением которого является указание на то,

что собственно грамматическое значение следует смотреть в соседней глагольной форме. Подобная трактовка «наследующих» употреблений т. н. Инъюнктива в ведийском языке (см. подробный разбор употреблений этой формы в разделе II.2.1 наст. работы), а также т. н. «настоящего исторического» древних индоевропейских языков – древнеирландского, древненорвежского, латинского и древнегреческого – была предложена в работе [Kiparsky 1968]. П. Кипарский описывает примеры с «наследованием» как результат своего рода «сочинительного сокращения» грамматических категорий: «...настоящее историческое в ранних индоевропейских языках представляет собой настоящее время только на поверхностном уровне. Синтаксически оно функционирует как прошедшее время, как это было показано для последовательности временных форм; семантически оно неотличимо от форм прошедшего времени, с которыми оно свободно чередуется в сочиненной конструкции... Его превращение в настоящее время на поверхностном уровне, должно быть, происходит под воздействием некоторого синтаксического правила, очевидно, одного из видов сочинительного сокращения» [Kiparsky 1968: 33-34]⁵. Согласно [Kiparsky 1968], при поверхностной реализации глагола с «сокращенными» грамматическими категориями выбирается наименее семантически нагруженная форма данного языка. Достоинством трактовки, предложенной П. Кипарским, является то, что она дает возможность рассматривать грамматическое явление, представленное в рассматриваемых примерах, в более широком контексте – как реализацию одного из стандартных процессов, происходящих в сочинительной конструкции (о соотношении рассматриваемых конструкций с понятиями синтаксического сочинения vs. подчинения предикаций см. в разделе I.2). Однако эта трактовка имеет и ряд недостатков.

Во-первых, само по себе такое употребление термина «сочинительное сокращение» крайне неудачно, так как этот термин обычно употребляется как раз применительно к «внешнему», «поверхностному» явлению уничтожения физически совпадающего языкового материала. В частности может сокращаться и аффикс, являющийся грамматическим показателем (в этом случае мы имеем дело с т. н. «групповой флексией» – см. о ней в подразделе I.1.3). Проиллюстрируем сокращение грамматического аффикса на примере (I.1.3) из мишарского диалекта татарского языка, где представлено сочинительное сокращение показателя Аккузатива в сочиненной конструкции:

(I.1.3)	татарский		
кыз	häm	malaj-nꝫ	kürgä-m.
девочка	и	мальчик-ACC	видеть-1SG
<i>Я вижу девочку и мальчика.</i>			

Поскольку, очевидным образом, в примерах (I.1.1)-(I.1.2) и в примере (I.1.3) мы видим два принципиально различных явления, необходимо использовать для того, что мы видим в (I.1.1)-(I.1.2) не термин «сочинительное сокращение», а какой-либо другой.

Во-вторых, с содержательной точки зрения нам представляется необходимым описывать грамматический показатель не как «поверхностную реализацию» «нулевого» грамматического значения, а, даже в случае семантической «ненаркированности» данной глагольной формы (см. об этом в подразделе I.1.2), как способ выражения того или иного значения или значений, принадлежащих т. н.

⁵ «... the present historical in early Indo-European is a present tense only in superficial form. It functions syntactically as a past tense, as shown by sequence of tenses, it is semantically indistinguishable from the past tenses, and it alternates with these in conjoined structure... Its conversion into the present tense in the surface structure must be governed by a syntactic rule, evidently some form of conjunction reduction» [Kiparsky 1968: 33-34].

Универсальному грамматическому набору⁶ и связанных с прочими грамматическими значениями на т. н. семантической карте⁷ (подробнее см. раздел III.1). При таком подходе считать, что у «наследующей» формы, в зависимости от того, в контексте глагольной формы с каким грамматически значением она будет употреблена, каждый раз имеется новое значение, которое «сокращается» на «поверхностном» уровне, решительно невозможно.

Второй способ состоит в том, что изначально у «наследующей» формы предполагается отсутствие собственного грамматического значения (из набора грамматических значений, который она «наследует»), а значения, которые с ней соотносятся, она получает в контексте «опорной» глагольной формы. Подобная трактовка «наследующих» употреблений таких тюркских деепричастных форм, как татарское деепричастие на *-р* в примере (B.2), предложена в работе [Юлдашев 1977]: «Хотя деепричастие само по себе и не выражает грамматических категорий наклонения и времени, оно в своем употреблении при личных формах глагола неизменно предполагает модально-временную характеристику обозначаемого им действия, которая осуществляется опосредованным путем – деепричастие выравнивается по аналогии с модально-временным планом соотнесенного с ним личного глагола, однозначно выраженным его формой» [Юлдашев 1977: 27]. В силу изложенных выше причин, второй способ трактовки грамматического аспекта разбираемого явления, представляется нам более продуктивным. В качестве рабочего способа номинации рассматриваемого явления мы выбрали «незадействованный»⁸ термин «наследование» грамматических категорий одной глагольной формой у другой, который представляется нам наиболее нейтральным и отражает наше предпочтение второго способа интерпретации этого явления первому.

Если к описанию грамматической семантики подойти собственно семантически, то, прежде всего, придется признать, что, как сформулировано в [Johanson 1995], предикация, возглавляемая «наследующей» формой, и сама эта «наследующая» форма находятся в сфере действия⁹ тех грамматических категорий «опорной» глагольной формы, которые она «наследует». Сравним, например, уже приведенный пример (I.1.1), где чувашская деепричастная форма на *-са* «наследует» значение Дезидератива, с примером (I.1.4), где вместо нее употреблена другая деепричастная форма, выражающая обстоятельственное значение предшествования или условия:

(I.1.1) чувашский				
vašš'a jaška ši-se	čej	iš-es-šěn.		
Вася суп есть-CONV	чай	пить-FUT-DESID		
<i>Вася хочет есть суп и пить чай.</i>				
(I.1.4) чувашский				
vašš'a jaška ši-sen	čej	iš-es-šěn.		
Вася суп есть-CONV.COND	чай	пить-FUT-DESID		
<i>Вася, съев суп, хочет пить чай.</i>				

⁶ Термин предложен в работе [Плунгян 1997].

⁷ Метод семантического картирования введен в работе [Anderson 1982].

⁸ Точнее, термин «наследование по умолчанию» (default inheritance) используется в таком морфологическом формализме, как Сетевая морфология (Network Morphology), с тем значением, что если некоторый объект относится к некоторому классу, то, если не указано обратного, он «наследует» все общие признаки этого класса (см. [Corbett, Fraser 1993]). Однако, поскольку сферы применения этого термина у нас и в Сетевой морфологии весьма различны, мы сочли возможным создать омонимию терминов.

⁹ О понятии сферы действия см. прежде всего работу [Богуславский 1996]; отметим при этом, что в противопоставлении scope и сферы действия в [Богуславский 1996: 46-48] используемое в нашей работе понятие сферы действия скорее соответствует scope.

В примере (I.1.1) Деепричастие на *-sa* «наследует» значение Дезидератива, выраженное при помощи показателя *-şen*, и, тем самым, вместе с возглавляемой им предикацией входит в сферу действия этого показателя и модального оператора желания, который является ее значением¹⁰. В примере (I.1.4) представлено Деепричастие на *-san*, не «наследующее» грамматические категории и, таким образом, не входящее в сферу действия показателя *-şen* и модального оператора желания. Деепричастие на *-san* выражает значение предшествования во времени всей ситуации, выраженной главной предикацией, которая с семантической точки зрения возглавляется оператором желания¹¹. Объяснительная сила описания подобных конструкций при помощи понятия сферы действия будет отчасти показана в разделе I.3.3.

I.1.2. Грамматические признаки, «дефолтные» категории и семантическая «маркированность».

Очевидно, что для того, чтобы «наследующая» глагольная форма могла, как в примерах (B.1), (B.2) или (I.1.1), «наследовать» грамматические значения, она должна сама по себе этих значений не выражать, а быть по ним не «специфицированной». Тогда можно ту глагольную грамматическую категорию, которая в данном языке может «наследоваться», описывать как признак с определенным набором значений. «Наследующая» форма, в отличие от остальных, не выражает никакой граммемы этой категории, то есть ей не присвоено никакое из значений этого признака. Тогда данную форму естественно считать семантически «немаркированной».

Описание того или иного лингвистического объекта как обладающего некоторым набором признаков прежде всего появилось в фонологии: при любой трактовке понятия фонемы предполагается, что она обладает некоторым набором признаков. Мы здесь, в целях экономии места, не будем рассматривать всю историю описания фонемы как набора признаков и укажем лишь на новейшую работу [Ewen, van der Hulst 2001]. В этой работе особое внимание уделено такому существенному для признаковой модели явлению, как «неспецифицированность» (underspecification) какого-либо объекта (в фонологии – фонемы). «... маркированное значение признака в явном виде специфицировано, тогда как немаркированное значение в фонологическом представлении отсутствует и заполняется в ходе построения поверхностного фонетического представления» [Ewen, van der Hulst 2001: 65]¹².

Подобный принцип описания может быть перенесен и на грамматическую семантику и морфологию, причем различными способами, хотя общее понимание маркированности и спецификации при этом всегда сохраняется. Если интерпретировать, например, набор значений как набор признаков, то естественно называть «немаркированной» формой ту, у которой число выраженных значений минимально. Ср. понимание маркированности в морфологии, сформулированное в [Andrews 1990]: «Маркированность означает обязательное присутствие некоторого элемента, в то время как немаркированность означает, что элемент может

¹⁰ Е. В. Падучева (личное сообщение) заметила, что вообще грамматические значения в семантической структуре являются операторами, то есть, по определению, должны иметь сферу действия. Описание глагольных семантических категорий как операторов с определенной сферой действия принято, например, в референциально-ролевой грамматике [Foley, Van Valin 1984]. Поэтому описание конструкций с «наследованием» в терминах сферы действия оказывается крайне удобным.

¹¹ Аналогичные (I.1.1) и (I.1.4) пары примеров см. для турецкого языка в [Johanson 1995: 323], для мишарского диалекта татарского языка в [Пазельская, Шлюнинский, рукопись], а также для юкагирского языка в [Maslova 2000: 261-262].

¹² «...the marked value for a feature is underlyingly specified, while the unmarked value is absent in phonological representations, and is filled in by rule in course of the derivation of the surface phonetic representations» [Ewen, van der Hulst 2001: 65].

присутствовать или не присутствовать – форма по нему просто не специфицирована» [Andrews 1990: 14].

В формальной морфологии понятие маркированности является вполне устоявшимся. Немаркированной, с формально-морфологической точки зрения, в данной парадигме считается форма с показателем или набором показателей, который короче или проще показателя или набора показателей, использующихся для образования других форм. Наиболее распространен частный случай, когда немаркированной оказывается форма, образующаяся при помощи нулевого показателя. Существует и узкое понимание морфологически немаркированной формы, при котором это понятие применяется только для такого рода случаев. Подробный разбор понятия морфологической маркированности и соотношения морфологической маркированности с семантической см. в работах [Mayerthaler 1981], [Eckman, Moravcsik, Wirth 1986], [Andrews 1990]. О самом термине «маркированность» см. [Якобсон 1971].

Если же речь идет о семантической «маркированности» или «немаркированности» той или иной формы, то здесь устоявшегося подхода нет, а потому необходимо рассмотреть основные существующие концепции.

Во-первых, нельзя не вспомнить знаменитую работу [Якобсон 1936/1985], в которой обсуждается русская падежная система и значения русских падежей. Основой структуралистского подхода к описанию семантической «маркированности» в грамматической семантике является понимание самого грамматического значения как набора нескольких признаков, по каждому из которых маркирована или не маркирована данная граммема. Оставляя в стороне вопрос о том, какие достоинства или недостатки есть у такого способа описания грамматического значения, мы лишь отметим, что нам, в связи с основной темой работы, хотелось бы говорить о семантической «немаркированности» по каким-либо грамматическим значениям в целом.

Во-вторых, можно считать семантически «немаркированной» ту глагольную форму, которая употребляется в наиболее широком наборе контекстов и, таким образом, выражает наибольшее число значений. Примерно такой смысл вкладывается в понятие «дефолтной» (default) категории в работе [Dahl 1985]. Э. Даль разводит термины «немаркированный» (unmarked) и «дефолтный» (default) следующим образом: «немаркированным» может быть формальное выражение грамматической категории (то, что мы назвали морфологической маркированностью), а применительно к значению используется термин «дефолтный» (default) (см. [Dahl 1985: 19]). «Дефолтной», по Э. Далю, является та глагольная форма, употребление которой описывается, так сказать, «по остаточному принципу»: набор контекстов, где используется «дефолтная» форма, – это набор тех контекстов, которые не покрываются прочими глагольными формами. В некоторых языках Э. Даль выделяет разные «дефолтные» категории для статических и динамических контекстов. Такое понимание семантической «маркированности» может оказаться вполне продуктивным, однако оно не подходит для анализа «наследующих» форм как «неспецифицированных» по каким-либо грамматическим категориям. Поэтому мы предпочитаем в настоящей работе не пользоваться термином «дефолтная категория» («дефолтная форма»), сохранив за ним его понимание в работе [Dahl 1985], а употреблять просто словосочетание «семантически «немаркированная» форма».

Итак, третьим возможным пониманием семантически «немаркированной» формы, которое мы и принимаем в этой работе, является следующее. Семантически «немаркированной», или «неспецифицированной», формой является та форма, с которой не соотносится конкретная граммема той или иной грамматической категории и которая, в зависимости от условий употребления, может выражать значения разных

граммем, то есть получать различные грамматические признаки¹³. Центральный для нашей работы случай, когда «ненаркированная» форма «наследует» у «опорной» грамматические признаки, то есть находится в сфере действия грамматических категорий «опорной» формы, мы, как было уже сказано во введении, называем контекстным употреблением. В противном случае мы имеем дело либо с ситуационным употреблением, где «ненаркированная» форма получает конкретный набор грамматических признаков в зависимости от ситуации произнесения высказывания или от обстоятельственных маркеров, либо с синтаксическим употреблением, где «ненаркированная» форма используется лишь для номинации глагольной лексемы и грамматические признаки ей вообще не нужны. Далее мы будем говорить о семантически «ненаркированной» форме, или просто «ненаркированной» форме, именно в этом смысле.

Упомянем также о проблеме соотношения формально-морфологической и семантической «маркированности». Очевидно, что семантическая и морфологическая «маркированность» могут быть взаимосвязаны. Если глагольная форма не выражает каких-либо грамматических категорий, то, скорее всего, она не будет содержать и морфологических показателей этих категорий (ср. также таблицу, соотносящую тип глагольной формы со способом ее выражения для обширной выборки языков [Dahl 1985: 183]). Рассмотрим, например, семантически «ненаркированную» глагольную форму в языке хауса, «наследующую» ряд грамматических значений (см. пример (B.9)) и имеющую ряд употреблений в независимом предложении:

(I.1.5) хауса

ka tafi.

INF.2SG идти

≈ *Ты идеешь.*

Как видно из примера (I.1.5), Инфинитив языка хауса для второго лица единственного числа образуется при помощи показателя *ka*. Основная часть прочих глагольных форм в большей степени морфологически маркирована, чем Инфинитив, рассмотрим, например, форму будущего времени, представленную в примере (I.1.6):

(I.1.6) хауса

za ka tafi.

POT 2SG идти

Ты пойдешь.

Сравнение примеров (I.1.5) и (I.1.6) показывает, что семантически «ненаркированная» форма стремится к тому, чтобы быть и морфологически наименее маркированной. Однако Императив в языке хауса образуется при помощи нулевого показателя, то есть морфологически не маркирован:

(I.1.7) хауса

∅ tafi.

IMP.2SG идти

Иди.

Самой морфологически «ненаркированной» глагольной формой в языке хауса оказывается Императив, а Инфинитив, семантически «ненаркированная» форма, все же морфологически маркирован. Таким образом, в общем случае семантическая и морфологическая маркированность – это принципиально разные явления (ср. также

¹³ Ср. также рассуждение о «неглобальном характере» словоизменительной категории в [Мельчук 1997: 252-253]: «обязательность» грамматического значения вовсе не требует его выражения в каждой форме данного лексического класса.

противопоставление формальной и грамматической маркированности в [Мельчук 1998: 25]).

I.1.3. «Наследование» грамматических категорий vs. групповая флексия: параллель с противопоставлением между анафорой и эллипсисом.

К грамматическому, или даже скорее морфологическому, аспекту проблемы относится также различие между «наследованием» грамматических категорий и т. н. «групповой флексией». Под «групповой флексией» (см. [Плунгян 2000: 33-34]) обычно понимаются те конструкции, в которых сочиненная составляющая присоединяет словоизменительный аффикс только к одному из конъюнктов (самому левому или самому правому). Иначе это явление можно описать как сочинительное сокращение словоизменительных аффиксов:

(I.1.8) испанский
clara у precisa-mente
ясный и точный-ADV
<i>ясно и точно</i> ([Плунгян 2000: 34])

Сравним еще раз уже обсуждавшиеся примеры из мишарского диалекта татарского языка:

(I.1.9) татарский
alma а́са-р kit-i-m.
яблоко есть-CONV уходить-HORT-1SG

Съем-ка я яблоко и уйду-ка.

(I.1.3) татарский
kız häm malaj-nъ kürä-m.
девочка и мальчик-ACC видеть-1SG

Я вижу девочку и мальчика.

Несмотря на приведенные в подразделе I.1.1 доводы против того, чтобы считать явления, проиллюстрированные в примерах (I.1.9) и (I.1.3) разными вариантами одного и того же, между этими явлениями можно обнаружить и определенное сходство. Оно заключается в том, что в обоих случаях, как при «наследовании» некоторой грамматической категории – Гортатива – в примере (I.1.9), так и при сочинительном сокращении словоизменительного аффикса – показателя Аккузатива – в примере (I.1.3), грамматическое значение, относящееся к двум сочиненным словоформам, выражено только в одной из них. С точки зрения строго синхронного описания языковой системы, эти два явления, безусловно, имеют одно и то же основание: язык стремится к однократному выражению тех значений, которые относятся к обоим сочиненным элементам. Куда более распространенным проявлением той же тенденции является эллипсис, или сочинительное сокращение, словоформ либо более крупных синтаксических составляющих (о понятии и типах эллипсиса и сочинительного сокращения см. [Koutsoudas 1971], а также [Van Oirschot 1987: 102-176]).

Формальным различием между конструкциями в примерах (I.1.9) и (I.1.3) можно считать то, что при «наследовании» грамматических категорий «наследующая» форма содержит специальный показатель, значением которого является отсылка к значению «опорной» формы, а при групповой флексии та словоформа, в которой грамматическое значение не выражено, никакого словоизменительного показателя не содержит. «Наследование», являющееся значением того или иного показателя, связано со смежными значениями, принадлежащими Универсальному грамматическому набору, и может совмещаться с некоторыми из них в одном показателе (см. примеры во введении). С диахронической точки зрения, конструкции с «наследованием»

возникают тогда, когда в них начинают употребляться глагольные формы, употреблявшиеся прежде в других контекстах, а групповая флексия, как показано в [Плунгян 2000: 34], является наследием того периода существования языка, когда словоизменительный показатель представлял собой отдельную словоформу. Нужно, однако, оговорить, что групповая флексия может и «переосмыслиться» как конструкция с «наследованием», если после ряда фонетических изменений «сокращаемый» показатель уже морфологически легко не отделяется; по-видимому, так обстояло дело с ведийским Инъюнктивом и «Временем» Su в языке хауса, рассматриваемыми нами ниже в II.2.1 и II.3.2.

Отметим, что так же, как «наследование» грамматических значений и групповая флексия, соотносятся между собой такие синтаксические явления, как уже упомянутое сочинительное сокращение и анафора, то есть замена лексически полной составляющей некоторым анафорическим средством (о типах анафорических средств см. прежде всего знаменитую работу [Chomsky 1981]). И анафорические средства, и показатели «наследования» грамматических категорий, то и те и другие, во-первых, имеют формальное средство выражения, во-вторых, способны совмещать с «анафорическим» или «наследующим» значением другие значения, в-третьих, часто диахронически происходят из показателей, использовавшихся ранее для смежных значений. Как при групповой флексии, так и при эллипсисе не выражающийся в одной из составляющих элемент просто отсутствует, и потому на его месте не может быть специального показателя, указывающего на то, что данное значение уже выражено в правом или левом контексте.

Отдельную проблему при различении конструкций с «наследованием» грамматических категорий и групповой флексии составляют те случаи, когда показатель «наследования» является нулевым (ср. разбор известной синтаксической проблемы разграничения эллипсиса и нулевой анафоры в [Тестелец 2001: 276-278])¹⁴. По-видимому, так обстоит дело в баскском языке, в глагольной системе которого представлена такая наименее морфологически и семантически «маркированная» форма, как так называемый *radical* (см. о нем [Trask 1997: 103]). Эта форма способна к ограниченному употреблению в независимом предложении, имеет ряд синтаксических употреблений, а также в некоторых контекстах способна «наследовать» грамматические значения:

(I.1.10) баскский

Herri	hart-a-ko	haurr-ak	ege	beste
деревня	этот-ART-ATR	ребенок-NOM.PL	тоже	другой
herri	asko-tako	haurr-ak	bezalaxe	bizi ziren:
деревня	много-ATR	ребенок-NOM.PL	как	жить PST.3PL
eskola-ra	joan,	jolas egin,	telebista	ikusi.
школа-ALL	ходить	игра	делать телевидение	смотреть

Дети из этой деревни жили так же, как дети из многих других деревень: ходили в школу, играли, смотрели телевизор.

Основным критерием, который позволяет постулировать наличие нулевого показателя в таких формах, является способность этих форм употребляться в ряде контекстов, не сводящихся к контекстам с «наследованием».

¹⁴ Эта проблема, разумеется, является частным случаем проблемы разграничения нулевого показателя и отсутствия показателя.

I.1.4. «Наследование» грамматических категорий vs. категория таксиса.

«Наследующие» глагольные формы по своему употреблению похожи на формы, значение которых относят к категории таксиса. Поэтому было бы не вполне корректно оставить различие между двумя этими типами глагольных форм в стороне.

Общепринятое понимание таксиса восходит к работам [Якобсон 1957/1972] и [Маслов 1978]. Согласно определению, сформулированному в [Мельчук 1998: 68], таксис, или относительное время, – это «категория, элементы которой характеризуют временную локализацию описываемого факта по отношению к другому описываемому факту, упомянутому независимо». Основных таксисных значений, таким образом, три: предшествование, одновременность и следование. Пример (I.1.11) показывает таксисную форму следования из мишарского диалекта татарского языка, которая описывает ситуацию, следующую во времени за ситуацией, описанной финитной глагольной формой:

(I.1.11) татарский

rišat	kit-kän-če	zufär	žyrla-dx.
Ришат	уходить-PFCT-CONV.POST	Зуфар	петь-PST
<i>Перед тем как Ришат ушел, Зуфар спел.</i>			

В языках мира засвидетельствовано два основных способа выражения таксисных значений. Первый способ, названный в [Плунгян 2000: 271] «нефинитной» моделью («зависимый» таксис по [Якобсон 1957/1972]), предполагает синтаксическое подчинение таксисной глагольной формы другой, финитной, глагольной форме. «Нефинитные» таксисные формы, как в примере (I.1.11), как правило, не выражают других глагольных категорий, в частности, категории времени, а потому не различаются, например, следование в прошлом, настоящем и будущем (ср. примеры (I.1.12) и (I.1.13)):

(I.1.12) татарский

rišat	kit-kän-če	zufär	žyrla-r.
Ришат	уходить-PFCT-CONV.POST	Зуфар	петь-РОТ
<i>Перед тем как Ришат уйдет, Зуфар споет.</i>			

Второй способ выражения таксиса назван в [Плунгян 2000: 272] «комбинированной» моделью («независимый» таксис по [Якобсон 1957/1972]). «Комбинированные» таксисные формы являются финитными, то есть способны возглавлять синтаксически независимое предложение. Помимо таксиса, они выражают также и граммемы категории абсолютного времени. Таким образом, различаются по выражению, скажем, предшествование в прошлом, настоящем и будущем. Такая система глагольных форм характерна для языков Западной Европы. В качестве примера приведем французские формы предшествования в прошлом и в будущем, т. н. Plus-que-parfait и Futur Antérieur:

(I.1.13) французский

quand	Jean	ét-ait	ven-u,
когда	Жан	быть-IMF.3SG	приходить-PART.PST
Pierre	est		part-i.
Пьер	быть.PRES.3SG		уходить-PART.PST
<i>Когда Жан пришел, Пьер ушел.</i>			

(I.1.14) французский

quand	Jean	ser-a	ven-u,	Pierre	part-ir-a.
когда	Жан	быть.FUT-3SG	приходить-PART.PST	Пьер	уходить-FUT-3SG
<i>Когда Жан придет, Пьер уйдет.</i>					

Сходство между таксисными и «наследующими» формами состоит в том, что и те и другие «предназначены» для того, чтобы выражать ситуацию, предшествующую, одновременную или следующую за ситуацией, выраженной опорной формой. Главное

же различие состоит в том, что ситуация, выраженная «наследующей» формой, равноправна с ситуацией, выраженной «опорной» формой, а ситуация, выраженная таксисной формой, всегда имеет более низкий статус. В примере (I.1.15а) мишарское «наследующее» деепричастие возглавляет предикацию, семантически сочиненную с предикацией, возглавляемой финитной глагольной формой, а в примере (I.1.15б) мишарское таксисное Деепричастие Предшествования возглавляет обстоятельственное предложение времени:

(I.1.15) татарский

- a) ilnur aša-p kit-te.
Ильнур есть-CONV уходить-PST
Ильнур поел и ушел.
- b) ilnur aša-gač kit-te.
Ильнур есть-CONV.PST уходить-PST
Ильнур, когда поел, ушел.

В I.3.3 будет также показано, что формы типа Деепричастия на *-gač* и типа Деепричастия на *-p* возглавляют предикации, имеющие разный коммуникативный статус.

В нарративном тексте (о его структуре см. [Labov 1972]), если предикация с опорной глагольной формой входит в основную линию повествования, то предикация, возглавляемая «наследующей» формой также входит в основную линию повествования, а предикация, возглавляемая таксисной формой, является фоновой.

Кроме того, ряд «наследующих» форм употребляется как в глагольных цепочках, выражающих несколько одновременных ситуаций, так и в цепочках, выражающих последовательность ситуаций, то есть не имеют постоянного таксисного значения, что уже само по себе не позволяет считать их обычными таксисными формами.

Тем не менее, указав на то, что «наследование» грамматических значений не является частным случаем таксиса, мы будем говорить о «последовательной» или «одновременной» таксисной интерпретации «наследующей» глагольной формы, в зависимости от того, для описания последовательных или одновременных ситуаций эта форма используется.

Отметим также, что в каком-то смысле про «нефинитные» таксисные формы можно сказать, что и они «наследуют» значения абсолютного времени у финитной глагольной формы. Эта проблема, однако, в нашей работе рассматриваться не будет.

I.2. Синтаксический аспект конструкций с наследованием: между сочинением и подчинением.

В разделе I.2 мы рассмотрим синтаксические свойства конструкций, описанных во введении. Общая особенность clause-chaining'a состоит в том, что эта конструкция всегда в том или ином смысле занимает промежуточное положение между сочинительной и подчинительной конструкциями. «Структурная неопределенность наиболее стандартных глагольных цепочек представляется основным свойством этой стратегии связывания предикаций (а не конструктом неадекватного синтаксического анализа). В отличие от строгой формальной оппозиции между сочинением и подчинением, clause-chaining является гибким средством для сочетания предикаций с различной значимостью и различной семантической связью» [Maslova 2000: 266]¹⁵. Принципиальное различие между сочинением и подчинением состоит, как известно, в том, что в сочинительной конструкции две или более синтаксических составляющих равноправны, а в подчинительной одна входит в другую или другие (см. об этом как классическую работу [Dik 1968: 36], так и современный учебник [Тестелец 2001: 256]). Конструкция с «наследованием», в отличие от классической сочинительной конструкции, является морфологически неравноправной: только одна из сочиняемых предикаций возглавляется глагольной формой, выражющей все общие грамматические значения, а остальные возглавляются формами, этих значений не выражирующими, а во многих случаях даже нефинитными¹⁶. От классической подчинительной конструкции конструкция с «наследованием» отличается тем, что, с семантической точки зрения, все предикации, как «главная», так и зависимые, описывают равноправные ситуации. Clause-chaining оказывается такой конструкцией, «в которой имеются две предикации, из которых ни одна не вложена в другую, но одна зависит от другой по некоторому признаку». [Foley, Van Valin 1984: 241]¹⁷. Прочие же сочинительные и подчинительные свойства такой конструкции могут быть различными в каждом конкретном случае (см. об этом в разделе I.2.4). Далее отнесение конструкций с «наследованием» к сочинительным или подчинительным зависит уже только от того, как именно следует понимать сочинение vs. подчинение. Так, Л. Стассен считает clause-chaining со структурно-синтаксической точки зрения чисто подчинительной конструкцией и даже замечает, что «со строго синтаксической точки зрения, можно сказать, что в языках с понижением «ранга» предиката вообще нет сочинительных глагольных цепочек, обозначающих последовательность» [Stassen 1985: 77]¹⁸. Т. Гивон считает clause-chaining принципиально иным способом связи между предикациями, чем тот, что предполагает противопоставление сочинения и подчинения [Givón 1990: 864]. В книге [Foley, Van Valin 1984] для подобных конструкций предлагается просто третий член противопоставления, куда входят традиционные сочинение и подчинение, который авторы называют cosubordination [Foley, Van Valin 1984: 256-263].

¹⁵ «The structural ambiguity of most ordinary chains appears to be an essential property of this strategy of clause linking (rather than an artifact of inadequate tools of syntactic analysis). Instead of a strict formal opposition between co-ordination and subordination, the clause-chaining offers a rather flexible device for combining clauses exhibiting various degrees of backgrounding and semantic cohesion» [Maslova 2000: 266].

¹⁶ В настоящей работе, если обратное не оговаривается специально, под финитностью глагольной формы понимается, в соответствии с традицией, просто способность этой формы возглавлять синтаксически независимое предложение (очевидно, что любая форма, как-либо ориентированная на употребление в тексте другой глагольной формы, в «совсем независимом» предложении употребляться не может). Предложенный в [Givón 1990] и уточненный в [Калинина 2001] континuum финитности / нефинитности отчасти будет обсуждаться в части 2.

¹⁷ «a construction in which there are two clauses such that neither is embedded in the other, but one is dependent from the other for some feature» [Foley, Van Valin 1984: 241].

¹⁸ «From a strictly syntactic point of view, one may say that deranking languages do not have any consecutive coordination at all» [Stassen 1985: 77].

Проблема разграничения сочинения и подчинения в промежуточных случаях¹⁹ хорошо изучена. В разделах I.2.2-I.2.4 мы покажем, какое место занимает clause-chaining в существующих подходах, а прежде, в I.2.1, проиллюстрируем, каковы возможные синтаксические типы clause-chaining'a.

I.2.1. Синтаксические свойства clause-chaining'a.

Прежде чем показывать, какие синтаксические свойства сочинительной и подчинительной конструкций могут иметь конструкции с «наследованием», рассмотрим их синтаксические свойства как таковые. Синтаксические свойства clause-chaining'a и параметры его синтаксического варьирования в языках мира описаны в [Longacre 1985], [Stassen 1985: 66-103] и [Givón 1990: 864-891].

Демонстрируя синтаксические свойства описываемых конструкций, мы будем опираться главным образом на противопоставления, обнаруженные в монографии [Stassen 1985], где один из разделов посвящен синтаксическим типам глагольных цепочек. В прочих двух указанных работах предложены сходные параметры варьирования. Прежде всего, Л. Стассен демонстрирует семантическое различие между цепочками, описывающими одновременные ситуации и последовательность ситуаций (simultaneous vs. consecutive action, [Stassen 1985: 66]). Если семантическое различие между ними очевидно или, по крайней мере, интуитивно понятно, то следует, вслед за Л. Стассеном, обратить внимание на тот факт, что эти два типа цепочек могут оформляться по-разному. Действительно, одним из важнейших аспектов clause-chaining'a является то, что в конкретном языке «наследующие» формы, использующиеся при описании последовательности / одновременности ситуаций, могут быть противопоставлены. Л. Стассен приводит на выражение этого различия примеры из языка игбо ((I.2.1)-(I.2.2)), а на его невыражение – пример из английского языка (I.2.3), который допускает как последовательную, так и одновременную интерпретацию:

(I.2.1) *игбо*

На no n'oce nà èri nri.
они сидеть вниз SIM есть еда

Они сидели и ели [Welmers 1973], цит. по [Stassen 1985: 66].

(I.2.2) *игбо*

О jíri egbe gþù-è ago.
он брать ружье убивать-NARR леопард

Он взял ружье и убил леопарда [Welmers 1973], цит. по [Stassen 1985: 67].

(I.2.3) *английский*

John played the flute and Mary recited a poem by Yeats.

Джон поиграл на флейте, а Мэри прочитала стихотворение Йитса [Stassen 1985: 67].

Может создаться впечатление, что различие средств для выражения последовательности или одновременности ситуаций связано с тем, является ли рассматриваемая конструкция конструкцией с «наследованием» или просто сочинительной. Но возможна и такая ситуация, чтобы «наследующая» форма имела как одновременную, так и последовательную интерпретацию. В примере (I.2.4) из мишарского диалекта татарского языка «наследующее» деепричастие *karap* имеет

¹⁹ Помимо конструкций с «наследованием», промежуточными между сочинительной и подчинительной конструкциями являются сочинительные конструкции, имеющие подчинительную семантику (см. об их синтаксических свойствах [Culikover, Jackendoff 1997], а об их семантике – [Богуславский 1996: 28-32]), а также «псевдосочинительные» комитативные конструкции (см. о них [Архипов 2001])

строго одновременную интерпретацию, а в примере (I.2.5) деепричастие *jugat-χр* – строго последовательную²⁰:

(I.2.4) татарский

zufär	kÿš-lar-ga	kara-р	bar-dχ.
Зуфар	птица-PL-DAT	смотреть-CONV	идти-PST
Зуфар смотрел на птиц и шел (\approx Зуфар ишёл, глядя на птиц).			

(I.2.5) татарский

äxmäd	kašeleg-χ-n	jugat-χр	üe-gä	bar-dχ.
Ахмад	кошелёк-3-ACC	терять-CONV	дом-DAT	идти-PST
Ахмед потерял кошелек и пошел домой.				

Для каждого семантического типа Л. Стассен различает формально равноправную и неравноправную конструкции (balancing vs. deranking construction, [Stassen 1985: 76]), приблизительно соответствующие рассматриваемым нами сочинительной конструкции и конструкции с clause-chaining'ом. Если в случае balancing construction имеет место обычное сочинение предикатов (и, тем самым, предикаций), как в примере (I.2.3), то в случае deranking construction «только один из предикатов сохраняет финитную глагольную форму, в то время как другой представляет собой подчиненный, обычно нефинитный, глагол» [Stassen 1985: 77]²¹. Очевидно, что такое определение deranking construction, если считать, что глагольные формы в цепочке должны иметь сходный набор грамматических значений, практически совпадает с нашим определением конструкции с «наследованием». Л. Стассен, однако, считает, что deranking construction заведомо является синтаксически и структурно подчинительной; в разделе I.2.4 мы покажем уже известные в лингвистической литературе примеры того, как конструкции типа clause-chaining'a могут проявлять сочинительные синтаксические свойства.

Deranking constructions Л. Стассен противопоставляет собственно подчинительным конструкциям (clause-embedding), отмечая при этом, что в принципе подчинительная конструкция с подчинительным союзом и сочинительная конструкция с сочинительным союзом – «это два варианта одной и той же структурной стратегии» [Stassen 1985: 79]²². Следует обратить внимание на то, что такое же различие, как и между союзовыми сочинительной и подчинительной конструкциями, имеется и между clause-chaining'ом и подчинительными конструкциями, где подчинительная связь маркируется в зависимом предикате (даный тип конструкций Л. Стассен почему-то не рассматривает). Различие же между маркированием синтаксической связи при помощи союза и при помощи специальных глагольных форм – это широко известное различие между т. н. «индоевропейской» и «алтайской» стратегиями (см. об этом [Подлесская 1993: 47]).

Deranking constructions по [Stassen 1985] имеют два следующих параметра варьирования. Во-первых, это наличие специальных условий (conditionality,

²⁰ В [Пазельская, Шлуинский, рукопись] показано, что выбор последовательной или одновременной таксисной интерпретации мишарского деепричастия на -р связан с тем, к какому аспектуальному (акциональному) классу принадлежит глагол, от которого это деепричастие образовано (сама аспектуальная классификация мишарских глаголов предложена в [Гатевосов, рукопись]; см. также сравнительный анализ таксисного поведения «наследующих» деепричастий татарского и чувашского языков в [Пазельская 2002]); подробнее см. в разделе II.4.2.4.1 настоящей работы. «Сильная» гипотеза состоит в том, что во всех случаях, где некоторое средство может использоваться и в последовательных, и в одновременных цепочках (включая английские и русские сочинительные конструкции) выбор таксисной интерпретации (последовательная, одновременная или обе) связана с аспектуальными классами глагольных лексем.

²¹ «Only one of the predicates in the chain retains its finite verb form, whereas the other predicate is represented as a subordinate, usually non-finite, verbal construct»[Stassen 1985: 77].

²² «Balancing and clause-embedding are two variants of the same structural strategy»[Stassen 1985: 79].

[Stassen 1985: 84]) для deranking construction в отличие от balancing: в ряде языков конструкция типа clause-chaining'a используется только при кореферентности субъектов главной и зависимой предикаций, тогда как при ее отсутствии употребляется сочинительная конструкция. Л. Стассен приводит примеры из языка волоф, но можно продемонстрировать ограничение на кореферентность субъектов и при помощи уже неоднократно рассмотренного нами мишарского «наследующего» деепричастия на *-p*. Так, пример (I.2.7), в отличие от примера (I.2.6), неграмматичен, т. к. подлежащие главной и зависимой предикаций не тождественны²³:

(I.2.6) татарский

ilnur	kil-ep	aša-dγ.
Ильнур	приходить-CONV	есть-PST
<i>Ильнур пришел и поел.</i>		

(I.2.7) татарский

*ilnur	kil-ep	änä-sc	a-nγ	aša-t-tγ.
Ильнур	приходить-CONV	мама-3	он-ACC	есть-CAUS-PST
<i>Ильнур пришел, и мама его покормила.</i>				

Во-вторых, это «направление» (directionality, [Stassen 1985: 88]) deranking construction, которое в наших терминах можно было бы назвать направлением «наследования» грамматических категорий. Л. Стассен различает т. н. anterior vs. posterior deranking [Stassen 1985: 88], которые можно было бы назвать левым и правым направлением «наследования». Проиллюстрируем это различие на наших исходных примерах:

(I.2.8) бамана

Sít `n	wúlí-lá	kà	sógo	tóbí.
Ситан	вставать-PFV	INF	мясо.ART	готовить
<i>Ситан встала и приготовила мясо</i> [Dumestre 1987: 422].				

(I.2.9) татарский

alma	aša-p	kit-i-m.
яблоко	есть-CONV	уходить-HORT-1SG
<i>Съем-ка я яблоко и уйду-ка.</i>		

В примере (I.2.8) «наследующая» форма *tóbí* линейно расположена правее ненаследующей, предикативной, выражающей грамматические значения формы *wúlí-lá*, то есть перед нами случай правого направления «наследования», или posterior deranking. В примере же (I.2.9), напротив, «наследующая» форма *ašap* линейно находится левее ненаследующей формы *kitim*, таким образом, перед нами случай левого направления «наследования», или anterior deranking. Л. Стассен также отмечает, что термины anterior и posterior удачны для цепочек со значением последовательности, так как соответствуют не только линейному порядку глагольных форм, но и порядку собственно описываемых ситуаций. Для цепочки же со значением одновременности параметр порядка описываемых событий не релевантен [Stassen 1985: 97]. Осознавая значение такого существенного различия между последовательными и одновременными цепочками, как иконичность порядка предикаций относительно порядка событий или ее отсутствие, отметим только, что при этом параметр направления «наследования» остается и при одновременной таксисной интерпретации. Конкретная конструкция с «наследованием» в конкретном

²³ Строго говоря (см. об этом подробно в разделе II.4.2.4.1), мишарское деепричастие на *-p* в специфических условиях может иметь собственное подлежащее при условии семантического единства между субъектами главной и зависимой предикаций, однако сформулированному Л. Стассеном утверждению о том, что ограничения на использование deranking constructions возможным для разносубъектных полипредикаций, а не для односубъектных, это не противоречит.

языке в любом случае устроена либо так, что «наследующая» форма расположена левее «опорной», либо так, что правее.

Л. Стассен формулирует также ряд типологических обобщений. Мы здесь не будем обсуждать их все, а отметим только наиболее существенное для нас утверждение, касающееся связи между «направлением» deranking constructions и базовым порядком слов в языке. Anterior deranking характерен для языков с базовым порядком слов Subject – Object – Verb (SOV), а posterior deranking – для языков с базовым порядком слов Subject – Verb – Object (SVO) [Stassen 1985: 90].

В работе [Givón 1990] принят подход несколько отличный от [Stassen 1985]: там не выделяются параметры варьирования, а, напротив, выделяются два основных типа clause-chaining'a в языках мира – т. н. «English-Swahili type» и «New Guinea type»²⁴ [Givón 1990: 889], но корреляцию с порядком слов Т. Гивон обнаруживает ту же²⁵: «Языки с clause-chaining'ом и порядком слов OV маркируют как финитную последнюю предикацию в цепочке, а языки с clause-chaining'ом и порядком слов VO маркируют как финитную первую предикацию» [Givón 1990: 891]²⁶. Отметим, впрочем, что направление наследования скоррелировано с порядком слов не абсолютным образом, хотя обнаруженная тенденция и крайне сильна.

Таким образом, конструкции с «наследованием» обнаруживают следующие существенные синтаксические свойства. Во-первых, это направление «наследования», которое может быть линейно левым или правым, что, как правило, связано с базовым порядком слов в данном языке, которое, в свою очередь, является частным случаем левого или правого направления структурного ветвления в синтаксисе данного языка. Во-вторых, это возможное ограничение конструкций с «наследованием» на односубъектность предикаций при «наследующей» и «опорной» глагольных формах. В-третьих, это возможное формальное противопоставление в системе данного языка «наследующих» форм с одновременной и последовательной таксисной интерпретацией.

I.2.2. «Несбалансированное сочинение» по [Johannessen 1998].

В работе [Johannessen 1998] подробно рассматриваются все те сочинительные конструкции, где сочиняемые объекты принимают внешний облик, отличный от того, который они приняли бы в той же синтаксической позиции вне сочинительной конструкции. Для всех тех сочинительных конструкций, где «один из конъюнктов имеет ожидаемый, или нормальный, вид, а другой от него отклоняется» [Johannessen 1998: 1]²⁷, в этой работе предлагается термин «несбалансированное сочинение»²⁸. Схематически «несбалансированная» сочинительная конструкция представляется так: допустим порядок [X&Y], но недопустим *[Y&X] [Johannessen 1998: 8]. Конструкции с «несбалансированным сочинением» разделяются в [Johannessen 1998: 8] на два типа: «принимающий» (receiving) и «приписывающий» (assigning). «Приписывающий» тип характеризуется тем, что, в случае конфликта признаков у двух конъюнктов, только один из конъюнктов контролирует согласование

²⁴ Подробно свойства этих типов будут в нашей работе рассмотрены в разделах, посвященных языкам этих групп.

²⁵ По-видимому, независимо?

²⁶ «OV clause-chaining languages give finite marking to the chain-final clause, while VO clause-chaining languages give finite marking to chain-initial clause» [Givón 1990: 891].

²⁷ «One of the conjuncts is of the expected, or normal, kind, and one is deviant» [Johannessen 1998: 1].

²⁸ Второй группой нестандартных с формальной точки зрения сочинительных конструкций по [Johannessen 1998] является т. н. «неординарно сбалансированная конструкция», где все конъюнкты «отклоняются» от того внешнего облика, который они имели бы в той же синтаксической позиции вне сочинительной конструкции.

некоторой составляющей предложения. Так, в примере (I.2.10) только один из конъюнктов *já* и *ty* контролирует согласование глагольной формы *píjd-u*²⁹. «Принимающий» тип образуют те конструкции, где «только один конъюнкт имеет грамматические признаки, приписанные всей сочиненной группе» [Johannessen 1998: 8]³⁰. В примере (I.2.11) только один из двух конъюнктов, *han*, выражает значение Номинатива, которое распространяется и на другой конъюнкт:

(I.2.10) чешский

Píjd-u tam [já a ty].
идти-1SG туда я и ты

Я и ты пойдем туда [Corbett 1983: 179], цит. по [Johannessen 1998: 8].

(I.2.11) норвежский

[Han og meg] var sammen.
он.NOM и я.ACC быть.PST вместе

Он и я были вместе [Johannessen 1998: 1].

Рассматриваемые в настоящей работе конструкции с «наследованием» грамматических категорий в [Johannessen 1998] описываются как частный случай «принимающего» типа несбалансированного сочинения: «В конструкциях с глагольным несбалансированным сочинением принимающего типа обычно представлен один глагол с обычным словоизменением – изменяющийся по времени, виду и наклонению и таким согласовательным категориям, как лицо и число. Прочие конъюнкты либо стоят в своей базовой форме, либо в той или иной нефинитной форме» [Johannessen 1998: 34]³¹. С тем уточнением, что, как мы писали во введении, во-первых, «отклоняющаяся» в сочинительной конструкции, или, по нашей терминологии, «наследующая», форма в ряде языков является финитной, а во-вторых, может сохранять ряд словоизменительных категорий, понятие конструкции с глагольным «несбалансированным сочинением» «принимающего» типа в [Johannessen 1998] в общем соответствует нашему понятию конструкции с «наследованием» глагольных грамматических категорий. Ср. примеры (I.2.12)-(I.2.13) из амхарского языка из [Johannessen 1998] с нашим примером (I.2.9) из мишарского диалекта татарского языка:

(I.2.12) амхарский

t m-tɔ-t bira t t a
хотеть.пить-3SG.M.CONV-3SG пиво пить.3SG.M.PST
Он хотел пить и пил пиво [Johannessen 1998: 35].

(I.2.13) амхарский

t m-tɔ-t bira y1-t t t a-1
хотеть.пить-3SG.M.CONV-3SG пиво 3SG.M-пить-NONPST
Он захочет пить и выпьет пиво [Johannessen 1998: 35].

(I.2.9) татарский

alma aša-p kit-i-m.
яблоко есть-CONV уходить-HORT-1SG
Съем-ка я яблоко и уйду-ка.

Некоторое различие состоит в том, что в [Johannessen 1998] рассматриваются именно сочинительные конструкции, то есть конструкции, проявляющие формальные синтаксические свойства сочинения (о тестах на разграничение сочинения и

²⁹ О «разрешении» согласования в подобных конструкциях см. [Corbett 1991: 261-306].

³⁰ «Only one conjunct has the grammatical features associated with the whole conjunction phrase» [Johannessen 1998: 8]

³¹ «In verbal receiving-type unbalanced coordination, there is typically one verb which is inflected in the ordinary way; by tense, aspect, and mood, and various agreement features such as person and number. The other conjunct(s) either occur(s) in their base form, or in some or other infinite form». [Johannessen 1998: 34]

подчинения см. в раздел 2.4). Впрочем, никаких доказательств сочинительных свойств конструкций, представленных в примерах, в [Johannessen 1998] не приводится. В любом случае, можно считать, что семантически сочиненные объекты могут образовывать «сбалансированную» или «несбалансированную» конструкцию, а «несбалансированная» конструкция, как раз по причине своей «несбалансированности», в каждом конкретном случае может проявлять те или иные свойства синтаксического подчинения.

I.2.3. Шкала «связывания предикаций» по [Lehmann 1988].

Как известно, лингвистические объекты континуальны, а за любым противопоставлением скрывается некоторая шкала, состоящая из промежуточных случаев; собственно противопоставленными оказываются только полюса этой шкалы³². В знаменитой работе [Lehmann 1988] предложена шкала, а точнее, несколько параллельных шкал «связывания» предикаций (clause linkage). Понятие «связывания» демонстрирует в этой работе в том числе и континуальный характер противопоставления сочинения и подчинения предикаций с указанием на основные промежуточные точки. Отношение «связывания предикаций» определяется через понятие «эндоцентрической конструкции» (endocentric construction) – синтагмы Z, включающей в себя две непосредственных составляющих X и Y, где Y, составляющая, являющаяся синтаксической вершиной Z, принадлежит к той же категории, что и Z. Две предикации находятся в отношении «связывания», если они образуют эндоцентрическую конструкцию с одной из них в качестве синтаксической вершины [Lehmann 1988: 182]. К. Леман выделяет следующий ряд семантико-синтаксических параметров-шкал, разные концы которых соответствуют меньшей или большей степени «связывания» предикаций: шкала «иерархических уровней» (hierarchical downgrading) зависимой предикации, шкала «синтаксического уровня» (syntactic level) зависимой предикации, шкала предикативности ((de)sententialization) зависимой предикации, шкала грамматикализации глагола – вершины главной предикации, шкала семантической общности (interlacing) двух предикаций и шкала эксплицитности выражения «связывания» [Lehmann 1988: 183].

С точки зрения проблемы противопоставления сочинения и подчинения основной интерес представляет шкала т. н. «иерархических уровней» (hierarchical downgrading, [Lehmann 1988: 189]), на одном полюсе которой находится сочинение предикаций, или паратаксис, а на другом – (структурное) «вложение» (embedding) одной предикации в другую, соответствующее наиболее «чистому» случаю подчинения. Между крайними случаями сочинения и «вложения» находится ряд типичных кросс-лингвистических конструкций, которые К. Леман рассматривает как иерархически организованные промежуточные случаи:

паратаксис (parataxis)		вложение (embedding)			
независимые предикации	примыкающая (joined) предикация	коррелятивный диптих (correlative diptych)	«медиальная» предикация (medial clause)	«примыкающий» причастный оборот (conjunct participle)	управляемая предикация (governed clause)

Почти на середине шкалы в [Lehmann 1988] располагаются конструкции с т. н. «медиальными» предикациями, то есть конструкции с самым «прототипическим» вариантом clause-chaining'a. В большинстве папуасских языков единственным способом соединения семантически равноправных предикаций являются конструкции, в которых только последняя предикация возглавляется глагольной формой (final verb),

³² В настоящее время «отсылки» к этой идеи в лингвистике столь часты, что « дух противоречия » требовал бы от нее отказаться. Однако же спорить с недискретностью языка не приходится.

выражающей все предикативные грамматические категории – время, наклонение, аспект, – а вершиной остальных предикаций являются т. н. «медиальные глаголы» (medial verbs), деепричастные формы, не выражающие предикативных категорий, но использующиеся для соединения семантически равноправных предикаций, ср. пример (I.2.14) из языка тауя:

(I.2.14) тауя

реима	fitau-fe-e-te	wate	terau-a- - _а
аккуратно	бросать-PFV-1/2.SG-MED.DS	NEG	разбиваться-3SG-IND

Я бросил его аккуратно, и оно не разбилось [MacDonald 1990: 219].

Хотя в рассматриваемой работе эти случаи специально не оговариваются, есть основания считать, что ту же, что и предикации с «медиальными» глаголами, позицию в шкале «иерархических уровней» занимают и прочие предикации, возглавляемые «наследующими» формами.

Полярным случаем «вложения» К. Леман считает способную вкладываться в главную управляемую зависимую предикацию с четко определенной синтаксической функцией, вне зависимости от способа ее оформления:

(I.2.15) латинский

Telebo-is	jube-t	[sententi-am]	ut
телебоец-DAT	приказывать-3SG	мнение-ACC.SG	SUB
dic-a-nt	su-am].		

говорить-CONJ-3PL свой-F.ACC.SG

Он приказывает Телебоем, чтобы они высказали свое мнение [Lehmann 1988: 184].

Случаем с меньшей степенью «связывания», занимающим все же более правую, чем «медиальные» предикации, позицию на шкале, считается конструкция с «примыкающим» причастным оборотом в обстоятельственном значении, который, в отличие от «управляемой» предикации, не имеет строго определенной функции³³:

(I.2.16) латинский

Petrosidi-us	aquilifer	pro	castr-is
Петросидий	знаток	перед	лагерь-ABL.PL
[fort-issim-e		pugna-ns]	occidi-tur.

смелый-SUPERLAT-ADV сражаться-PART.PRES убивать-PASS.3SG

Петросидий-знаток был убит перед лагерем, сражаясь наиболее храбро [Lehmann 1988: 184].

Между полярным случаем сочинения предикаций и clause-chaining'ом К. Леман помещает два типа конструкций. Во-первых, это конструкция с «примыкающей» предикацией – предикацией, которая по смыслу является зависимой, но не проходит одного из основных формальных тестов на подчинение – занимая строго определенную линейную позицию, не может вкладываться внутрь главной предикации³⁴:

(I.2.17) вальбири

ŋatjul.-lu	lpa.-na	kal.i	tja.n.tu.-nu,
я-ERG	PST-SBJ1	бумеранг	чинить-PST
[kutja-∅-pra	ya-nu.-nu		njuntu].

SUB-AUX-SBJ2 идти-PST-сюда

Я чинил бумеранг, когда ты пришел сюда [Hale 1976: 79] цит. по [Lehmann 1988: 184].

³³ Очевидно, ту же позицию в шкале [Lehmann 1988] должны занимать «контекстные» деепричастия по классификации [Nedjalkov 1995], разбираемой в разделе II.4 нашей работы.

³⁴ А способность линейно вкладываться внутрь главной предикации является одним из стандартных тестов на разграничения сочинения и подчинения, см. раздел I.2.4.

Во-вторых, это т. н. «коррелятивный диптих», состоящий из зависимой предикации, которая также неспособна вкладываться внутрь главной и формально является относительным предложением, но не зависит непосредственно от имени:

(I.2.18) латинский	[quei ager ex privat-o in	какой поле.NOM.SG из частный-M.ABL.SG в	public-um commuta-t-us est], de	общественный-M.ACC.SG превращать-PART.PST-M.NOM.SG быть.3SG о	e-o agr-o siremps lex es-to.	тот-M.ABL.SG поле-ABL.SG точно.такой.же закон быть-IMP.FUT
--------------------	---------------------------	---	---------------------------------	---	------------------------------	--

Каковая земля из частной сделана общественной, к той земле пременяется том же закон [Lehmann 1988: 184].

Неудачным в шкале К. Лемана представляется то, что семантически подчинительные конструкции типа приведенных в примерах (I.2.17) и (I.2.18) оказываются ближе к случаю сочинения предикаций, чем семантически сочинительные конструкции с «медиальным» глаголом. Тем не менее, с одной стороны, ясно, что в общем шкала К. Лемана вполне адекватно помещает clause-chaining между сочинительной и подчинительной конструкциями, а рядом с ним, ближе к подчинительной, – конструкции с семантически зависимыми предикациями. С другой стороны, ценна сама идея линейного континуума между «абсолютным» сочинением и «абсолютным» подчинением, поскольку рассматриваемые в нашей работе конструкции заведомо находятся между этими двумя полюсами.

Отказ от противопоставления сочинения / подчинения в пользу «иерархии (шкалы) координативности» предлагается также в [Подлесская 1993: 120-137]. «В левой части шкалы – «минимум координативности» – расположены канонические конструкции с сентенциальным сиркостантом, например, сложные предложения с обстоятельственными придаточными, вводимыми «бесспорным» ... союзом. В правой части шкалы – «максимум координативности» – расположены канонические сочинительные конструкции» [Подлесская 1993: 122-123]. В. И. Подлесская не предлагает, однако, собственно иерархии, а лишь указывает на две группы факторов, влияющих на «степень координативности». Во-первых, это формальные факторы, такие, как неспособность употребляться с не-тождественными синтаксическими функциями (о синтаксических сочинительных и подчинительных свойствах см. подробно I.2.4) и единство грамматического оформления, повышающие координативность. Во-вторых, это семантические факторы: логическая симметричность отношения между предикатами и распределение коммуникативной нагрузки (о семантическом аспекте проблемы см. раздел 3). Эти две группы факторов «могут действовать, как усиливая друг друга, так и в противоположном направлении» [Подлесская 1993: 130]. Clause-chaining же, будучи семантически однородной, но формально асимметричной конструкцией, оказывается результатом разнонаправленного действия этих двух групп факторов, что опять же показывает его промежуточное положение между двумя полюсами шкалы.

Если семантическое равноправие конструкций с «наследованием» с одной стороны и морфологическое неравноправие – с другой задают эти конструкции как таковые, то с точки зрения их синтаксических свойств имеется некоторая свобода. Обратимся к возможным синтаксически сочинительным и подчинительным свойствам clause-chaining'a.

I.2.4. Тесты для разграничения сочинения и подчинения и сочинительные / подчинительные свойства конструкций с «наследованием».

Современная синтаксическая теория предлагает ряд формальных тестов, различающих синтаксически сочинительную и подчинительную конструкции. Наиболее полные списки этих тестов приведены в [Казенин, Тестелец 1999: 332-335] и [Тестелец 2001: 259-262]. Кроме того, тесты на разграничение сочинения / подчинения обсуждаются и используются в работах [Culicover, Jackendoff 1997] и [Haspelmath 1995]. Основные два существующих теста – это, во-первых, тест на линейное вложение и, во-вторых, «ограничение сочиненной структуры». Тест на линейное вложение, или гнездование, по-видимому, не имеющий автора, заключается в том, что зависимая предикация может линейно вкладываться внутрь главной, тогда как ни одна из сочиненных предикаций не может вкладываться в другую, ср. русские примеры (I.2.19) с подчинительной конструкцией и (I.2.20) – с сочинительной:

(I.2.19) русский

- а) *Когда Вася пришел домой, Маша его накормила.*
- б) *Маша, когда Вася пришел домой, его накормила.*

(I.2.20) русский

- а) *Вася пришел домой, и Маша его накормила.*
- б) **И Маша его, Вася пришел домой, накормила.*
- в) **Вася, и Маша его накормила, пришел домой.*

Второй тест – это т. н. «островное» «ограничение сочиненной структуры» (т. н. Coordinate Structure Constraint, сформулированный в [Ross 1967/1986]). Ограничение состоит в том, что некоторое синтаксическое правило не может применяться только к одной из сочиненных предикаций и не применяться к другой, тогда как к главной предикации любое правило может применяться без преобразования зависимой. Ср.: «Важнейшим фактором, действующим в любой сочинительной группе любого типа, является тождество синтаксических функций ее компонентов» [Подлесская 1993: 123]. Конкретным примером «ограничения сочиненной структуры» может служить т. н. тест на релятивизацию: если преобразовать подчинительную конструкцию в относительное предложение, определяющее именную группу какой-то третьей предикации, то получившаяся конструкция будет грамматичной (ср. примеры (I.2.21а-б)), что неверно для сочинительной конструкции (ср. примеры (I.2.22а-б)):

(I.2.21) русский

- а) *Когда приехал Вася, Маша испекла пирог.*
- б) *Пирог, который Маша испекла, когда приехал Вася, был очень вкусным.*

(I.2.22) русский

- а) *Вася приехал, и Маша испекла пирог.*
- б) **Пирог, который Вася приехал, и Маша испекла, был очень вкусным.*

Аналогичным образом, невозможно преобразование одной из сочиненных предикаций в частный вопрос без преобразования другой, тогда как преобразование главной предикации в вопрос с сохранением зависимой возможно. Частным случаем «ограничения сочиненной структуры» является тест на «воздействие матричного предиката», предложенный в [Зализняк, Падучева 1975]. Если матричный предикат тем или иным образом воздействует на формальную структуру своего сентенциального актанта, то он воздействует только на главную предикацию, а не на зависимую (ср. (I.2.23а-б)), но на обе сочиненные предикации, а не на одну из них (ср. (I.2.24а-б)):

- (I.2.23) русский
 а) *Они зайдут, когда ты спрячешься.*
 б) *Я хочу, чтобы они зашли, когда ты спрячешься / *спрятался.* [Зализняк, Падучева 1975: 58]

- (I.2.24) русский
 а) *Они зайдут, а ты спрячешься.*
 б) *Я хочу, чтобы они зашли, а ты спрятался / *спрячешься.* [Зализняк, Падучева 1975: 58]

Есть также третий тест – ограничение на антецедент анафорического местоимения, впервые замеченное в [Langacker 1969]: существует универсальный запрет на катафору с анафорическим местоимением в главной предикации и антецедентом в зависимой (пример (I.2.25)), тогда как сочинительная конструкция в принципе катафору допускает (пример (I.2.26)):

- (I.2.25) русский
Она_i очень рассстроилась, когда мы не взяли Машу_i с собой. [Казенин, Тестелец 1999: 333]

- (I.2.26) русский
Она_i очень рассстроилась, и мы не взяли Машу_i с собой. [Казенин, Тестелец 1999: 333]

Однако, в силу того, что крайне частотны частноязыковые ограничения катафоры, возможность практического использования этого теста мала.

Итак, формально подчинительная и семантически сочинительная конструкция с «наследованием» грамматических категорий ставит перед синтаксической теорией интересный вопрос: сочинительные или подчинительные, с точки зрения синтаксических тестов, свойства она будет проявлять? Логически возможны три варианта: конструкция типа clause-chaining'a либо будет полностью сочинительной, либо будет полностью подчинительной, либо будет, в зависимости от конкретных условий, проявлять как сочинительные, так и подчинительные синтаксические свойства. Удивительным образом, каждое из трех возможных положений дел в языках мира засвидетельствовано.

Первый вариант – всегда сочинительные свойства при морфологическом неравноправии, но сочинительной семантике – засвидетельствован в конструкциях типа clause-chaining'a в папуасских языках, в частности в [Roberts 1988] демонстрируются сочинительные свойства деепричастных конструкций, или конструкций с «медиальными» глаголами, в языке амеле³⁵. Дж. Робертс показывает, что, в отличие от стандартных подчиненных предикаций, «медиальные» предикации а) не допускают линейного вложения в финитную предикацию; б) не могут выноситься в позицию за финитным глаголом, что в амеле допускается для строго подчиненных предикаций; в) не допускают катафоры из финитной предикации, что опять же в амеле допускается для подчиненных предикаций. Приведем пример запрета на линейное вложение «медиальной» предикации в языке амеле (сравним (I.2.27а-б)) и возможность такого вложения для целевой зависимой предикации (I.2.28):

- (I.2.27) амеле
 а) ho busale-ce-b dana age qo-i-ga.
 свинья убегать-SEQ.DS-3SG мужчина они убивать-3PL-PST.HOD
Свинья убежала, и мужчины (ее) убили.
 б) *dana [age ho busale-ce-b] qo-i-ga.
 мужчина они свинья убегать-SEQ.DS-3SG убивать-3PL-PST.HOD
 [Roberts 1988: 55]

³⁵ См. также разбор этих примеров в [Haspelmath 1995].

(I.2.28) амеле

dana	[age ho qo-qaq-an	nu]	ho-i-ga.
мужчина	оны свинья убивать-3PL-FUT	PURP	приходить-3PL-PST.HOD
Мужчины пришли, чтобы убить свинью [Roberts 1988: 54].			

М. Хаспельмат предлагает для таких, как в (I.2.27a), конструкций, не являющихся, в отличие от прототипических сочинительных конструкций, морфологически равноправными, но и проявляющих сочинительные свойства, а значит, не являющихся и подчинительными, использовать введенный в [Foley, Van Valin 1984] термин cosubordination [Haspelmath 1995: 24]. Отметим, однако, что трехчленное противопоставление coordination vs. subordination vs. cosubordination, принятые в референциально-ролевой грамматике, вообще не учитывает синтаксических свойств, которые показывают рассматриваемые тесты. С точки зрения [Foley, Van Valin 1984], все конструкции с «наследованием» грамматических категорий оказываются cosubordinate: «Соподчиненное (cosubordinate) ядро предложения (nexus) отличается от сочиненного тем, что конъюнкты (juncts) ... находятся в сфере действия одного общего оператора» [Foley, Van Valin 1984: 243]³⁶, а от подчиненного – семантической независимостью одного конъюнкта от другого. Таким образом, использование тройного, а не двойного противопоставления было бы достаточным только в том случае, если бы конструкции с clause-chaining'ом всегда с точки зрения синтаксических тестов давали сочинительные свойства. Однако приведенные ниже примеры показывают, что это не так, а тогда само по себе введение понятия cosubordination не снимает проблему.

Второй вариант – всегда подчинительные свойства – представлен, например, в багвалинском языке (см. [Казенин 2001]), а также в мишарском диалекте татарского языка и в чувашском языке³⁷. Покажем подчинительные свойства чувашского «наследующего» деепричастия на -sa: предикация, возглавляемая им, способна линейно вкладываться в главную (пример (I.2.29)), а при преобразовании главной предикации в относительное предложение к именной группе еще одной предикации сохраняется грамматичность (сравним примеры (I.2.30а-б)):

(I.2.29) чувашский

pet't'a	jaška-na	[kil-se]	ši-r-ě.
Петя	суп-DAT/ACC	приходить-CONV	есть-PST-3
Петя суп, придя, поел.			

(I.2.30) чувашский

a)	pet't'a	kil-se	jaška-na	ši-r-ě.
	Петя	приходить-CONV	суп-DAT/ACC	есть-PST-3
Петя пришел и поел суп.				
b)	pet't'a	[[kil-se]]	ši-ně]	jaška-na
	Петя	приходить-CONV	есть-PART.PFCT	суп-DAT/ACC
ерě	рěšer-ně.			
я	варить-PART.PFCT			
Суп, который Петя, придя, съел, я варила.				

Наконец, наиболее интересный вариант – в зависимости от конкретного лексического наполнения либо сочинительные, либо подчинительные свойства – можно наблюдать, например, в лакском языке (см. [Kazenin 1998]), а также в корейском языке (см. подробно работу [Рудницкая 1997]). В корейском языке,

³⁶ «Cosubordiante nexus differs from coordinate in that the juncts ... are under the scope of a single operator» [Foley, Van Valin 1984: 243].

³⁷ В чувашском языке проявление подчинительных свойств затруднено в тех специальных случаях, когда при этой деепричастной форме есть собственное подлежащее – см. подробный разбор ее употребления в разделе II.4.2.4.3.

согласно [Рудницкая 1997], при одновременной таксисной интерпретации конструкция с «наследующим» деепричастием на *-ko* проявляет сочинительные свойства, а при последовательной – подчинительные: способна вкладываться внутрь главной предикации и допускает преобразование главной предикации в вопрос. Приведем примеры на невозможность линейного вложения при одновременной интерпретации (сравним (I.2.31а-б) и на его возможность при последовательной интерпретации (сравним (I.2.32а-б)):

(I.2.31) корейский

- а) Yeng Ca-nun tokile-lo chayk-ul
 Йенг Джा-ТОР немецкий-DIR книга-ACC
 ponyekha-ko ayki-eykey kulim-ul kaluchy-ess-ta.
 переводить-CONV дети-к рисование-ACC преподавать-PST-IND
Йенг Джэ переведила книги на немецкий и преподавала детям рисование.
 б) *Yeng Ca-nun ayki-eykey kulim-ul
 Йенг Джा-ТОР дети-к рисование-ACC
 [tokile-lo chayk-ul ponyekha-ko] kaluchy-ess-ta.
 немецкий-DIR книга-ACC переводить-CONV преподавать-PST-IND
 [Рудницкая 1997: 95]

(I.2.32) корейский

- а) Swun Mi-nun caki aphathu-lul phal-ko
 Сун Ми-ТОР свой квартира-ACC продавать-CONV
 cohun cip-ul sa-ss-ta.
 хороший дом-ACC покупать-PST-IND
 б) Swun Mi-nun cohun cip-ul [caki
 Сун Ми-ТОР хороший дом-ACC свой
 aphathu-lul phal-ko] sa-ss-ta.
 квартира-ACC продавать-CONV покупать-PST-IND
Сун Ми продала свою квартиру и купила хороший дом [Рудницкая 1997: 95].

При этом следует отметить, что проявление сочинительных свойств «пропорционально» обязательности clause-chaining'a в данном языке. В чувашском языке конструкции с деепричастием на *-sa* всегда легко заменимы на конструкции с двумя финитными глаголами в одинаковой форме, соединенными сочинительным союзом. В языке амеле, напротив, никакого способа для соединения предикаций, кроме конструкций с «медиальными глаголами», нет³⁸. В «промежуточном» корейском языке глагольное соединение возможно, однако конструкция с «наследующим» деепричастием является все же менее маркированной.

³⁸ «Точнее, нет убедительного способа провести различие между последовательностью независимых предложений и предложением, образованным при помощи соположения финитных предикаций» [Maslova 2000: 278] («To be more precise, there is no convincing way to draw the distinction between a sequence of independent clauses and a sentence built by juxtaposition of finite clauses»).

I.3. Семантический аспект конструкций с «наследованием»: семантическое равноправие при морфологическом неравноправии.

Основным свойством разбираемых нами конструкций является то, что при очевидном морфологическом неравноправии двух и более глагольных форм, предикаций, возглавляемые этими формами, оказываются равноправными с семантической точки зрения. Обе описываемые ситуации имеют одну и ту же модально-временную рамку (или один и тот же набор грамматических значений – см. раздел I.1), один и тот же коммуникативный статус (см. раздел I.3.2), а главное, равно важны для говорящего.

Некоторую формализацию интуитивного понятия важности предикации для говорящего предлагает теория дискурса, в частности Теория Риторических Структур [Mann, Matthiessen, Thompson 1992]. Данная система различает равноправные и неравноправные отношения между предикациями³⁹. Среди равноправных отношений основные два – это отношение Последовательности и отношение Конъюнкции, соответствующие цепочкам предикаций, которые описывают последовательность равноправных ситуаций и ряд равноправных ситуаций, происходящих одновременно (ср. описанное нами в разделе I.2.1 противопоставление между одновременными и последовательными ситуациями по [Stassen 1985]). Неравноправных отношений в [Mann, Matthiessen, Thompson 1992] введено существенно больше, чем равноправных, и основная их часть приблизительно соответствует обычному межъязыковому набору грамматикализованных обстоятельственных значений (разбор обстоятельственных значений см. в [Thompson, Longacre 1985]). Отдельный интерес представляет введенное в этой работе неравноправное отношение Обстоятельства (Circumstance), соответствующее двум ситуациям, происходящим одновременно или последовательно, притом что одна из них имеет существенно меньшую «дискурсивную значимость», чем другая, ср. две предикации, связанные отношением Конъюнкции в простом примере (I.3.1) и отношением Обстоятельства в примере (I.3.2):

- (I.3.1) русский
Вася лежит и читает.
- (I.3.2) русский
Вася читает лежа.

Обычным способом формального выражения отношения Обстоятельства является деепричастие. Конфликт же между «формой и содержанием» в конструкциях типа clause-chaining'a состоит в том, что конструкции, формально подобные деепричастиям или другим подчинительным формам, используются для выражения не неравноправного отношения Обстоятельства, а равноправных отношений Последовательности и Конъюнкции.

В настоящем разделе мы рассмотрим семантические и коммуникативные проявления пониженной и непониженной «дискурсивной» значимости предикации.

I.3.1. Комитативная и деепричастная конструкции, «псевдосочинение» и коммуникативный ранг.

Как мы уже говорили, clause-chaining не является единственным типом конструкций, которые занимают промежуточное положение между сочинительной и

³⁹ Как известно, в теории дискурса обычно используется не понятие предикации, а понятие т. н. «минимальной дискурсивной единицы», лишь приблизительно соответствующее предикации. Однако для наших целей различие между этими двумя понятиями не столь важно, а потому, чтобы не усложнять изложение, мы будем пользоваться понятием предикации.

подчинительной конструкциями. Другим важнейшим типом оказывается комитативная конструкция, приобретающая сочинительное значение.

Комитативной называется конструкция, использующаяся для оформления такого участника ситуации, который в ней участвует совместно с каким-то другим участником той же ситуации, имеет ту же семантическую роль, но занимает в дискурсе менее привилегированное положение:

(I.3.3) русский

Света пришла на кафедру с Илюшкой.

Если, как мы уже заметили, деепричастие формально выражает снижение «дискурсивной значимости» предикации, то комитатив или комитативный оборот указывает на пониженную «дискурсивную значимость» некоторого актанта. Таким образом, напрашивается параллель между деепричастной и комитативной конструкциями. Такая параллель между русскими комитативными и деепричастными оборотами была проведена в работе [Garde 1995], автор которой даже называет деепричастия «глагольной комитативной формой». Общее же сопоставление комитатива с «контекстным»⁴⁰ деепричастием, т. е. деепричастием, не имеющим специализированного обстоятельственного значения, представлено в работе [Архипов 2001: 45-50], где показывается, что «комитатив и контекстные деепричастия имеют общие семантические компоненты (фоновый/второстепенный характер элемента – носителя данных категорий) ... и сходный коммуникативный эффект (дифференциация главного и зависимого элементов по коммуникативному рангу (тематической выделенности))» [Архипов 2001: 50]. Наиболее интересным доводом, который приводит А. В. Архипов в пользу семантической близости комитатива и контекстного деепричастия, является то, что в ряде языков они имеют одинаковое формальное выражение. Примером такого языка может служить чукотский, ср. пример (I.3.4), где циркумфикс *γa-...-ta* служит для образования комитатива, и пример (I.3.5), где суффикс *-ta* используется для образования контекстного деепричастия:

(I.3.4) чукотский

γa-роjγэ-ta

COMIT-копье-COMIT

с копьем [Скорик 1986: 96]

(I.3.5) чукотский

pere-ta

брать-CONV

беря [Скорик 1986: 100]

Сходные факты отмечены также для багвалинского языка, где комитативный показатель *-(l)ēna* присоединяется к деепричастной форме (см. [Казенин 2001: 588-594]), и для юкагирского языка, где комитативный показатель *-n'it* используется для образования одной из деепричастных форм (см. [Maslova 2000: 116]).

Как показано в работе [Архипов 2001], комитативная конструкция служит для того, чтобы различать между собой участников ситуации, имеющих одну и ту же семантическую роль, но разный «структурный» (в терминологии работы [Stassen 2000]), или «коммуникативный» (в терминологии работ [Падучева 1997] и [Падучева 1998]), ранг. Коммуникативный ранг участника, согласно работе [Падучева 1998], определяется синтаксической функцией именной группы, соответствующей этому участнику. Различаются четыре коммуникативных ранга: субъектный (если именная группа является подлежащим), объектный (если именная группа является прямым дополнением), периферийный (если именная группа занимает

⁴⁰ Термин введен в [Nedjalkov 1995].

другую синтаксическую позицию) и нулевой (если участник ситуации вообще в предложении не выражен). Если две сочиненные именные группы всегда имеют одинаковый коммуникативный ранг, то в случае комитативной конструкции комитативная именная группа всегда имеет периферийный коммуникативный ранг, а некомитативная – более высокий. Наиболее интересный случай представляет т. н. «псевдосочинительная конструкция»⁴¹, где одна из именных групп оформляется при помощи комитатива, однако образует с другой единую синтаксическую составляющую и тем самым получает тот же коммуникативный ранг, сравним примеры (I.3.6а-б):

- (I.3.6) русский
- а) *Света пришла на кафедру с Илюшой.*
 - б) *Света с Илюшой пришли на кафедру*⁴².

Если продолжить аналогию деепричастной конструкции с комитативной, то, очевидным образом, clause-chaining оказывается «псевдосочинительной» конструкцией для предикаций. Тогда возникает естественная необходимость в том, чтобы найти аналогичное понятию коммуникативного ранга участника ситуации, связанному с синтаксической позицией именной группы, понятие своеобразного «коммуникативного ранга для пропозиции, связанное с позицией соответствующей ей предикации в синтаксической структуре».

Однако говорить о коммуникативном ранге пропозиции в том же смысле, что и о коммуникативном ранге участника ситуации, не представляется возможным. Дело в том, что у предикации нет такого набора возможных синтаксических позиций, на основе которых мог бы задаваться ее «коммуникативный ранг». Субъектный, объектный периферийный ранги есть только у пропозиций, выраженных сентенциальными актантами каких-либо вершинных предикатов, а противопоставлять при помощи «коммуникативного ранга» подчинительную деепричастную и «псевдосочинительную» конструкции нужно на уровне «главных» предикаций. Различать же два коммуникативных ранга пропозиции на основании того, является ли выражающая ее предикация «главной» или зависимой обстоятельственной, не представляется разумным⁴³. Однако пропозиции имеют другой тип свойств, отличающих их друг от друга, на который и представляется возможным опираться при различении «псевдосочинительной» и обстоятельственной конструкций, – коммуникативный статус.

I.3.2. Коммуникативный статус пропозиции и «дискурсивная значимость».

Понятие коммуникативного статуса (в терминологии [Падучева 1985] – денотативного статуса) пропозиции, по-видимому, не имеет точного определения. Как указано в [Падучева 1996: 243], различаются асертивный, пресуппозитивный,

⁴¹ Хотелось бы сделать терминологическое замечание о том, что под «псевдосочинением» и «псевдосочинительной конструкцией» в [Johannessen 1998] и [Архипов 2001] понимаются с точностью противоположные вещи: в [Johannessen 1998] разумеется конструкция, оформленная при помощи показателей сочинения, но имеющая подчинительную семантику, а в [Архипов 2001] – конструкция, оформленная при помощи комитатива, т. е. показателя низкого коммуникативного ранга, однако имеющая сочинительную семантику. В дальнейшем в этом разделе мы будем употреблять этот термин в смысле подчинительной конструкции с сочинительными свойствами, однако очень стараемся в остальной части работы вообще его избегать.

⁴² Одним из характерных формальных признаков «псевдосочинительной» конструкции является то, что она, как и сочинительная конструкция, в отличие от комитативной, вызывает согласование глагола по множественному числу.

⁴³ Мы здесь не рассматриваем, таким образом, актантные и относительные предложения, так же как и Е. В. Падучева, вводя понятие коммуникативного ранга не рассматривает, скажем, синтаксическую позицию определения.

импликативный, нейтральный, атрибутивный коммуникативный статус и другие; закрытого списка коммуникативных статусов на данный момент не существует.

Не претендуя на подробный разбор всей проблематики, связанной с понятием коммуникативного статуса, и обзор всей обширной литературы по этой теме, напомним лишь основные свойства тех коммуникативных статусов, которые будут для нас важны. Прежде всего различаются пресуппозитивный и асерттивный компоненты семантики предложения, соответствующие пресуппозитивному и асертивному статусам входящих в это предложение пропозиций⁴⁴. Как известно, пропозиции, имеющие пресуппозитивный статус, или пресуппозиции (подробно о понятии пресуппозиции, или презумпции, введенном еще Г. Фреге [Frege 1892/1977], см. [Падучева 1985: 48-79] и [Падучева 1996: 232-243]), отличаются от пропозиций, имеющих асертивный статус, или ассерций, тем, что они не входят в сферу действия оператора отрицания, а также модальных операторов. Сравним предложение (I.3.7a) с предложениями (I.3.7б), где в него включен оператор отрицания, и (I.3.7в), где в него включена модальность желания говорящего:

- (I.3.7) русский
- а) *Вася знает, что Маша уехала.*
 - б) *Вася не знает, что Маша уехала.*
 - в) *Я хочу, чтобы Вася знал, что Маша уехала.*

Очевидным образом, сентенциальный актант при глаголе *знать* в сферу действия этих операторов не входит, сохраняя свою строгую истинность, и имеет тем самым пресуппозитивный коммуникативный статус. А пропозиция ‘Вася знает’ входит в сферу действия этих операторов и тем самым является в (I.3.7a) ассерцией.

Среди прочих коммуникативных статусов для нас наиболее существенную роль играет атрибутивный⁴⁵ статус пропозиции, подробно описанный в [Богуславский 1985: 30-32]. Если в семантику некоторого предложения входит два компонента, один из которых основной, а другой – дополнительный, то последний является атрибутом первого и имеет атрибутивный коммуникативный статус. Примером предложения, в семантике которого содержится, согласно [Падучева 1996], пропозиция с атрибутивным статусом, может служить предложение (I.3.8a):

- (I.3.8) русский
- а) *Елка касается потолка.* [Падучева 1996: 243]
 - б) *Елка не касается потолка.* [Падучева 1996: 244]

В семантику предложения (I.3.8a) входит основной, асертивный, компонент ‘елка находится в контакте с потолком’ и дополнительный, атрибутивный, компонент ‘контакт слабый’. Если ассерция в примере (I.3.8б) входит, как и положено, в сферу действия оператора отрицания, то атрибут туда не входит, но, в отличие от пресуппозиции, не сохраняет истинность, «а лишается смысла и пропадает» [Падучева 1996: 244].

Разумеется, иметь атрибутивный статус может и пропозиция, выраженная при помощи отдельной предикации. Средством оформления такой предикации оказывается имеющий пониженную «дискурсивную значимость» деепричастный оборот:

⁴⁴ Обратим, однако, особое внимание на то, что «common assumption» о том, что предложение делится на пресуппозицию и ассицию «без остатка», оказывается неверным. Ср. [Богуславский 1985: 29-30]

⁴⁵ Можно также упомянуть нейтральный коммуникативный статус, не придающий пропозиции вообще никакого истинностного значения, ср. *Если Маша придет, Петя обрадуется. – Если Маша придет, Петя не обрадуется.*

- (I.3.2) русский
- Вася читает лежа.*
 - ?Вася не читает лежа.*

В примере (I.3.2a) пропозиция ‘Вася лежит’ имеет как атрибутивный коммуникативный статус, так и пониженную «дискурсивную значимость». Что же касается примера (I.3.2б), то такая его интерпретация, чтобы в сферу действия оператора отрицания попадал исходный ассертивный компонент, то есть чтобы было ложно ‘Вася читает’, по-видимому, невозможна. Возможная его интерпретация имеет смысл вроде «Вася читает не лежа», то есть оператор отрицания синтаксически поднимается, а семантически имеет в качестве сферы действия атрибутивный компонент ‘Вася лежит’. Таким образом, при отрицании ассертивного компонента атрибутивный компонент также теряет смысл и предложение, в котором он выражен, оказывается неправильным.

Можно, исходя из этого, сделать следующий вывод о «дискурсивной значимости» и равноправии дискурсивных отношений. Дискурсивное отношение Обстоятельства, а не Конъюнкции или Последовательности, пониженная «дискурсивная значимость» некоторой предикации и, как следствие, редукция ее морфологического оформления являются формальным отражением такого семантического свойства соответствующей этой предикации пропозиции, как атрибутивный коммуникативный статус.

Необходимо также сделать замечание о том, что две равноправные, то есть семантически сочиненные, пропозиции всегда имеют равный коммуникативный статус. Если эти две пропозиции и соответствующие им предикации ничему не подчинены, то статус является ассертивным. Тогда в конструкции с «наследованием» грамматических категорий коммуникативный статус пропозиции, выражаемой предикацией с «наследующей» формой, и коммуникативный статус пропозиции, выражаемой предикацией с «опорной» формой, должны совпадать. Некоторое подтверждение этому мы покажем в следующем разделе.

I.3.3. Равный коммуникативный статус и способность к «наследованию» грамматических категорий: взаимосвязь.

Итак, в семантически сочинительной конструкции типа clause-chaining'a обе предикации, как предикация, возглавляемая «финитной» формой, выражающей грамматические категории, так и предикация или предикации, возглавляемые «наследующей» глагольной формой, обозначают пропозиции, которые имеют один и тот же коммуникативный статус. Очевидно, если эти две или более пропозиции семантически не зависят ни от какой другой, то их коммуникативный статус является ассертивным.

Тогда встает естественный вопрос о взаимосвязи между ассертивным статусом пропозиции, выражаемой предикацией с «наследующей» глагольной формой, и собственно способностью этой формы «наследовать» грамматические категории «опорной» формы. Вернемся к примерам из чувашского языка:

(I.3.9) чувашский

vašš'a	jaška	ši-se	čej	iš-es-šěn.
Вася	суп	есть-CONV	чай	пить-FUT-DESID
<i>Вася хочет есть суп и пить чай.</i>				

(I.3.10) чувашский

vašš'a	jaška	ši-se	čej	iš-et ^j .
Вася	суп	есть-CONV	чай	пить-PRES.3SG
<i>Вася ест суп и пьет чай.</i>				

(I.3.11) чuvашский					
vašča jaška ši-sen		čej	iš-es-šēn.		
Вася суп есть-CONV.COND			чай	пить-FUT-DESID	
<i>Вася, съев суп, хочет пить чай.</i>					

«Наследующее» деепричастие, представленное в примере (I.3.9), «наследует» грамматическое значение Дезидератива, выраженное в правой от него глагольной форме. При этом на семантическом уровне предложению (I.3.9) соответствует модальный оператор желания первого участника описываемых ситуаций, в сферу действия которого входят две пропозиции: ‘Вася ест суп’ и ‘Вася пьет чай’. То, что деепричастие *šise* входит в сферу действия оператора модальности желания, подтверждается тем, что его коммуникативный статус в предложении (I.3.10) является ассертивным. С другой стороны, ассертивный статус пропозиции ‘Вася ест суп’ в предложении (I.3.10) вынуждает ее, по определению, входить в сферу действия оператора желания в предложении (I.3.9) и тем самым «наследовать» грамматическое значение дезидератива, которое, в свою очередь, является одной из граммем категории модальности, присущей чuvашскому глаголу.

Сравним теперь еще раз предложение (I.3.9) с предложением (I.3.11). В предложении (I.3.11) вместо «наследующего» деепричастия *šise* стоит деепричастная форма *šisen*, имеющая в данном случае обстоятельственное значение предшествования⁴⁶. Пропозиция, выражаемая обстоятельственным предложением времени, как правило, имеет пресуппозитивный коммуникативный статус⁴⁷ и, следовательно, не должна входить в сферу действия оператора отрицания, а также модальных операторов. Как и ожидается, в примере (I.3.11) пропозиция ‘Вася ест суп’ не входит в сферу действия оператора желания, а сохраняет значение истины, то есть является пресуппозицией.

Однако наилучший способ показать, каков коммуникативный статус той или иной пропозиции, – будет поместить предложение, в семантику которого она входит, под оператор отрицания и выяснить, будет ли эта пропозиция входить в его сферу действия. Способность «наследовать» категорию отрицания оказывается, как и способность наследовать категории наклонения и модальности, одним из свойств подобных деепричастных форм. При этом, интересным образом, «наследование» отрицания оказывается сопряженным с «наследованием» наклонения или модальности: «наследующее» деепричастие рассматриваемого типа либо «наследует» обе эти категории, либо не «наследует» ни одну из них. Рассмотрим конкретный чuvашский пример:

(I.3.12) чuvашский					
jaška ši-se	čej	an	iš.		
суп есть-CONV	чай	PROH	пить.IMP		
<i>a) Не ешь суп и не пей чай.</i>					
<i>б) ≈ Когда ешь суп, не пей чай.</i>					
<i>*Ешь суп и не пей чай.</i>					
<i>*Когда не ешь суп, не пей чай.</i>					

(I.3.13) чuvашский					
jaška ši-se	čej	iše-t-ěn.			
суп есть-CONV	чай	пить-PRES-2SG			
<i>Ты ешь суп и пьешь чай.</i>					

⁴⁶ Вторым значением этого деепричастия является обстоятельственное значение условия; в этом случае пропозиция, обозначаемая им, будет иметь нейтральный коммуникативный статус.

⁴⁷ Ср. русск. *Когда Илюша пришел, Света его поцеловала. – Когда Илюша пришел, Света его не поцеловала.*

В примере (I.3.12) «наследующее» деепричастие *šise* помещено в контекст отрицательного императива *an iš*. Оказывается, что предложение (I.3.12) имеет два значения (ср (I.3.12а-б)). Значение (а) появляется в том случае, когда форма *šise* «наследует» и значение императива, и значение отрицания; таким образом, пропозиция ‘Ты ешь’ входит в сферу действия как оператора отрицания, так и модального оператора, то есть в предложении (I.3.13) имеет ассертивный коммуникативный статус. Значение (б), также допустимое для предложения (I.3.12), возникает, когда деепричастие не наследует ни одного из этих значений, а обозначаемая им пропозиция не входит ни в сферу действия оператора отрицания, ни в сферу действия модального оператора и является, следовательно, пресуппозицией.

Таким образом, коммуникативный статус пропозиции ‘Ты ешь’ в предложении (I.3.13) оказывается двояким и мы вынуждены для него, как и для предложения (I.3.12), постулировать два значения.

Таким образом, способность некоторой формы «наследовать» семантические глагольные значения как таковая объясняется равным коммуникативным статусом пропозиции, обозначаемой этой формой, и пропозиции, обозначаемой «опорной» формой, что, в свою очередь, скоррелировано с семантическим равноправием этих двух пропозиций, то есть с сочинением на семантическом уровне.

Резюме части I.

Подведем теперь итог, так сказать, с обратной стороны: от значения к форме.

Формальное средство, использующееся для выражения неравноправного дискурсивного отношения, в частном случае отношения Обстоятельства, может, аналогично комитативу, начать употребляться в «псевдосочинительной» конструкции, неравноправной морфологически, но равноправной семантически. Сочинение на семантическом уровне, в отличие от подчинения, подразумевает равный коммуникативный статус, то есть одинаковый результат после воздействия оператора отрицания или модальных операторов. На грамматическом уровне модальные операторы выражаются грамматическими категориями глагола, а вхождение в их сферу действия имплицирует «наследование» этих грамматических категорий.

С другой стороны, равноправие двух пропозиций на семантическом уровне ведет к проявлению тех или иных сочинительных свойств всей конструкции на синтаксическом уровне. Синтаксические сочинительные свойства варьируют от языка к языку, однако вполне ожидаемы в конструкциях с «наследованием», которые оказываются тем самым частным случаем «несбалансированной» сочинительной конструкции, противопоставленной классической «сбалансированной» сочинительной конструкции.

На грамматическом уровне мы имеем в результате особый способ выражения грамматического значения: это значение выражается один раз, а в остальных случаях оно «наследуется». Формы, «наследующие» это значение, имеют специальный показатель, диахронически происходящий из некоторого показателя подчинения, но на синхронном уровне имеющий функцию простого указания на «наследование» грамматического значения у другой глагольной формы.

Часть II. Типология «наследующих форм».

Формы, способные «наследовать» грамматическое значение, занимают разное положение в системе глагола в разных языках. Эта разница обуславливается в первую очередь тем, какие употребления, помимо «контекстных» употреблений с «наследованием» грамматических категорий, они имеют. Как мы уже говорили во введении, «наследующие» формы можно разделить на три группы: «неспецифицированные» времена, инфинитивы и деепричастия, к которым относятся также «медиальные глаголы» и «консекутивы». Само такое разбиение на группы предполагает, во-первых, некоторую типологию нефинитных форм, во-вторых, рассмотрение самого противопоставления финитных и нефинитных форм, а в-третьих, соотнесение с этими понятиями собственно «наследующих» форм..

II.1. Шкала финитности и нефинитные глагольные формы.

В соответствии с традицией, финитными называются глагольные формы, способные возглавлять независимое предложение. Дополнительным свойством финитных форм считается их способность наиболее полно выражать предикативные глагольные категории, а также принимать показатели лично-числового согласования. Прочие глагольные формы называются нефинитными (или инфинитными) и подразделяются, как правило, на группы: причастия, деепричастия, имена действия (масдары), инфинитивы, супины. Вряд ли в нашей работе целесообразно специально и подробно показывать, во-первых, градуальность этого противопоставления, так как это уже сделано в [Givón 1990], а во-вторых, существование т. н. «акатегориальных» форм, не противопоставленных по финитности / нефинитности, так как это уже сделано в [Калинина 2001]. Отметим, однако, наиболее существенные моменты.

Языковой материал показывает, что существует ряд случаев, описание которых выглядит как оксюморон: нефинитные формы возглавляют независимое предложение. Например, в русском языке существует целый класс т. н. инфинитивных предложений – т. е. независимых предложений, синтаксической вершиной которых является инфинитив (см., например, [Грамматика 1970: 567-569]):

- (II.1.1) русский
Мне 23 мая диплом защищать.

В ряде языков также не различаются причастие или деепричастие и какая-либо финитная форма. Сравним примеры (II.1.2)-(II.1.3) из мишарского диалекта татарского языка, где форма на *-gan*, традиционно называемая Перфективным причастием, употребляется и в качестве вершины относительного предложения (II.1.2), и в качестве вершины независимого предложения (II.1.3):

- (II.1.2) татарский
rafail sufijä kil-gän jak-ka kara-dꝫ.
Рафаил Суфия приходить-PFCT сторона-DAT смотреть-PST
Рафаил посмотрел в сторону, откуда пришла Суфия [txt].

- (II.1.3) татарский
sufijä kil-gän.
Суфия приходить-PFCT
Суфия пришла.

Подобные формы, как показано в [Калинина 2001], стоят вне противопоставления финитности и нефинитности и по этому признаку не маркированы. Е. Ю. Калинина рассматривает языки, в которых противопоставление финитности /нефинитности отсутствует в системе глагольных форм как

«акатегориальные» и показывает, что они образуют некоторый специальный структурный тип [Калинина 2001: 109-111].

Само существование таких глагольных форм вынуждает современную лингвистику говорить в первую очередь не о финитных или нефинитных формах, а о финитных или нефинитных предикациях в целом, ср.: «В современной лингвистике есть общее соглашение..., что оппозиция финитности vs. нефинитности является свойством предикации» [Bisang 2001]⁴⁸. Тем не менее, очевидна и необходимость так или иначе классифицировать и сами глагольные формы.

Между классическими финитными и классическими нефинитными формами существует некоторый континуум, который можно упорядочить по «более финитным» и «менее финитным» признакам. Такой континуум был предложен в [Givón 1990: 853]. Сверху шкалы лежат финитные признаки, а снизу – нефинитные:

- (а) Глагольные показатели:
 - (i) показатели времени, вида и модальности
 - (ii) показатели согласования
 - (iii) аффиксы номинализации
- (б) Именные показатели:
 - (i) падежное маркирование субъекта и объекта
 - (ii) артикли, определители

Немного поясним шкалу Т. Гивона: при утере финитных свойств в первую очередь теряются глагольные показатели времени, вида и модальности, затем показатели согласования глагольной формы с ее актантами или актантом (если оно вообще в языке есть), далее глагольная форма приобретает аффиксы номинализации, далее падежное маркирование ядерных актантов глагола осуществляется не при помощи ядерных падежей, а при помощи генитива, далее глагольная форма приобретает способность употребляться с артиклями (если они есть в данном языке) и прочими приименными определителями. В [Калинина 2001: 111] к описанной шкале добавлены следующие два уточнения. Во-первых, Е. Ю. Калинина показывает, что наличие показателей номинализации не является обязательным шагом на пути к нефинитному употреблению: существует ряд примеров того, что глагольная форма требует генитивного оформления своих ядерных актантов, не имея при этом деривационных показателей номинализации. Во-вторых, Е. Ю. Калинина добавляет на шкале финитности следующую ступень: возможность присоединения падежных маркеров к самой глагольной форме; эта ступень предшествует изменению падежного маркирования актантов.

«Наследующие» глагольные формы заведомо имеют одно «нефинитное» свойство: в рассматриваемом «контекстном» употреблении они всегда семантически зависят от своей «опорной» формы, а следовательно, возглавлять «совсем» независимое предложение не могут. Иными словами, они заведомо продвигаются к нефинитным, хотя бы частично, на одну ступень шкалы, теряя показатели глагольных категорий времени, наклонения или вида. Отметим, кроме того, что и сами глагольные категории также можно иерархически упорядочить, ср. иерархию глагольных категорий от «наиболее финитных» к «наименее финитным» по [Givón 1990: 854]: время > модальность > вид > отрицание. По-видимому, именно в таком порядке происходит «приобретение» глагольной формой способности к «наследованию» категорий «опорной» формы.

Именно такой тип зависимости понимается под dependency в [Foley, Van Valin 1984: 240-241] и именно такое отношение, по мнению У. Фоли и Р. Ван Валина,

⁴⁸ «In modern linguistics there is a general agreement... that the opposition of finite vs. non-finite is a property of the clause» [Bisang 2001].

невозможно в сочинительной конструкции. Наличие такой семантической зависимости при отсутствии структурного вложения и вынуждает этих авторов ввести третий тип синтаксического отношения – cosubordination (см. также выше).

В остальном же в разных языках представлен довольно широкий разброс по тому, какие финитные и нефинитные свойства проявляет «наследующая» форма. На одном полюсе находится такая «неспецифицированная» форма, как Инъюнктив ведийского языка, который принимает лично-числовые показатели, сохраняет аспектуальное противопоставление перфектива и имперфектива и имеет широкий круг «ситуационных» употреблений в независимом предложении. На другом полюсе – «наследующие» деепричастия на *-р* в мишарском диалекте татарского языка, *-са* в чувашском языке, на *-еп* в марийском языке или на *-са* в удмуртском языке, не имеющие лично-числовых показателей, не имеющие вообще «ситуационных» употреблений, а напротив, имеющие некоторый набор прочих «нефинитных» синтаксических употреблений.

Сами глагольные формы Т. Гивон также упорядочивает в шкалу от «наиболее финитных» к «наименее финитным» – с точки зрения выражаемых в них глагольных категорий и с точки зрения продвижения по «континууму»: индикатив > конъюнктив > причастие > инфинитив > имя действия [Givón 1990: 854]. Деепричастия, по-видимому, должны занимать в шкале Гивона ту же позицию, что и причастия. Однако такая шкала ставит необходимость определения самих понятий «причастия», «деепричастия», «инфinitива» и т. д. (некоторый обзор типов нефинитных форм представлен в [Калинина 2001: 47-54], а также в [Тестелец 2001: 266-268]). С одной стороны, как будто бы понятия причастия и деепричастия можно определить универсально самым классическим способом, как, скажем, в [Мещанинов 1945]: причастие – это глагольная форма, совмещающая в себе признаки глагола и прилагательного, а деепричастие – это глагольная форма, совмещающая в себе признаки глагола и наречия. Если перевести эти формулировки на современный лингвистический язык, то причастие – это глагольная форма, использующаяся для оформления относительного предложения, то есть сентенциального зависимого имени, а деепричастие – это форма, использующаяся для оформления обстоятельственного предложения, то есть сентенциального сирконстанта при некоторой другой клаузе. Ср.: «Деепричастие определяется как нефинитная глагольная форма, основная функция которой – маркировать авербиональное подчинение» [Haspelmath 1995: 3]⁴⁹.

Обратимся далее не к причастиям, а только к деепричастиям, так как «наследуют» грамматические категории в основном именно они. Приведенное выше определение М. Хаспельмата выводит из рассмотрения «наследующие» формы: на семантическом уровне они не маркируют подчинение. В [Van der Auvera 1998] противопоставляются широкое и узкое понимание термина деепричастие: деепричастия в узком смысле именно маркируют авербиональное подчинение, а деепричастия в широком смысле включают в себя «медиальные глаголы» – т. е. формы, использующиеся в clause-chaining'e. Типы деепричастия будут нами подробнее разобраны ниже, отметим только, что в любом случае в ряде языков существуют глагольные формы, использующиеся как в clause-chaining'e, так и для «авербионального подчинения», ср.:

(II.1.4) татарский

alma	aša-р	kit-i-m.
яблоко	есть-CONV	уходить-HORT-1SG

Съем-ка я яблоко и уйду-ка.

⁴⁹ «A converb is defined here as a nonfinite verb form whose main function is to mark adverbial subordination» [Haspelmath 1995: 3].

(II.1.5)	татарский		
ilnur	jat-χр	uka-dχ.	
Ильнур	лежать-CONV	читать-PST	
<i>Ильнур читал лежа.</i>			

Таким образом, даже разграничение деепричастия в широком и в узком смысле слова не снимает вопрос, к какому типу глагольных форм следует отнести мишарское Деепричастие на *-p*.

Значительно большие сложности испытывает лингвистическая теория с определением такой глагольной формы, как «инффинитив». Если обобщить представления о «хорошем» инфинитиве (ср. [Noonan 1985: 56-60], [Haspelmath 1995: 28]), то это глагольная форма, основная функция которой – оформление сентенциальных актантов, типичная вторая функция – оформление целевых обстоятельственных предикаций, как правило, в первую очередь при глаголах движения, а кроме того, «субъект при инфинитиве обычно остается невыраженным и контролируется аргументом в главной предикации» [Haspelmath 1995: 28]. Примером инфинитива мог бы служить инфинитив в русском языке, однако и он имеет ряд «незаконных» употреблений, ср. выше (II.1.1). Более того, «тогда как четко выделяемые инфинитивы есть во всех европейских языках, за пределами этого языкового ареала дело обстоит по-другому: в большинстве языков инфинитив отсутствует, и его функции выполняют формы потенциалиса, причастия и отглагольные существительные в некоторой падежной форме, обычно дательного падежа (такие формы обычно превращаются в инфинитив в процессе грамматикализации) и даже деепричастия» [Калинина 2001: 53].

Наибольший удар по классификации нефинитных форм наносят, впрочем, те глагольные формы, что могут употребляться как нефинитные формы двух и более типов (о частом совмещении функций деепричастия и причастия, деепричастия и инфинитива и т. п. см., например, [Nedjalkov 1995: 104-106]). «Крайним» примером может служить английский язык, в котором глагольная форма на *-ing* может использоваться для адвербального подчинения (II.1.6), то есть выполнять функции деепричастия, для «адъективного» подчинения (II.1.7), выполняя функции причастия, выполнять функции имени действия (II.1.8) и оформлять при ряде предикатов сентенциальные актанты при кореферентности субъектов, т. е. выполнять часть функций инфинитива (II.1.9) (о полифункциональности этой английской формы и соответствующие примеры см. также в [Kortmann 1995: 194-202]):

(II.1.6) английский

I saw you dancing.

Я видел вас, танцуя (перевод системы ЭТАП-2).

(II.1.7) английский

Rocking horse people eat marshmallow pies.

Сидящие на конях люди едят пироги с альтеем (The Beatles).

(II.1.8) английский

I look at the world and I notice it's turning.

Я смотрю на мир и замечаю, как он меняется (The Beatles).

(II.1.9) английский

I started drinking gin.

Я начал пить джин.

Кроме того, существует ряд употреблений этой формы, которые в некотором смысле могут быть охарактеризованы и как причастные, и как инфинитивные, и как употребления в качестве имени действия:

(II.1.10) английский

I saw you dancing.

Я увидел, как ты танцевала (Yakee-da).

(II.1.11) английский

I disapprove of children smoking pot.

Я не одобряю курение травки детьми. [Noonan 1985: 61].

Очевидным образом, описание английской формы на *-ing* как ряда омонимичных форм глагола неадекватно. Но тогда единственной альтернативой описанию через понятия причастия, деепричастия, инфинитива и пр. представляется описание через набор значительно более мелких контекстов, в которых эта форма может употребляться.

В некотором смысле понятия причастия, деепричастия, инфинитива или имени действия следовало бы упразднить, а вместо них предложить карту употреблений данной формы, аналогичную используемым в настоящее время в грамматической семантике семантическим картам. Метод семантического картирования, сформулированный в [Anderson 1982], основан на том допущении, что если некоторые значения регулярно выражаются совмещенно, то это свидетельствует об их семантической близости. С точки зрения карты употреблений нефинитных глагольных форм этот принцип можно было бы переформулировать так: если в двух контекстах регулярно используется одна и та же форма, то эти два контекста расположены на карте употреблений рядом. Сами же употребления выбираются с той максимальной дробностью, с какой они могут различаться в разных языках; эти типы употреблений принадлежат общему универсально-грамматическому «каталогу смыслов», Универсальному грамматическому набору по [Плунгян 1997]. Надо отметить также, что некоторые исследования, создающие фрагменты такой карты для нефинитных форм, уже давно стали классикой: это знаменитая иерархия «доступности именных групп» Э. Кинэна – Б. Комри [Keenan, Comrie 1977/1982] и не менее знаменитая иерархия «связанности» Т. Гивона [Givón 1980].

С другой стороны, лингвистическая традиция не может заблуждаться так глубоко, чтобы ее устоявшиеся понятия вообще ни в каком приближении ничему не соответствовали. В этом смысле наиболее перспективным подходом к выделению этих категорий представляется подход, аналогичный тому, что используется в [Dahl 1985] для выделения типологически релевантных грамматических значений времени-вида-модальности. Грамматические значения как таковые, с точки зрения Э. Даля, являются «нечеткими» (*imprecise*), то есть имеющими некоторое ядро (*focus*) и периферию – базовые и вторичные употребления [Dahl 1985: 9-11]. Фокус некоторого грамматического значения – это тот набор контекстов, в которых в ряде языков устойчиво употребляется некоторая форма, этому значению соответствующая. Иными словами, некоторое множество контекстов типологически устойчиво тяготеет к тому, чтобы в них употреблялась одна и та же форма. Форма, соответствующая этому набору контекстов, и будет в данном языке определяться как то или иное грамматическое значение. При этом «языки варьируют в основном по двум параметрам: (i) какие категории они выбирают из множества кросс-лингвистических категорий; (ii) как они сокращают нечеткость этих категорий, выбирая часть из возможных вторичных, или неядерных, употреблений, которые есть у этих категорий» [Dahl 1985: 33]⁵⁰. Если перенести такой подход на нефинитные формы, то и причастие, и «деепричастие в узком смысле», и «деепричастие в широком смысле», и «медиальный глагол», и инфинитив, и супин, и имя действия, а возможно, и что-то

⁵⁰ «Languages vary essentially in two respects: (i) which categories they choose out of the set of cross-linguistic categories, (ii) how they reduce the imprecision that these categories have in choosing among the possible secondary or non-focal uses the have» [Dahl 1985: 33].

еще окажутся грамматическими значениями с базовым набором контекстов, который собственно и будет составлять их сущность, и с набором прочих контекстов, варьирующих от языка к языку, связанных притом определенными неразрывными семантическими связями, т. е. так или иначе иерархически упорядоченных.

Полное выявление соответствующих контекстов, построение соответствующих карт и определение универсальных категорий – перспектива будущих исследований. В настоящей работе мы ставим себе скромную в этом масштабе цель: приблизительное создание фрагмента подобной карты, включающей в себя такое значение, как употребление в «несбалансированной» семантически сочинительной конструкции с «наследованием» грамматических значений. С другой стороны, необходимо и соотнести обнаруженные нами в различных языках «наследующие» формы с уже существующими понятиями, связанными с проблематикой нефинитных форм, поскольку, очевидно, этот языковой материал неоднороден. Далее мы рассмотрим три больших группы «наследующих» форм: «неспецифицированные» формы, «наследующие» инфинитивы и «наследующие» деепричастия в самом широком смысле слова. Большая часть материала попадает именно в последнюю группу, которая поэтому будет разделена на несколько подгрупп. Остается только отметить, что сам «универсалистский» подход вынуждает признать, что границы между описываемыми группами и подгруппами будут весьма условными, и такое разбиение материала в некотором смысле сделано просто для удобства изложения, чтобы более сходные объекты оказались ближе друг к другу, чем менее сходные.

II.2. «Неспецифицированные» времена.

Данная группа «наследующих» форм может быть охарактеризована следующим образом: это глагольные формы, имеющие, помимо употреблений в конструкциях с «наследованием» глагольных категорий, также широкий круг употреблений в независимом предложении с различными интерпретациями. В общем случае про эти интерпретации, как правило, утверждается, что они выводятся из контекста, в котором произносится данное высказывание.

С точки зрения шкалы финитности сами такие формы, безусловно, являются финитными. Их единственное нефинитное свойство состоит в том, что они полностью или частично семантически «немаркованы» по «предикативным» глагольным категориям – времени, виду или наклонение. С точки зрения потенциальной карты нефинитных форм такие формы интересны тем, что они «перекидывают один из мостиков» между финитными и нефинитными формами.

Рассматриваемый материал сводится к двум языкам: ведийскому и маори. Однако оба этих языка с точки зрения своих «наследующих» форм представляют свои генетические группы. Некоторый аналог ведийского Иньюонктива имеется в древнегреческом языке, а согласно [Kiparsky 1968], в том же ряду можно рассматривать и *praesens historicum* прочих древних индоевропейских языков. Аналоги Неспецифицированного (*unspecified*) времени в языке маори имеются в прочих полинезийских языках.

II.2.1. Ведийский Иньюонктив.

Так называемый Иньюонктив ведийского языка имеет долгую историю изучения в литературе по индоевропеистике. Прежде всего дадим краткое описание всей системы ведийского глагола, так как Иньюонктив нетривиально характеризуется с точки зрения формальной морфологии, а описание формальной морфологии древнего индоевропейского языка, к сожалению типолога, вынуждает использовать традиционную индоевропеистскую терминологию. Грамматики⁵¹ указывают на то, что категория наклонения ведийского языка состоит из пяти граммем: Индикатив, Императив, Конъюнктив, Оптатив и Иньюонктив. Индикатив обозначает реальную ситуацию, Императив – приказ или просьбу, Оптатив – желание говорящего, чтобы осуществилась ситуация, описываемая глаголом, а Конъюнктив – прочие типы ирреальных значений, включая просто ситуацию, относящуюся к плану будущего времени. В Индикативе представлены следующие видо-временные формы: Презенс, Перфект, Имперфект, Аорист, так называемый Плюсквамперфект, а также редкие (говоря современным языком, слабо грамматикализованные) формы Футурума. Перфект выражает результат некоторого события в прошлом; возможно также нарративное употребление Перфекта, не имеющее связи с моментом речи. Имперфект выражает ситуацию в прошлом, никак не связанную с моментом речи; эта форма чаще всего употребляется в нарративе. Аорист выражает завершенное действие в прошлом, то есть имеет перфективное значение; в отличие от Имперфекта, может иметь связь с моментом речи и называть только что завершившееся действие, но, в противоположность перфекту, без указания на результат. Утраченная в санскрите форма, именуемая в грамматиках Плюсквамперфектом, выражает различные претеритные значения, будучи в различных контекстах синонимичной Имперфекту и Аористу; можно сказать, что Плюсквамперфект представляет собой претерит, никак не маркованный с точки зрения аспектуальных различий.

⁵¹ Наиболее полные ведийские грамматики - работы [Елизаренкова 1982] и [Renou 1952].

С точки зрения формальной морфологии различаются, во-первых, три типа основ: основа Презенса, основа Аориста, образуемая по сложным и не всегда регулярным правилам, и основа Перфекта, производная от основы Презенса при помощи частичной редупликации. Во-вторых, имеются три серии лично-числовых окончаний: «первичные», использующиеся в Презенсе, «вторичные», использующиеся в Прошедших временах (Имперфект, Аорист и Плюсквамперфект), и отдельные перфектные, использующиеся в Перфекте. Прошедшие времена (Имперфект, Аорист и Плюсквамперфект), помимо набора «вторичных» окончаний, формально противопоставлены прочим наличием так называемого «аугмента» – приставки *a-*. Имперфект образуется от основы Презенса, Аорист – от основы Аориста, а Плюсквамперфект – от основы Перфекта.

Инъюнктив описывается в литературе по индоевропеистике и ведийскому языку морфологически – как формы Аориста, Имперфекта и в редких случаях Плюсквамперфекта, т. е. формы с претеритной («вторичной») серией окончаний, лишенные аугмента. Именно так, например, определяет инъюнктив К. Бругман, которому принадлежит этот термин⁵². В работе [Hoffmann 1967] предлагается четкая номенклатура форм Инъюнктива: 1) форма Инъюнктива, соответствующая Имперфекту, называется Презенсом Инъюнктива; 2) форма Инъюнктива, соответствующая Аористу, называется Аористом Инъюнктива; 3) форма Инъюнктива, соответствующая Плюсквамперфекту, называется Перфектом Инъюнктива.

О значении Инъюнктива во многих работах утверждается, что он выпадает из системы противопоставлений прочих наклонений или, во всяком случае, по-особому с ней соотносится, что эта категория может принимать самые разные модальные и временные значения. «Инъюнктив может в некоторых контекстах выражать действие общего характера, близкое к общему презенсу (но не к презенсу настоящего момента) ... приравниваться по значению к прошедшему времени (опорной является обычно какая-нибудь находящаяся поблизости форма прошедшего времени, снабженная соответствующими показателями этого времени)... близок по значению футуруму, иногда с легкой модальной окраской... широко употребляется в значениях, синонимичных значениям косвенных наклонений. Подобно императиву, инъюнктив может выражать приказ, побуждение... В сочетании с отрицательной частицей *ta*: инъюнктив выражает запрет... Инъюнктив употребляется иногда синонимично субъюнктиву [т. е. конъюнктиву – А. Ш.] и имеет в таких случаях слабое значение эвентуальности, сомнения, возможности и пр.» [Елизаренкова 1982: 281-283]. В этой работе сформулирован следующий вывод о значении Инъюнктива: «Покрывая своими значениями значения всей системы времен и наклонений в ведийском языке и тем самым не выражая ни временных, ни модальных значений, инъюнктив противостоит всем этим категориям, вместе взятым» [Елизаренкова 1982: 283]. Цитаты из книги Т. Я. Елизаренковой отражают обе основных идеи относительно употребления Инъюнктива в ведийском языке, принятые в литературе: с одной стороны у этой глагольной формы выделяется широкий спектр значений, а с другой стороны, Инъюнктив считается глагольной формой, вообще нейтральной с точки зрения ряда грамматических значений.

Произведем краткий обзор литературы, затрагивающей ведийский инъюнктив: история его изучения в определенном смысле может считаться общей историей трактовки «наследующих» форм внутри лингвистической традиции. В работе [Delbrück 1871] эта категория именуется «ложным (unecht) конъюнктивом» в противоположность «истинному (echt)» конъюнктиву [Delbrück 1871: 5]. Далее в этой работе «два типа» Конъюнктива (т. е. Инъюнктив и Конъюнктив) принимаются за

⁵² Термин «инъюнктив» введен в работе [Brugmann 1880], его определение через формальную морфологию дано в [Brugmann 1904].

сионимичные категории, а прочие употребления Инъюнктива не рассматриваются. В более поздней работе ([Delbrück 1888]) Б. Дельбрюк рассматривает Инъюнктив как «ответвление (Abspaltung) от индикатива», как претеритную форму, которая теряет значение, свойственное Индикативу как наклонению, и приобретает, так сказать, неопределенное значение. «Сложности с интерпретацией заключаются в том, что часто точно не известно, как следует переводить некоторый отрывок, в котором имеется форма инъюнктива» [Delbrück 1888: 354]⁵³. Несмотря на утверждение, что в любом случае возникают сложности с интерпретацией Инъюнктива и значение его неопределенно, Дельбрюк делает попытку разделить индикативную группу (*indicativische Masse*) и не-индикативную группу (*nicht-indicativische Masse*) значений и употреблений Инъюнктива. Позднее в [Burrow 1955/1976] выделяются три основных значения Инъюнктива: футуральное, императивное и оптативное.

В работах Л. Рену, сначала [Renou 1928], а потом и [Renou 1952] последовательно формулируется идея о том, что Инъюнктив – это форма, никак не охарактеризованная с точки зрения времени или модальности. Это «элементарное представление глагола, которому чуждо значение какой-либо категории» [Renou 1928: 63]⁵⁴. Л. Рену делает вывод о том, что Инъюнктив не несет значений времени и наклонения сам по себе, значения легко восстанавливаются по контексту или по консистуации. Например, «инъюнктив эквивалентен слабому претериту нарративного типа, когда он подкреплен соседними аугментными или перфектными формами» [Renou 1952: 369]⁵⁵.

В работе [Gonda 1956] делается утверждение о праиндоевропейском происхождении Инъюнктива. При этом исторически Инъюнктив в большинстве работ рассматривается как так называемый «примитив», некая «неопределенная категория» примитивного праязыка, послужившая основой для возникновения дифференцированной системы времен и наклонений. Ср. утверждение о том, что многообразие значений Инъюнктива «заставляет нас вернуться к очень примитивному состоянию языка, когда вследствие слабо развитой глагольной системы одна и та же форма по необходимости употреблялась во многих значениях» [Burrow 1976: 279]. Напомним, что один из наиболее существенных принципов современной компаративистики состоит в том, что праязык, реконструируемый на любом временном срезе, ничем качественно не отличается от современных естественных языков. Грамматическая категория, существовавшая в более древний период, никак не характеризует более «первобытное» состояние Языка вообще. Однако возможно и вероятно, что формально Инъюнктив в действительности наследуется из общеиндоевропейского языкового состояния: в [Леман 1961] представлен фрагмент формальной реконструкции праиндоевропейского глагола и показано, что Инъюнктив восходит к некоей форме праиндоевропейского языка. Соображения о том, какое место занимает Инъюнктив в развитии ведийской глагольной системы см. также в [Елизаренкова 1960: 12-13].

В работе [Hoffmann 1967] произведен детальный анализ всех примеров инъюнктива, разбитых на группы по типам контекстов. Согласно выводам К. Хоффмана, Инъюнктив ни в каких случаях не выражает никаких значений модальности и времени. Тем не менее, Инъюнктив сохраняет аспектуальные противопоставления перфектива, который выражается т. н. Аористом Инъюнктива (безаугментным Аористом), и имперфективом, который выражается т. н. Презенсом и Перфектом Инъюнктива (безаугментным Имперфектом и Плюсквамперфектом).

⁵³ «Die interpretatorische Schwierigkeit beruht darin, dass man recht oft nicht weiss, wie eine Stelle, in welcher ein Injunktiv vorliegt zu übersetzen ist» [Delbrück 1888: 354].

⁵⁴ «une notion verbale élémentaire, étrangère à toute catégorie» [Renou 1928: 63].

⁵⁵ «Injonctif équivaut à un prétérit faible, de type narratif et s'étayant sur des formes voisines augmentées ou sur des parfaits» [Renou 1952: 369].

Основное семантическое различие между Индикативом и Инъюнктивом К. Хоффман сводит к противопоставлению «сообщения» (*Bericht*), выражаемого Индикативом, и «упоминания» (*Erwähnung*), выражаемого Инъюнктивом. «В «сообщении» говорящий сообщает какой-либо факт, который он считает неизвестным для слушающего» [Hoffmann 1967: 160]⁵⁶. Основное значение Инъюнктива К. Хоффман называет, соответственно, «меморативным». Остается, однако, неясным, что именно должно быть заранее известным слушающему для того, чтобы было возможным употребление Инъюнктива. Тем не менее, употребление Инъюнктива в интересующих нас конструкциях с «наследованием» грамматических категорий под это определение в некотором смысле подходит: после того, как некоторое грамматическое значение один раз выражено, оно становится известным, а потому как бы и не требует нового выражения.

Наконец, нужно еще раз упомянуть и работу [Kiparsky 1968], где «контекстные» употребления Инъюнктива трактуются как «сочинительное сокращение грамматических категорий».

Рассмотрим теперь примеры, в которых употребляется Инъюнктив в ведийском языке⁵⁷. У этой формы есть употребления, принадлежащие к всем трем типам по нашей классификации, предложенной в Введении: «контекстные», «ситуационные» и «синтаксические». Инъюнктив употребляется в конструкциях с «наследованием», в независимом предложении, есть и его синтаксическое употребление в некотором контексте.

Ведийский Инъюнктив способен наследовать граммы времени (сравним (II.2.1)-(II.2.2)) и наклонения (сравним (II.2.3)-(II.2.5)):

(II.2.1) ведийский

agníh	sápti.-m	dada-ti	...
Агни	конь-ACC	давать.IPFV-3SG	...
agní	cara-t.		
Агни	двигаться.UNSPEC.IPFV-3SG		

*Агни правит конем*⁵⁸... *Агни проходит (через две половины вселенной)* [Hoffmann 1967:120]; [Kiparsky 1968: 37] (Ригведа X, 80, 1).

(II.2.2) ведийский

agní	a-paca-t	...	indra piba-t.
Агни	PST-готовить.IPFV-3SG	...	Индра пить.UNSPEC.IPFV-3SG
<i>Агни варил...</i> Индра пил [Kiparsky 1968: 38] (Ригведа V, 29, 7).			

(II.2.3) ведийский

kadá:	antár	bhuv-a:-ni	...
когда	внутри	быть-CONJ-1SG	...
kadá:	m.r.li:ká.-m	khya-m.	
когда	расположение-ACC	видеть.UNSPEC.IPFV-1SG	

Когда я окажусь внутри..., когда я увижу снисхождение? [Hoffmann 1967: 246] (Ригведа VII, 86, 2)

(II.2.4) ведийский

piba-∅	...	sada-.h.
пить.IMP-2.SG	...	сидеть.UNSPEC.IPFV-2.SG
<i>Пей... садись</i> [Kiparsky 1968: 37] (Ригведа VIII, 17, 1).		

⁵⁶ «Im Bericht teilt der Sprechende einen Tatbestand mit, von dem er annimmt, dass er dem Zuhörer unbekannt sei» [Hoffmann 1967: 160].

⁵⁷ Перевод ведийских примеров сверен с переводом «Ригведы» Т. Я. Елизаренковой. Однако в ряде случаев мы от него отклоняемся.

⁵⁸ Или: *Агни дарит коня...*

(II.2.5) ведийский

по	hetí:	v.rj-ya:-t.
мы.ACC	удар	миновать-OPT-3SG
...	durmátr	máhí: ga-t.
...	немилость	большой идти.UNSPEC.IPFV-3SG

Да минует нас выстрел..., да обойдет великая немилость [Kiparsky 1968: 38] (Ригведа II, 33, 14).

Независимые употребления ведийского Инъюнктива, с точки зрения их семантической интерпретации, можно разделить на три группы.

Во-первых, Инъюнктив употребляется в значении хабитуального или, в более частом случае, так называемого гномического презенса. Настоящее гномическое «имеет значение ‘всегда’, ‘в общем случае’, ‘независимо от конкретного момента’» [Мельчук 1998: 66]⁵⁹:

(II.2.6) ведийский

kuma:ró	ná	sarpa-d.
мальчик	как	ползти.UNSPEC.IPFV-3SG

Он (все дальше), словно мальчик, заползает... {речь идет о непрерывном действии мифологического персонажа}. [Hoffmann 1967: 119] (Ригведа X, 79, 3)

Во-вторых, характерно для ведийского Инъюнктива употребление в перформативных предложениях. Перформативные предложения – это предложения, произнесение которых совпадает с ими описываемым действием⁶⁰:

(II.2.7) ведийский

прá	voca-m.
вперед	говорить.UNSPEC.PFV-1SG

Я провозглашаю (героические деяния Вишну) [Hoffmann 1967: 251] (Ригведа I, 154, 1).

Употребление семантически «ненаркированной» формы в перформативных предложениях в некотором смысле представляется естественным: т. к. эти предложения по своей природе могут описывать только ситуацию, происходящую в момент речи, для них указание на модально-временной план избыточно⁶¹.

В-третьих, это «модальные» употребления Инъюнктива. Наиболее характерно выражение модальности пожелания говорящего, представленное в побудительных предложениях, где Инъюнктив контекстно «сионимичен» Императиву (как в примере (II.2.8)), и в непобудительных предложениях пожелания, где Инъюнктив «сионимичен» Опративу.

(II.2.8) ведийский

ga-.h.	
идти.UNSPEC.IPFV-2SG	
<i>Иди.</i> [Hoffmann 1967: 256]	

В [Hoffmann 1967] такие употребления ведийского Инъюнктива опять-таки признаются семантически естественными: «Упоминание» бессмысленно в той ситуации, когда действие, выраженное глаголом, не совершается и не совершилось в прошлом, если не имеется в виду желание говорящего, чтобы оно осуществилось, или призыв к его осуществлению» [Hoffmann 1967: 269]⁶². По указанию этой же работы,

⁵⁹ Характерными примерами настоящего гномического являются мифы и пословицы, описывающие постоянно происходящие ситуации.

⁶⁰ См. о них работу, в которой введено это понятие, - [Austin 1963/1986].

⁶¹ Ср. употребление в перформативных предложениях довольно широкого круга глагольных форм в русском языке: *Я прошу вас помолчать – Я попрошу вас помолчать – Я попросил бы вас помолчать*.

⁶² «Eine solche “Erwähnung” ist in einer Situation, in der die betreffende Verbalhandlung weder sich vollzieht noch vollzogen hat, sinnlos, wenn sie nicht als Aufforderung gemeint ist» [Hoffmann 1967: 269].

возможны и другие «модальные» употребления Инъюнктива – употребления в значениях, обычно выражаемых в ведийском языке Конъюнктивом, прежде всего в значении ситуации, которая должна наступить в ближайшем будущем.

Ярким примером «синтаксического» употребления является употребление Инъюнктива в прохибитивных предложениях в сочетании с прохибитивной частицей *ta::*:

(II.2.9) ведийский			
ma: по ní ka-h.			
PROH мы.ACC вниз делать.UNSPEC.PFV-2SG			
<i>Не унизь нас</i> ([Hoffmann 1967: 54]) (Ригведа III, 33, 8).			

Такое сочетание является единственным способом выражения запрета; интересно, что в санскрите, древнеиндийском литературном языке более позднего периода, Инъюнктив сохраняется только в этом сочетании, которое тем самым становится единой формой прохибитива. Как впервые было замечено в работе [Hahn 1953], в такого рода сочетаниях именно частица, а не Инъюнктив выражает прохибитивное значение, что подтверждается следующими соображениями: во-первых, инъюнктив способен сочетаться с обычным, не прохибитивным, отрицанием *ná*, и такое сочетание не содержит прохибитивного значения; во-вторых, частица *ta:* способна выражать запрет и без глагольной формы⁶³. Таким образом, в примере (II.2.9) Инъюнктив используется исключительно для лексического наполнения глагольной позиции, то есть его употребление чисто синтаксическое.

Особенно интересен Инъюнктив ведийского языка тем, что, в отличие от большинства рассматриваемых в нашей работе «наследующих» форм диахронически он, очевидно, не является какой-либо нефинитной формой. Можно предполагать, что диахронически конструкции с «наследующим» Инъюнктиром происходят из конструкций с групповой флексией (см. о ней раздел I.1.3); «групповыми» показателями, по-видимому, были аугмент *a-*, показатель прошедшего времени, и показатель *-i*, при помощи которого образована презентная («первоначальная») серия лично-числовых окончаний. Как правило, групповая флексия при дальнейшей грамматикализации утрачивается: «групповой» показатель становится «негрупповым», начинает употребляться при каждом конъюнкте. Инъюнктив же вместо этого был «переосмыслен» как «наследующая» форма и стал употребляться в семантически сочинительных конструкциях не только с аугментными формами либо формами с «первоначальными» окончаниями, но и с прочими формами: Перфектом, Императивом, Оптивом и т. д.

Согласно грамматике [Chantraine 1942], представлена в гомеровском древнегреческом языке представлена форма, аналогичная ведийской. П. Шантрен показывает, что, вопреки распространенным в классической филологии представлением, употребление безаугментных форм в древнегреческих текстах нельзя объяснить только ритмическими причинами. В этой работе представлена статистика их употребления, говорящая о том, что по употреблению они близки к ведийскому Инъюнктиву, т. е. принимают значение левой по контексту глагольной формы, хотя и «смешиваются» с прошедшими временами [Chantraine 1942: 479-484].

II.2.2. «Неспецифицированная форма» (частица *ka*) в маори.

Рассмотрим теперь «наследующую» глагольную форму в языке маори. Грамматика этого языка отличается очень высоким аналитизмом: глагольные категории оформляются так называемыми вербальными препозитивными или

⁶³ Ряд соображений на этот счет приведен в [Hoffmann 1967: 98-104].

постпозитивными частицами. Глагольная система маори (см. подробнее [Biggs 1973: 34-35]) содержит значения Прошедшего (частица *i*) и Непрошедшего (частица *e*) времени, Перфектива (частица *kua*) и Имперфектива (сочетание частиц *e...ana*), а кроме того различные модальные значения. Кроме того, имеется препозитивная вербальная частица *ka*, употребляющаяся в качестве «ненаркированной» формы, допускающей «контекстные» и «ситуационные» употребления. Представляется, что «неспецифицированная» глагольная частица в языке маори имеет минимум ограничений на сочетаемость. На данный момент нами не обнаружено сведений о том, чтобы эта форма не могла «наследовать» какие-либо из имеющихся в языке глагольных значений. С другой стороны, разброс значений ее независимых употреблений также представляется самым широким.

В грамматике [Biggs 1969/1973] частица *ka* названа «начальной (inceptive)» частицей, выражающей чистую «глагольность»: «*Ka* просто указывает на то, что предложение является глагольным, ничего не говоря о времени действия или состояния... *Ka* не имеет специальных отсылок ко времени, хотя оно и употребляется часто, когда в действительности речь о событиях, относящихся к будущему времени. Оно часто употребляется при описании начала действия» [Biggs 1973: 34]⁶⁴. Подробному рассмотрению этой частицы посвящена работа [Harlow 1988]. Р. Харлоу называет *ka* «инъюнктивом маори», ориентируясь на вышеупомянутую работу [Kiparsky 1968]: «*Ka* – просто «не маркировано» по времени, наклонению и, возможно, аспекту» [Harlow 1988: 208]⁶⁵. В работе справедливо сказано, что такая интерпретация этой частицы объясняет ее использование со значением практически любого другого маркера времени, наклонения и аспекта.

Итак, в отличие от ведийского Инъюнктива, «ненаркированная» форма языка маори характеризуется тем, что наследует как категории времени (пример (II.2.10)) и наклонения (примеры (II.2.11)-(II.2.14)), так и различные аспектуальные значения (примеры (II.2.15)-(II.2.17)).

(II.2.10) маори

ko	parewhete	i	piki	ki	runga
NAME	Паревхете	PST	лезть	на	верх
ki	te	tuanui	ka		ora.
на	ART	крыша	UNSPEC	прятаться	

Паревхете залез на крышу и спрятался [Harlow 1988: 206].

(II.2.11) маори

∅	rākai	i	a	kōrua	ka	whanatu.
IMP	украшать	OBJ	ART	вы.DU	UNSPEC	идти

Украсьте себя и идите [Harlow 1988: 202].

(II.2.12) маори

te	whakaaro	me	haere	rāua	...
ART	план	DEB	идти	они.DU	...
ka		muru	i	ngā	hua.
UNSPEC		красть	PST	ART.PL	фрукт

... план, что они должны пойти и украдь фрукты. [Harlow 1988: 203]

⁶⁴ «*Ka* simply indicates that the phrase is verbal without saying anything about the time of the action or state... *Ka* has no specific reference to time though it is often used when the time is in fact future. It is always used when a new action is beginning» [Biggs 1973: 34].

⁶⁵ «*Ka* is simply ‘unmarked’ in tense, mood and possibly aspect» [Harlow 1988: 208].

(II.2.13) маори

koe	kia	murua	te	kiri
ты	DESID	тереть.PASS	ART	кожа
ka	titi	i	te	kura ki te māhunga.
UNSPEC	клейть	OBJ	ART	кура на ART голова

Ты хотел бы натереть свою кожу и украсить голову курой [Harlow 1988: 204]

(II.2.14) маори

ki	te	tae	koe	ā	ka	haere	ngā
COND	COND	приходить	ты	и	UNSPEC	идти	ART.PL
kōrero	me	noho	koe	tiaki.			

разговор DEB оставаться ты ждать

Если ты придешь и будет идти разговор, останься и подожди [Harlow 1988: 205]

(II.2.15) маори

whiriwhiri	noa	ai	te	kaitito	i	te	rangi
выбирать	только	HABIT	ART	сочинитель	OBJ	ART	мотив
ā	ka	tāpiri	āna	kupri.			

и UNSPEC добавлять его слово

Сочинитель только выбирал мотив и добавлял к нему свои слова [Harlow 1988: 207].

(II.2.16) маори

kua	oma	tētahi	ka	mau	tētahi.
PFCT	бежать	один	UNSPEC	ловить.PASS	один

Один убежсал, другой был пойман [Harlow 1988: 208].

(II.2.17) маори

i	a	ia	e	tuhituhi	ana,	ka	tatarī
OBJ	ART	он	IPFV	писать	IPFV	UNSPEC	ждать
au	ki	a	ia	i	te	kāri.	

я на ART он в ART сад

(Пока) (он) писал это, я ждал его в саду.

В языке маори «неспецифицированная» форма также допускает самостоятельные употребления. К сожалению, данные маори, с которыми есть возможность работать, ограничены, а потому не получается строго очертировать возможные интерпретации независимых предложений с этой формой. В частности, в работе [Harlow 1988] об этом дается мало информации и в качестве единственной их семантической характеристики указывается заполнение из «более широкого лингвистического и нелингвистического контекста» [Harlow 1988: 209]⁶⁶. Во всяком случае, как и Иньюонктив в ведийском языке, в независимом предложении без поддержки каких-либо дейктических или обстоятельственных маркеров форма с частицей *ka* возможна в предложениях следующих типов.

Во-первых, описание хабитуальных и гномических ситуаций:

(II.2.18) маори

ka pai.

UNSPEC хорошо

Это хорошо. [Harlow 1988: 209]

Во-вторых, перформативные предложения:

(II.2.19) маори

ka i konei mutu aku kōrero.

UNSPEC у здесь оканчивать мой речь

На этом (я) оканчиваю свое выступление [Harlow 1988: 209].

⁶⁶ «the wider linguistic and non-linguistic context» [Harlow 1988: 209].

(II.2.20) маори

ka tapa au i tana ingoa ko
UNSPEC называть я OBJ этот ребенок NAME
Hata.

Я называю этого ребенка Хата.

В-третьих, побудительные предложения:

(II.2.21) маори

ka haere tātou.

UNSPEC идти мы.INC

Пойдемте! [Harlow 1988: 209]

Однако в строго заданном при помощи языковых или не языковых средств контексте «неспецифицированная» форма в маори может получать и другие интерпретации. В примерах (II.2.22) и (II.2.23) она получает значение актуального настоящего времени в соответствующем контексте:

(II.2.22) маори

ka makariri.
UNSPEC холодный

(Обычно вода теплая, но сегодня) она холодная.

(II.2.23) маори

ka makariri.
UNSPEC холодный

(Обычно вода теплая, но этим летом) она холодная.

Аналогично, в примере (II.2.24) задан контекст ситуации в прошлом, и «немаркированная» форма употребляется в этом предложении в претеритном значении:

(II.2.24) маори

ka makariri.
UNSPEC холодный

(Обычно вода теплая, но прошлым летом) она была холодная.

Так же при наличии строгого контекста, «немаркированная» форма может употребляться «вместо» перфекта (пример (II.2.25)):

(II.2.25) маори

ia ka haere.
он UNSPEC идти

Он ушел (как раз перед тем как мы пришли).

Особый интерес представляют употребления формы с показателем *ka* в языке маори, которые в некотором смысле находятся в промежутке между «контекстной» и «ситуационной» группой:

(II.2.26) маори

e haere ana i te ngahere.
IPFV идти IPFV OBJ ART лес

(Вчера) я шел по лесу.

ka takahia noatia e au tētahi ngarara.
UNSPEC наступить.PASS вдруг SBJ я один змея

Вдруг я наступил на (одну) змею.

В примере (II.2.26) представлены два начальных предложения из связного нарративного текста. Первое из них – не собственно нарративное, а фоновое, то есть описывающее ситуацию, не входящую в цепочку сменяющих друг друга ситуаций, а являющуюся фоном этих ситуаций или комментарием говорящего⁶⁷. В этом

⁶⁷ Об этом типе предложений внутри нарративного текста и их грамматическом оформлении см. [Татевосов, Майсак 1999: 722-723].

предложении употреблена вполне ожидаемая глагольная форма имперфектива. Далее следует предложение с «немаркированной» формой, являющееся первым собственно нарративным предложением в тексте. Из общих соображений, можно было бы в этом предложении ожидать форму претерита *i takahia*, а «немаркированные формы» – только в следующих собственно нарративных предложениях. Однако соотнесение всех описываемых событий с модально-временным планом («временна́я привязка» («temporal anchoring») по терминологии [Dahl 1985: 113]) в данном случае осуществляется в фоновой предикации. «Неспецифицированная» форма во втором предложении, несомненно, опирается на этот общий модально-временной план, однако представляется некорректным применительно к данному примеру говорить о непосредственном «наследовании» этой формой грамматических категорий глагола первого предложения.

Интересное «синтаксическое» употребление «неспецифицированной» формы маори состоит в том, что она практически обязательна в аподосисе условных конструкций, притом что в протасисе употребляется форма кондиционалиса с показателем *ki te*:

(II.2.27) маори

mehemea	ki	te	whakatoi	кое	ki	te	ngeru,
если	COND	COND	дразнить	ты	OBJ	ART	кошка
ka		miao					
UNSPEC		мяукать					

Если ты будешь дразнить кошку, она замякует.

(II.2.28) маори

mehemea	ki	te	whakaatūria	mai	e
если	COND	COND	показывать.PASS	сюда	SBJ
koe	te	huarani,	ka	utua	koe
ты	ART	дорога	UNSPEC	платить.PASS	ты
ki	te	moni			SBJ
OBJ	ART	деньги			я

Если ты покажешь мне дорогу, я заплачу тебе деньги.

Так же ведут себя предложения, в которых протасис опущен либо находится в предшествующей реплике:

(II.2.29) маори

ka	mate	кое
UNSPEC	умирать	ты

(- Что случится, если я съем этот гриб?) – Ты умрешь.

II.3. «Наследующие» инфинитивы.

Как мы уже сказали, понятие инфинитива среди прочих нефинитных глагольных форм имеет самый «расплывчатый» и самый «сомнительный» статус. «Термин «инфинитив» использовался для синтаксических объектов довольно различных типов» [Noonan 1985: 56]⁶⁸. Ср.: «Инфинитив в современном русском языке выступает как глагольная форма, противопоставленная другим формам глагола в плане неопределенности отражения ею действительности» [Брицын 1990: 305]. «Инфинитив (неопределенная форма) является исходной формой комплексной парадигмы глагола» [Грамматика 1970: 417]. «Инфинитивный оборот, или инфинитивная клауза, обычно выражает сентенциальный актант» [Тестелец 2001: 266]. В форме инфинитива «глагол выступает в качестве зависимого элемента глагольного типа (в частности, он зависит от другого глагола, например, модального)» [Мельчук 1998: 257]. М. Нунан использует этот термин для «глагольных сущностей, которые не имеют синтаксической связи со своим семантическим субъектом» [Noonan 1985: 57]⁶⁹. «Инфинитив входит в сложную, так сказать, «двухэтажную» систему отношений, в которую входят: логический уровень: на этом уровне инфинитив можно считать центром логической пропозиции; морфосинтаксический уровень: на этом уровне он выполняет функцию именной составляющей» [Rémi-Giraud 1988: 34]⁷⁰.

Приведенный набор цитат, сознательно сделанный широким, наглядно показывает, что термин «инфинитив» понимается разными авторами настолько по-разному, что, скажем, постановка вопроса о том, какое понимание лучше или хуже, заведомо бессмысленна. Однако при этом «всем понятно», что инфинитив – это такая нефинитная форма, основная функция которой – оформлять сентенциальные актанты. Отметим при этом, что положение инфинитива на шкале финитности не столь очевидно: хотя в шкале форм от наиболее финитных к наименее финитным в [Givón 1990: 854] инфинитив занимает положение, близкое к «совсем нефинитному», именно у инфинитива возможен широкий круг употреблений в независимом предложении.

Как правило, формы, называемые инфинитивами, имеют ограничение на выражение субъекта, который семантически должен быть кореферентен некоторому актанту в главной предикации. Далее, весьма часто инфинитив оформляет обстоятельственные предложения цели, главным образом, при глаголах движения. Вообще, надо заметить, что значение цели и употребление в качестве сентенциального актанта при глаголах желания и волеизъявления оказываются семантически связанными и типологически устойчиво маркируются единым образом; соображения на этот счет см. в [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 228-230]⁷¹.

С другой стороны, значение цели является, очевидно, близким к значению «последующего» действия в конструкции типа *sequential clause-chaining*. Как отмечает Л. Стассен, «с семантической точки зрения, целевые конструкции родственны цепочкам, обозначающим последовательность ситуаций, в том, что обе эти конструкции подразумевают, что последующая ситуация предопределена предыдущей. Есть, однако, и ясное семантическое различие... Говоря неформально, ... вся целевая конструкция остается истинной, даже если второе событие не имело место

⁶⁸ «The term ‘infinitive’ has been used for rather different types of syntactic entities» [Noonan 1985: 56].

⁶⁹ «verb-like entities that do not bear syntactic entities to their notional subjects» [Noonan 1985: 57].

⁷⁰ «L’infinitif entre dans un système de relations complexe, «à deux étages» pourrait-on dire, et qui comporte donc: un niveau logique: à ce niveau, l’infinitif peut être dit centre d’une proposition logique; un niveau morpho-syntaxique: à ce niveau, il a la fonction d’un constituant nominal» [Rémi-Giraud 1988: 34].

⁷¹ Интересно, что эти авторы прослеживают такую устойчивую связь между этими двумя значениями, вообще не обращаясь к инфинитивам и лишь замечают, что, если бы ими был рассмотрен инфинитив тоже, корреляция бы стала, вероятно, еще сильнее.

в реальности» [Stassen 1985: 72]⁷². Разумеется, существует и языковой материал, такую семантическую связь показывающий. Чтобы не ходить далеко, можно продемонстрировать периферийные русские примеры, в которых целевая по форме конструкция употребляется просто для того, чтобы отразить порядок событий:

(II.3.1) **русский**

Кавалерийская ала ... вылетела на площадь, чтобы пересечь ее в сторонке, ... кратчайшей дорогой проскакать к Лысой Горе (М. Булгаков).

Промежуточной ступенью между целевым значением и значением простой последовательности событий может служить т. н. значение «антицели». Конструкция, по форме совпадающая с целевой, может, с семантической точки зрения, описывать ситуацию, «меньше всего» являвшуюся целью главной предикации, ср. пример (II.3.2) и его русский перевод:

(II.3.2) **английский**

John came home to find his apartment looted.

Джон пришел домой, чтобы обнаружить, что его квартиру ограбили [Stassen 1985: 73].

Если инфинитив, имеющий, целевое употребление, начинает употребляться и в clause-chaining'е тоже, то тем самым он становится «наследующей» формой. Примерами таких случаев могут служить Инфинитив в языке бамана и т. н. «Время» Su в языке хауса. Относительно последнего нужно оговорить, что эта форма отличается от классического инфинитива тем, что имеет лично-числовую парадигму, то есть не имеет ограничения на употребление при кореферентности каких-либо актантов двух предикаций. Тем не менее, формы этих двух языков сходны в том, что у них есть и употребление в целевых конструкциях, и употребление в качестве «наследующей» формы.

II.3.1. Инфинитив бамана⁷³.

В языке бамана грамматические значения «наследует» форма, традиционно описываемая как Инфинитив (ср. [Томчина 1978: 26], [Токарская 1964: 26]). Глагольная система языка бамана (см. о ней [Keita 1986: 86-115], [Dumestre 1987: 109-147]) содержит значения Перфектива («L'accordé»), Претерита, Результивата, нескольких типов Имперфектива («L'inaccompli»), Презенса, обозначающего также ситуацию в будущем, Дебитива, Императива и др. Среди нефинитных форм есть два причастия, основной инфинитив с показателем *ka*, и еще две относительно редких инфинитивных формы с ограниченным употреблением.

Инфинитив, как правило, употребляется в глагольных цепочках, обозначающих последовательность действий и принимает то значение, которое выражено в левой от него финитной форме:

(II.3.3) **бамана**

Fatumata	fúrú-lá	ka	dén	sérgò.
Фатумата	жениться-PFV	INF	ребенок	получать
<i>Фатумата вышла замуж и родила ребенка.</i>				

⁷² «Semantically speaking, final constructions are cognate to consequential chains in that both construction types imply a successive ordering between events in that succession. There is, however also a clear semantic difference... Informally speaking, ... a final chain ... is true even if the second event did not take place in reality» [Stassen 1985: 72].

⁷³ Он же бамбара. Оговорим также, что в этом разделе мы будем рассматривать и примеры языка манинка (малинке), пользуясь тем, что традиционно эти два языка считаются диалектами одного языка.

Так, в примере (II.3.3) Инфинитив глагола *sɔ́rg* имеет перфективное значение, так как употреблен в контексте перфективной формы *fúru-lá*. Ср.: «Последовательность предложений, которые формально имеют общее подлежащее и глаголы в одной и той же форме, может подвергнуться, начиная со второго предложения, редукции, состоящей в уничтожении подлежащего и замене предикативного показателя на показатель *kà*» [Keita 1986: 143]⁷⁴. «Речь идет о сложном предложении, в котором последовательность предложений связана с помощью соединительной морфемы *kà*» [Dumestre 1987: 419]⁷⁵.

Как правило, конструкции с «наследующим» Инфинитивом употребляются в языке бамана для описания последовательности событий. Тем не менее, нами засвидетельствован пример того, чтобы ситуации, описываемые финитной глагольной формой и Инфинитивом были одновременны:

(II.3.4) бамана

Seidu	<i>sigi-lén</i>	<i>dòn</i>	<i>kà</i>	<i>liburu</i>	<i>kálán.</i>
Сейду	сидеть-PART	COP	INF	книга	читать
<i>Сейду сидит и читает книгу.</i>					

Возможно употребление Инфинитива бамана в относительно длинных нарративных цепочках, обозначающих последовательность событий:

(II.3.5) бамана

Seidu	<i>wúlí-lá</i>	<i>sègòmá</i>	<i>kà</i>	<i>dàràká</i>	<i>dún</i>
Сейду	вставать-PFV	утром	INF	завтрак	есть
<i>kà</i>	<i>táá</i>	<i>kálàn-só</i>	<i>lá.</i>		

Сейду встал утром, позвавтракал, пошел в школу.

(II.3.6) бамана

n̄	b̄	Bakari	Jan	wéle				
я	PRES	Бакари	Джан	звать				
k̄	nà	ní	à	yé	ń	ká	si-só	kóno
INF	приходить	с	он	с	я	POSS	ночевать-дом	в
kà	á	fá	déló	lá				
INF	он	наполнять	пиво	в				
kà	à	nyínimká	kúma	nín	ná.			
INF	он	спрашивать	слово	этот	в			

Я позову Бакари Джана, отведу его к себе в спальню, напою его пивом и расспрошу его об этом [Dumestre 1979: 80-81].

Инфинитив, помимо перфективного (см. выше пример (II.3.3)) значения, «наследует» значение Презенса, как в хабитуальном значении (пример (II.3.7a)), так и с референцией к будущему (пример (II.3.7б)), и значение Императива (пример (II.3.8)):

⁷⁴ «Une séquence de propositions qui du point de vue de leur forme ont un sujet commun et des verbes à la même forme de conjugaison peut subir une réduction qui consiste, à partir de la deuxième proposition, à effacer le sujet et à substituer le morphème *kà* au marqueur prédictif» [Keita 1986: 143].

⁷⁵ «Il s'agit d'énoncés complexes dans lesquels des propositions consécutives sont reliées par un morphème connecteur *kà*» [Dumestre 1987: 419].

(II.3.7) бамана

- a) Seidu dóñ ó dóñ b` dàràká dún
 Сейду день или день PRES затрак есть
 kà ták ekol lá.
 INF идти школа в

Сейду каждый день завтракает и идет в школу.

- b) Seidu síní b` dàràká dún kà ták ekol lá.
 Сейду завтра PRES затрак есть INF идти школа в

Сейду завтра позавтракает и пойдет в школу.

(II.3.8) бамана

- Fatumata, fúrú kà dén sòrò.
 Фатумата жениться.IMP INF ребенок получать
Фатумата, выходи замуж и рожай ребенка.

С точки зрения синтаксических тестов, конструкция с «наследующим» Инфинитивом проявляет сочинительные свойства. Пример (II.3.9б) показывает невозможность линейного вложения предикации, возглавляемой Инфинитивом, внутрь финитной предикации, притом что допустимо предложение (II.3.9а), где такого вложения нет:

(II.3.9) бамана

- a) Sít `n wúlí-lá kà sògo tóbí.
 Ситан вставать-PFV INF мясо.ART готовить
Ситан встала и приготовила мясо [Dumestre 1987: 422].
- b) *Sít `n kà sògo tóbí wúlí-lá.
 Ситан INF мясо.ART готовить вставать-PFV

Обычно при использовании конструкции с «наследующим» Инфинитивом в бамана подлежащее предикации, возглавляемой Инфинитивом, совпадает с подлежащим предикации, возглавляемой финитной глагольной формой (см. все примеры выше). Собственное подлежащее, никак семантически не связанное с подлежащим при «опорной» форме, Инфинитив иметь не может (сравним неграмматичный пример (II.3.10б) с грамматичным (II.3.10а)):

(II.3.10) бамана

- a) Sítàn yé sògo sàñ, Hágá y á tóbí.
 Ситан PFV мясо.ART покупать Ава PFV он готовить
Ситан купила мясо, а Ава его приготовила [Dumestre 1987: 422].
- b) *Sítàn yé sògo sàñ
 Ситан PFV мясо.ART покупать
 Hágá kà á tóbí.
 Ава INF он готовить

Однако в том случае, если семантически референт одного из подлежащих является часть референта другого, разносубъектная конструкция допустима:

(II.3.11) бамана

- jírí sún kárí-lá kà jírí bín.
 дерево ствол ломаться-PFV INF дерево падать
Ствол сломался, и дерево упало.

Помимо конструкций с «наследованием», Инфинитив бамана употребляется и собственно как инфинитив. Он используется для оформления обстоятельственных предикаций цели при глаголах движения:

(II.3.12) бамана

n̄ y i wélé kà n̄ c̄ f'g'.
я PFV ты звать INF я муж убивать

Я тебя позвала убить моего мужа [Dumestre 1987: 439].

(II.3.13) бамана

Seidu, táká kà dàràká dún.
Сейду идти INF завтрак есть

Сейду, иди завтракать.

Инфинитив оформляет сентенциальный актант в конструкции со значением желания (пример (II.3.14)), при глаголе ‘мочь’ (примеры (II.3.15)-(II.3.16)) и ряде других:

(II.3.14) бамана

Seidu b̄ à f̄ kà kàlán k̄.
Сейду PRES это к INF учение делать

Сейду хочет учиться.

(II.3.15) бамана

Zan b̄ sé kà táká sō.
Зан PRES мочь INF идти дом

Зан может идти домой.

(II.3.16) бамана

ù sé-rá k̄ ' min̄.
они мочь-PFV INF он поймать

Они смогли его поймать [Dumestre 1987: 427].

(II.3.17) бамана

Bakari Jan sɔ̄n-ná k̄ n̄in fó?
Бакари Джан сметь-PFV INF это сказать

Бакари Джан посмел сказать это? [Dumestre 1979: 78-79]

(II.3.18) манинка

n̄ wákàliyà-dá kà mùsù hùdù.
я решаться-PFV INF жена брать

Я решился жениться [Keita 1986: 104].

Интересно употребление Инфинитива в синтаксической позиции топика, то есть составляющей, вынесенной в начало высказывания для обозначения того, о чем будет идти речь:

(II.3.19) манинка

kà mísí midá gor̄ kònò, wō ká nòkò.
INF корова поймать парк в это COP простой

Поймать корову в парке – это просто [Keita 1986: 105].

(II.3.20) бамана

kà dàràká dún kà táká ekol lá,
INF завтрак есть INF идти школа в

kàlàn-dén b̄ e b̄ o k̄.
учиться-ребенок весь PRES это делать

Завтракать и идти в школу – все ученики так делают.

Инфинитив бамана употребляется также в вопросительном независимом предложении со значением долженствования говорящего:

(II.3.21) бамана

kà à bìlà so kópó wá.
INF он класть дом.ART в Q
Отнести его домой? [Dumestre 1987: 420]

II.3.2. «Пустое время» SU в хауса.

Рассмотрим теперь материал языка хауса. Охарактеризуем кратко всю глагольную систему этого языка. С формальной точки зрения, глагольные категории в хауса выражены аналитически в отдельной словоформе, стоящей перед глаголом. Существует несколько лично-числовых парадигм, соответствующих некоторому грамматическому значению, которое обычно называется «временем». Традиция описания грамматики языка хауса называет «времена» по форме 3 лица множественного числа. В глагольной системе хауса (см. [Щеглов 1970: 40-67]) представлены форма Результатива (sun), две формы Имперфектива (suna и suke), формы Хабитуалиса (su kan), Претерита (suka), Потенциалиса, или Будущего времени, (za su), так называемого «Будущего Условного» времени (saa), а также модальная форма императива (\emptyset). Кроме того, имеется так называемое «Пустое время» su – семантически «ненаркированная» глагольная форма. Эта форма в основном используется в трех функциях: как «наследующая» форма, как средство для оформления сентенциальных актантов и обстоятельственных предложений цели и как синтаксическая вершина независимых предложений со значением побуждения (для всех лиц) или просто пожелания. Мы условно относим ее к инфинитивной группе, но при этом следует осознавать, что она не так похожа на «стандартный» инфинитив, как рассмотренный в предыдущем разделе Инфинитив бамана.

В работе [Щеглов 1970] время su названо «пустой формой». «Трудно приписать ему какое-либо собственное значение, потому что в этом случае пришлось бы придать su весь тот набор значений, который передается всеми «временами», вместе взятыми... Su – «пустая» форма, не выражающая ни времени, ни вида, ни чего-либо другого: роль su в языке сводится к тому, что глагол в этой форме может передавать идею данного действия вообще, освобожденного от любого значения, кроме лексического, а во-вторых, к тому, что Su может служить дублером всех остальных «времен», всеобщим заменителем, употребляемым тогда, когда сведения о времени, виде и т. д. или не нужны, или очевидны из контекста» [Щеглов 1970: 61]. «Форма Su – простейшая форма глагола в языке хауса, которая имеет очень широкое употребление» [Пильщикова 1957: 41].

Форма su допускает контекстное употребление в сочетании с ограниченным рядом глагольных форм. Она может «наследовать» значения Потенциалиса (примеры (II.3.22)-(II.3.23)), Императива (пример (II.3.24)), Хабитуалиса (примеры (II.3.25)-(II.3.27)) и факультативно Имперфектива (пример (II.3.28)):

(II.3.22) хауса

yanzu za ka tafi ka bar ni.
теперь POT 2SG.M идти INF.2SG.M оставлять я
Теперь ты уйдешь и оставишь меня [Щеглов 1970: 63].

(II.3.23) хаяса

gobe	zan	tashi	da	safe, in	yi
завтра	POT.1SG	вставать	с	утро INF.1SG	делать
wanka,	in	karya	kumallo,	in	yi
мытье	INF.1SG	ломать	тошнота	INF.1SG	shiri-n

zuwa jami'a.

к университет

Завтра я встану, умоюсь, позавтракаю и сберусь в университет.

(II.3.24) хаяса

Ø	tafi	ka	ba	ni	wuri.
IMP	идти	INF.2SG.M	давать	я	место

Отойди и дай мне место [Щеглов 1970: 63].

(II.3.25) хаяса

su	kan	ci	nama-n	alade	su	sha	giya.
3PL	HABIT	есть	мясо-POSS	свинья	INF.3PL	пить	вино

Они едят свинину и пьют вино [Щеглов 1970: 63].

(II.3.26) хаяса

su	kan	yi	musu	wani	iri-n	sirdi,
3PL	HABIT	делать	они.DAT	некий	вид-POSS	седло

su Ɂawata shi.

INF.3PL украшать он

Они делают им (слонам) род седла и украшают его [Щеглов 1970: 63].

(II.3.27) хаяса

na	kan	zauna,	in	karatu-n	littafi
1SG	HABIT	сидеть	INF.1SG	читать-NMN	книга

in saurari-n kade-kade.

INF.1SG слушать-NMN музыка

Я обычно сижу, читаю книгу, слушаю музыку.

(II.3.28) хаяса

komi	suka	samu	suna	ba	yar-a-n
всё	PST.3PL	достигать	IPFV1.3PL	давать	ребенок-PL-POSS
nan,	su	ce	musu:	ku	kai
этот	INF.3PL	говорить	они.DAT	INF.2PL	приносить

ma malam-in-ku.

к учитель-POSS-2PL

Все, чего они достигают, они дают этим детям и говорят им: «Отнесите это вашему учителю» [Щеглов 1970: 63].

В независимом предложении «Пустое время» Su употребляется в модальных предложениях со значением побуждения к действию для всех лиц. Пример (II.3.29) имеет значение побуждения к действию собеседника, то есть синонимичен Императиву, а пример (II.3.30) имеет значение побуждения к действию третьего лица:

(II.3.29) хаяса

ka	tafi	ka	kawo.
INF.2SG.M	идти	INF.2SG.M	приносить

Иди и принеси.

(II.3.30) хаяса

ya	kawo	mini	kaya-n-sa.
INF.3SG.M	приносить	я.DAT	ноша-POSS-3SG.M

Пусть он принесет мне свои чемоданы [Щеглов 1970: 63].

Такое употребление su во многих описательных работах считается основным, ср. [Abraham 1959], [Ольдерогге 1954]. Д. А. Ольдерогге называет форму su «субъюнктивом, или формой желательного наклонения» [Ольдерогге 1954: 40], поскольку, очевидным образом, значение побуждения имеет компонент пожелания говорящего.

«Пустое время» в языке хауса имеет также широкий круг синтаксических употреблений. В сочетании с показателем отрицания *ba...* *ba* «Время» Su выступает как стандартный отрицательный эквивалент формы результатива Sun. Хаусанский глагол *sani* в актуальном значении в утвердительном предложении употребляется именно в форме результатива (пример (II.3.31б)), но в сочетании с «результативным» показателем отрицания используется именно «Время» Su (пример (II.3.31а)):

(II.3.31) хауса

а) *ba in sani ba tatsuniya duka.*
 NEG INF.1SG знать NEG история весь

Я не знаю всю историю [Пильщикова 1957: 40].

б) *na sani tatsuniya duka.*
 RES.1SG знать история весь

Я знаю всю историю.

Инфинитив в хауса оформляет сентенциальный актанты глагола со значением ‘мочь’:

(II.3.32) хауса

na iya in yi magana Fulanchi.
 PST.1SG мочь INF.1SG делать речь по-фульбе

Я мог говорить по-фульбе [Пильщикова 1957: 33].

Та же форма используется для оформления сентенциального актанта глагола ‘хотеть’:

(II.3.33) хауса

ina so ku tafi gida.
 IPFV1.1SG хотеть INF.2PL идти дом

Я хочу, чтобы вы пошли домой.

Su используется и в актантных предложениях при прочих глаголах:

(II.3.34) хауса

na yi alkawari in zo.
 RES.1SG делать обещание INF.1SG приходить

Я обещал прийти [Щеглов 1970: 162].

(II.3.35) хауса

na manta in zo.
 RES.1SG забывать INF.1SG приходить

Я забыл прийти [Щеглов 1970: 162].

«Пустое время» Su употребляется также в также обстоятельственных предложениях цели:

(II.3.36) хауса

na tafi banki in sami kudi.
 RES.1SG идти банк INF.1SG получать деньги

Я пошел в банк, чтобы получить деньги.

(II.3.37) хаяса

me zan yi su yi shiru?
что POT1.1SG делать INF.3PL делать тишина

Что мне дадут, чтобы они замолчали? [Щеглов 1970: 150]

Кроме того, «Время» Su употребляется в придаточных предложениях, подчиненных при помощи некоторых союзов; пример (II.3.38) показывает подчинение при помощи целевого союза *don* ‘чтобы’, а пример (II.3.39) – при помощи союза времени *har* ‘пока’:

(II.3.38) хаяса

uba ya tafi banki don ya sami kudi.
отец RES.3SG.M идти банк чтобы INF.3SG.M получать деньги

Отец пошел в банк, чтобы получить деньги.

(II.3.39) хаяса

zan yi tafiya har in kai birni.
POT1.1SG делать движение пока INF.1SG достигать город

Я буду идти, пока не достигну города.

II.3.3. Лирическое отступление: инфинитив в русском языке и круг его употреблений⁷⁶.

Мы позволим себе не очень большое лирическое отступление и обратимся к употреблению инфинитива в русском языке. Сделано это главным образом по двум причинам. Во-первых, дробную классификацию употреблений семантически «ненаркированной» формы можно считать «ключом» к поиску связи между этими употреблениями. На материале русского инфинитива мы постараемся сделать наглядной связь употребления формы в качестве обстоятельственного предложения цели, в качестве средства для оформления сентенциального актанта при предикатах разных типов и в качестве синтаксической вершины независимого предложения с его модальными и немодальными значениями. Во-вторых, для создания такой дробной классификации необходим обширный материал; очевидно, что наиболее доступен именно материал русского языка. При этом, классификация, представленная в данном разделе выполняет и функцию некоторого «образца», по которому должна строиться классификация употреблений частноязыковой нефинитной формы для создания на материале типологической выборки «карта» употреблений нефинитных форм.

Инфинитив в русском языке имеет долгую историю изучения, в том числе и в зарубежной славистике – [Van Holk 1953], [Veyrenc 1979] и мн. др. Так как затрагивающие Инфинитив работы в рамках русской грамматической традиции подробно разбираются в [Брицын 1990: 3-26], назовем только те из них, в которых предприняты попытки классификации какой-то части его употреблений: [Моисеев 1952], [Сирота 1964], [Бойко 1973] и наиболее полная [Брицын 1990]. Общим недостатком всех этих работ, не позволяющим принять их классификации в готовом виде, является слишком формальный подход: например, отдельно рассматриваются требующие инфинитива предикаты *долженствования должен* и *следует*, потому что один из них прилагательное, а другое – безличный глагол, отдельно рассматривается инфинитив при глаголе *хотеть* и при существительном *желание* и т. п.

Перейдем собственно к классификации употреблений русского Инфинитива⁷⁷. Начнем с более узкого круга его «ситуационных» употреблений в независимом предложении.

⁷⁶ Раздел основан на [Шлюинский 2002].

Во-первых, русский Инфинитив может принимать многие модальные значения. Прежде всего, это модальность пожелания говорящего. Инфинитив может употребляться как в непобудительных предложениях этой модальности (в некотором смысле выступать аналогом оптатива) (примеры (II.3.40)-(II.3.41)), так и в побудительных предложениях (выступать аналогом форм императивной серии) (примеры (II.3.42)-(II.3.43))

(II.3.40) русский
Увидеть Париж и умереть (название фильма).

(II.3.41) русский
Заснуть и забыться! [Грамматика 1970: 567]

Употребляясь в побудительных предложениях, в большинстве случаев Инфинитив выражает побуждение к собеседнику (выступает аналогом собственно императива) (пример (II.3.42)), однако засвидетельствованы и примеры побуждения к 1 лицу, где Инфинитив выступает аналогом гортатива (пример (II.3.43)):

(II.3.42) русский
Не калечить (М. Булгаков).

(II.3.43) русский
Уезжать, бежать из Петербурга (И. Бродский).

Инфинитив в ряде случаев допускает и интерпретацию с модальным значением долженствования:

(II.3.44) русский
Ему в армию идти [Грамматика 1970: 568].

(II.3.45) русский
Ударить тебя? (М. Булгаков)

Представлена и интерпретация с модальным значением возможности:

(II.3.46) русский
Отходную столетию не спеть (И. Бродский).

(II.3.47) русский
Не ночевать же тут! [Грамматика 1970: 569]

(II.3.48) русский
Где тебе понять (В. Пелевин).

Интересным свойством таких употреблений является то, что значение возможности обязательно сочетается с отрицанием и употребление Инфинитива в значении возможности без ее отрицания невозможно (сравним примеры (II.3.49а-б)):

(II.3.49) русский
а) *В вагон не влезть* [Грамматика 1970: 568].
б) **В вагон влезть.*

Близки к модальным употреблениям употребления Инфинитива в значении предиктивного будущего, крайне распространенные в русском языке:

(II.3.50) русский
Тебе не покупать уже цветы (И. Бродский).

(II.3.51) русский
И быть над землей закатам... (И. Бродский)

⁷⁷ Приблизительная классификация употреблений русского Инфинитива построена на основе анализа нескольких сотен примеров, прежде всего из следующих произведений художественной литературы: М. Булгаков. «Мастер и Маргарита». Гл. 1-2.; В. Пелевин. «Затворник и Шестипалый»; И. Бродский. Ранние стихи.

(II.3.52) русский

России не быть под Антантой (В. Маяковский).

Во-вторых, русский Инфинитив в ряде случаев имеет гномическое (пример (II.3.53)) и хабитуальное (пример (II.3.54)) значение:

(II.3.53) русский

Чему быть, того не миновать.

В хабитуальном значении инфинитив употребляется крайне редко, но и такие примеры засвидетельствованы:

(II.3.54) русский

Оставлять так жену! Где-то там заведовать провиантами! Уходить! Ничего не знать! {речь идет о регулярно повторяющихся действиях персонажа} (А. Белый)

Перейдем к «синтаксическим» употреблениям русского Инфинитива.

I. Инфинитив входит в качестве «лексической» составляющей в состав аналитической формы будущего времени и оптативной конструкции с частицей *да*:

(II.3.55) русский

… что он будет делать в сегодняшний вечер (М. Булгаков)

(II.3.56) русский

Да будет во мgle для тебя гореть звездная мишурा (И. Бродский).

II. Инфинитив входит в побудительную конструкцию со словами *давай, хватит, будет*:

(II.3.57) русский

Давай прощаться с миром (В. Пелевин).

(II.3.58) русский

Хватит болтать! ([Грамматика 1970], с. 563)

III. Инфинитив употребляется в конструкции с модальным значением возможности, связанной с присутствием необходимого участника:

(II.3.59) русский

Боли прокуратора некому /есть кому /было некому излечить (М. Булгаков).

IV. Инфинитив способен оформлять сентенциальные актанты многих групп предикатов, представленных ниже (приведенные в каждой группе списки, разумеется, не претендуют на полноту). В таких случаях, а также в других случаях использования русского Инфинитива в полипредикативных конструкциях, он имеет синтаксическое ограничение на кореферентность субъекта зависимой предикатации субъекту главной предикатии либо второму актанту главной предикатии, если он есть. Помимо предикатов, иметь при себе сентенциальный актант, оформленный Инфинитивом, могут и существительные, в структуре значения которых есть предикативный компонент; часто эти существительные отлагольные (II.3.60), но есть и иного происхождения (II.3.61):

(II.3.60) русский

обыкновенное желание жить по-человечески (М. Булгаков)

(II.3.61) русский

мастер определять человека (И. Тургенев); [Бойко 1973: 111]

Все такие существительные также принадлежат к перечисленным ниже группам, хотя и не указаны в списках.

1. Фазовые глаголы *начать, кончить, продолжать*⁷⁸:
 (II.3.62) русский
Литераторы начали икать (М. Булгаков).
2. Глаголы намерения *собираться, решить, намерен, согласиться*:
 (II.3.63) русский
Решил ничему не удивляться (М. Булгаков).
- (II.3.64) русский
Синедрион... намерен освободить Вар-равана (М. Булгаков).
3. Глаголы типа *спешить, торопиться*:
 (II.3.65) русский
Торопятся одеться новобранцы... (И. Бродский)
4. Перформативные глаголы обещания *обещать, клясться*:
 (II.3.66) русский
Я обещал ей это сделать на днях (М. Булгаков).
5. Глаголы попытки *пытаться, стараться, пробовать, норовить*:
 (II.3.67) русский
Попробую не двигать головой (М. Булгаков).
6. Глаголы бояться, опасаться:
 (II.3.68) русский
...опасаясь в каждом окне увидеть по атеисту (М. Булгаков)
7. Глаголы *прийтись, случиться, угораздить; удосужиться*:
 (II.3.69) русский
Приходилось прекращать упражнение (В. Пелевин).
 (II.3.70) русский
Я не удосужился спросить у профессора... (М. Булгаков)
8. Глаголы любить; нравиться:
 (II.3.71) русский
...любя выражаться вычурно (М. Булгаков)
9. Глагол каузации *заставить*:
 (II.3.72) русский
Нельзя заставить умолкнуть толпу (М. Булгаков).
10. Глаголы воздействия *просить, приказать, советовать, предлагать*:
 (II.3.73) русский
Синедрион просит отпустить Вар-равана (М. Булгаков).
11. Глаголы разрешения/ запрета *разрешить, запретить, позволить*:
 (II.3.74) русский
Разрешите мне присесть (М. Булгаков).
12. Глаголы мешать, помогать:
 (II.3.75) русский
Затворник помог шестипалому сесть (В. Пелевин)

⁷⁸ Эта группа наиболее четко выделяется: фазовые глаголы допускают только инфинитив глаголов несовершенного вида. См. [Падучева 1996: 145].

Инфинитив выступает в качестве сентенциального актанта модальных предикатов всех групп и предикаторов, содержащих модальные компоненты значения (группы 13-15):

13. Модальные глаголы группы ‘хотеть’: *хотеть, желать, хотеться, не терпеться, угодно, надоест*:

(II.3.76) русский

Вы хотите курить (М. Булгаков).

(II.3.77) русский

…кого из преступников угодно оставить в живых (М. Булгаков)

14. Модальные предикаты группы ‘должен’: *должен, обязан, надо, нужно, следовать, предстоять, суждено*:

(II.3.78) русский

Ты должен осться жить и найти себе ученика (В. Пелевин).

(II.3.79) русский

Надо будет ему возразить (М. Булгаков).

15. Модальные предикаты группы ‘мочь’: *мочь, способен, уметь, учиться, рисковать; можно, нельзя, невозможно, недосуг*:

(II.3.80) русский

Этого секретарь представить себе не мог (М. Булгаков).

(II.3.81) русский

Смотреть на него было невозможно (В. Пелевин).

Особую подгруппу здесь составляют предикаты группы ‘мочь’, имеющие значение результата (условно можно было бы их назвать группой ‘смочь’): *смочь, суметь, ухитриться, научиться; удастся, получиться*:

(II.3.82) русский

Но мы научились драться (И. Бродский).

(II.3.83) русский

Избежать этого удалось с большим трудом (В. Пелевин).

16. Предикаты качества *трудно, хорошо, приятно, полезно, опасно, уместно* (их классификацию см. в [Бойко 1973: 55-95]):

(II.3.84) русский

Опасно долго спать (И. Бродский).

17. Предикаты времени *время, пора, в самый раз*:

(II.3.85) русский

Пора бросить все к черту (М. Булгаков).

Помимо выделенных групп, Инфинитив оформляет и сентенциальный актант некоторых других глаголов: *привыкнуть, забыть; оставаться, стоить*:

(II.3.86) русский

Я забыл представить себя вам (М. Булгаков).

(II.3.87) русский

Шестипалый давно привык находиться в руках у богов (В. Пелевин).

(II.3.88) русский

Оставалось продиктовать это секретарю (М. Булгаков).

(II.3.89) русский

Не стоит заводить фотографий (И. Бродский).

V. Инфинитив употребляется при ряде предикатов в сентенциальных актантах, оформленных при помощи различных союзных средств:

1. Предикаты, сентенциальный актант которых «раскрывает их содержание»: *готов* (*к тому, чтобы*), *стремиться* (*к тому, чтобы*), *заключаться* (*в том, чтобы*), *состоять* (*в том, чтобы*), *препятствовать* (*тому, чтобы*):

(II.3.90) русский

Наша задача заключается в том, чтобы показать это.

2. Модальные предикаты, у которых Инфинитив с союзом «чтобы» оформляет второй сентенциальный актант: *нужно* (*чтобы*), *достаточно* (*чтобы*), *должен* (*чтобы*):

(II.3.91) русский

Для того чтобы управлять, нужно как-никак иметь точный план (М. Булгаков)

3. Предикаты, принимающие в качестве сентенциального актанта косвенный вопрос:

(II.3.92) русский

Хочу научить вас, как спастись (В. Пелевин).

(II.3.93) русский

Чего с ними делать, непонятно (В. Пелевин).

VI. Инфинитив оформляет обстоятельственные предложения цели при глаголах движения *идти, возвращаться; звать, приглашать*:

(II.3.94) русский

Пророки идут общаться с богами (В. Пелевин).

Глагол движения в главной предикатии может опускаться:

(II.3.95) русский

Я ведь попрощаться (В. Пелевин).

VII. Инфинитив употребляется и обстоятельственных предложениях, подчиненных главной предикатии при помощи ряда союзов.

1. Временные союзы *прежде чем, перед тем как*:

(II.3.96) русский

Перед тем как покинуть какой либо мир, надо обобщить опыт своего пребывания в нем (В. Пелевин).

2. Целевые союзы *чтобы, с тем чтобы, вместо того чтобы*

(II.3.97) русский

Шестипалый, чтобы не сойти с ума, стал смотреть вверх (В. Пелевин).

В редких примерах целевое значение «стирается» и употребление Инфинитива с союзом *чтобы* становится похожим на употребление «наследующей» глагольной формы:

(II.3.1) русский

Кавалерийская ала ... вылетела на площадь, чтобы пересечь ее в сторонке, ... проскакать к Лысой Горе (М. Булгаков).

3. Союз условия *если*⁷⁹ (об условных конструкциях с русским Инфинитивом см. работу [Гершензон 2001]):

⁷⁹ В конструкции с союзом *если* в позиции субъекта при инфинитиве стоит нулевая лексема ‘люди’. Во всех остальных случаях в полипредикативных конструкциях инфинитив имеет ограничение на кореферентность субъекта зависимой предикатии субъекту главной предикатии либо второму актанту главной предикатии, если он есть (ср. понятия субъектного и объектного инфинитива в [Брицын 1990]).

(II.3.98) русский

Если бы с ним поговорить, он изменился бы (М. Булгаков).

VIII. Инфинитив употребляется в предложениях соответствия в том случае, если описывается одним или обоими объектами, между которыми утверждается тождество, является пропозиция:

(II.3.99) русский

Учиться – его главная задача [Грамматика 1970: 557].

IX. Инфинитив с союзом *чтобы* или, реже, без него, употребляется в дестинативных конструкциях:

(II.3.100) русский

Эта ручка - чтобы писать.

(II.3.101) русский

Вон полка книги складывать.

X. Инфинитив используется в модальных предложениях со значением нереального желания с частицей *бы*:

(II.3.102) русский

Взять бы этого Канта да на три года в Соловки (М. Булгаков).

XI. Форма Инфинитива используется при вынесении глагольной лексемы в позицию топика. Наиболее часто это происходит в следующих трех случаях:

1. Инфинитив выносится в позицию топика, притом что в синтаксической структуре предложения ему соответствует местоимение *это*:

(II.3.103) русский

Учиться – это хорошо.

2. Инфинитив выносится в позицию топика, притом что в функции сказуемого используется та же глагольная лексема:

(II.3.104) русский

Съесть-то он съест, да кто ж ему даст (анекдот).

3. В специальном стилистическом контексте «поэтической» речи Инфинитив может использоваться в качестве «чистого» топика, за которым не следует предложения с нормальной синтаксической структурой:

(II.3.105) русский

Приезжать на родину для смерти, умирать на родине со страстью...
(И. Бродский)

II.4. «Наследующие» деепричастия.

К группе «наследующих» деепричастий мы отнесли большую часть «наследующих» форм. Однако, как уже отчасти было показано в разделе II.1, понятие деепричастия не является в лингвистической теории строго заданным. Наше понимание термина «деепричастие» будет в наибольшей степени соответствовать пониманию деепричастия в широком смысле слова в работе [Van der Auvera 1998] – имеется в виду глагольная форма, являющаяся зависимой (в том смысле, что не может возглавлять независимое предложение, т. е. «dependent», а не «embedded») и не являющаяся вершиной относительного предложения либо сентенциального актанта. При таком определении деепричастия вполне можно ожидать, чтобы часть деепричастных форм употреблялась для описания событий, которые вполне самостоятельны и равноправны с событиями, описываемыми финитными глагольными формами. Представляется также, что именно у деепричастий, т. е. глагольных форм, предназначенных прототипически для понижения «дискурсивной значимости» какой-либо предикации, это понижение «значимости» может быть в каких-то контекстах легко нейтрализовано, а тем самым деепричастная предикация «автоматически» становится равноправной с финитной. Ср. периферийный, но, безусловно, семантически сочинительный пример с русской деепричастной формой:

(II.4.1) *русский*

Он выйдет из вагона, направясь вдоль перрона («Семь-сорок»).

В работе [Nedjalkov 1995: 106] предложена наиболее популярная в современной лингвистике классификация деепричастий: 1) специализированные деепричастия – выражают отдельные обстоятельственные значения; 2) контекстные деепричастия не имеют специально выраженного значения: какое именно обстоятельственное значение они маркируют, определяет контекст (примером контекстных деепричастий у В. П. Недялкова служат деепричастия в русском языке); 3) нарративные деепричастия употребляются в нарративных текстах, т. е. текстах, описывающих последовательность ситуаций во времени.

Наименьший вопрос в этой классификации вызывают специализированные деепричастия – глагольные формы, предназначенные для оформления обстоятельственного предложения с некоторым конкретным значением. В языках с развитой деепричастной системой большая часть деепричастных форм является именно специализированными деепричастиями по [Nedjalkov 1995].

Понятия же контекстного и нарративного деепричастия не являются столь очевидными. Ср.: «Между контекстными и нарративными конвербами, однако, не всегда можно провести четкую границу, поскольку первые также могут употребляться в контексте временного следования и образовывать нарративные цепочки; критерием разграничения здесь может служить то обстоятельство, что, наоборот, нарративные конвербы не могут выступать в условных, уступительных и прочих специализированных контекстах» [Архипов 2001: 45-46]. Если воспользоваться для разграничения именно таким критерием, то, конечно, понятие нарративного деепричастия определяется четко: это деепричастия, единственная функция которых – выражать ряд «законченных действий последовательно, продвигая таким образом ход рассказа» [Nedjalkov 1995: 109]⁸⁰. Именно так, в свою очередь, определяется обычно и нарратив как тип дискурса: описывается последовательность ситуаций, сменяющих друг друга во времени, причем порядок предикций, из которых строится дискурс, иконически отражает порядок событий. Такое понимание нарратива идет от американской традиции изучения структуры дискурса (см., например, одну из наиболее известных работ по нарративу [Labov 1972]), оно же обычно используется и

⁸⁰ «completed actions in succession that advance the narration» [Nedjalkov 1995: 109].

при описании употребления глагольных форм в нарративном тексте ([Dahl 1985: 112]; [Татевосов, Майсак 1999: 715]). Возможен и иной подход к понятию нарратива: так, в [Падучева 1996] считается, что нарратив определяется через «нarrативный режим» интерпретации, который «характеризуется тем, что отношение текста к речевой ситуации, а следовательно, и к моменту речи, для него не существует» [Падучева 1996: 13].

Итак, нарративные деепричастия – это те деепричастия, которые употребляются (только) в нарративе. Тогда, если воспользоваться метким выражением из [Мельчук 1974: 224] (употребленным там, разумеется, по другому поводу), контекстные деепричастия – «это, по существу, «свалка», куда собрано большинство» деепричастных форм, не имеющих одного собственного обстоятельственного значения. В эту категорию попадают как минимум три разных типа деепричастий. Во-первых, русские деепричастия, общая функция которых – оформлять обстоятельственное предложение, вне зависимости от того, какое конкретное обстоятельственное значение оно будет выражать. Во-вторых, «наследующие», сочинительные, деепричастия, употребляющиеся в конструкции типа clause-chaining'а при описании как серии последовательных, так и серии одновременных ситуаций, например, деепричастие на *-ко* в корейском языке (см. ниже раздел II.4.2.1). В-третьих, деепричастия, употребляемые как при семантическом равноправии, так и при неравноправии двух предикаций, опять же допускающие и одновременную, и последовательную таксисную интерпретацию, как деепричастие на *-р* в большинстве тюркских языков (см. ниже раздел II.4.2.4.1 о Деепричастии на *-р* в мишарском диалекте татарского языка). Представляется разумным эти типы деепричастий различать. С другой стороны, если принять во внимание те языки, где используются две разных «наследующих» формы для описания одновременных и последовательных событий, хотелось бы эти две формы считать сходными объектами. Примером здесь могут служить папуасские языки, различающие sequential и simultaneous medial verbs (см. ниже раздел II.4.1.1 о языке амеле), и тот же мишарский диалект татарского языка, имеющий в своей системе специальную редуплицированную «наследующую» деепричастную форму, использующуюся для описания одновременных событий. По классификации [Nedjalkov 1995] sequential medial verbs являются нарративными деепричастиями, а simultaneous, за неимением лучшего, – контекстными. Но по существу точнее выделить класс «наследующих», или «дискурсивных»⁸¹, деепричастий, а нарративные деепричастия считать их частным случаем. Ср. у самого В. П. Недялкова: «Деепричастия могут совмещать нарративную и контекстную функции. Так, тюркское деепричастие на *-р* может также выражать значения причины, условия, образа действия и т. д.» [Nedjalkov 1995: 109]⁸².

Интересно также соотнести классификацию [Nedjalkov 1995] с пониманием деепричастия в [Haspelmath 1995]. Деепричастие по М. Хаспельмату, соответствующее деепричастию в узком смысле слова в [Van der Auvera 1998], – это «нефинитная глагольная форма, основная функция которой – маркировать адвербальное подчинение» [Haspelmath 1995: 3]⁸³. Тогда, безусловно, деепричастиями в узком смысле будут специализированные деепричастия по [Nedjalkov 1995], безусловно, не будут деепричастиями в узком смысле нарративные деепричастия, а контекстные деепричастия разделятся на две группы, в зависимости от того, имеют ли они те или иные сочинительные свойства.

⁸¹ Термин А. Г. Пазельской.

⁸² «Converbs may combine narrative and contextual functions. Thus, the Turkic converb in *-р* can also express the meanings of cause, condition, manner, etc.» [Nedjalkov 1995: 109].

⁸³ «nonfinite verb form whose main function is to mark adverbial subordination» [Haspelmath 1995: 3].

В свою очередь представляет интерес понятие *medial verbs*, или медиальных глаголов, дополняющих множество деепричастий в узком смысле слова до множества деепричастий в широком смысле слова. Изначально этот термин употреблялся исключительно при описании папуасских языков применительно к глагольным формам, линейно предшествующих финитной глагольной форме, выражающей значения времени и наклонения, и описывающих события, одновременные или предшествующие событиям, описанным этой формой. В силу того, что папуасские языки соблюдают строго левое ветвление в синтаксисе, форма *medial verb* всегда оказывается линейно между своими зависимыми и финитной формой (отсюда сам термин «*medial*»). В современной типологии деепричастий понятие медиальных глаголов расширено за пределы папуасских языков и используется для любых форм, возглавляющих предикации, состоящие в отношении *cosubordination* (см. I.2) с главной.

Вполне ожидаемую проблему составляют деепричастные формы, которые могут использоваться как при семантическом равноправии, так и при неравноправии с финитной предикацией (как деепричастия на *-r* в тюркских языках). Насколько можно понять, М. Хаспельмат [Haspelmath 1995] скорее относит их к деепричастиям в узком смысле слова, а Й. Ван дер Аувера [Van der Auvera 1998] – к медиальным глаголам. Очевидно, что одно из этих решений не лучше другого, а «промежуточная» группа, за своей многочисленностью, требует признать ее существование; ей будет посвящен наш раздел II.4.2.

II.4.1. Медиальные глаголы.

К медиальным глаголам мы отнесли те «наследующие» формы деепричастного типа, которые обладают следующими характеристиками. Во-первых, все они проявляют заведомо сочинительные синтаксические свойства. Во-вторых, все они, в отличие от прочих деепричастий, имеют лично-числовую парадигму. Расположение таких форм левее или правее финитной определяется порядком слов в соответствующем языке. Напомним, что это согласуется с выявленной Л. Стассеном универсалией о корреляции *anterior* и *posterior* глагольных цепочек с порядком слов [Stassen 1985: 97]. Порядок слов SOV имплицирует «левую» «наследующую» форму, а порядок слов SVO – «правую».

В этом разделе мы рассмотрим материал трех языков.

Во-первых, это язык амелле, представляющий папуасские языки с медиальными глаголами. Мы остановились на материале одного языка из этой группы, однако отмечаем специально, что в большинстве языков этой группы существуют сходные формы (два примера см. в конце раздела II.4.1.1)

Во-вторых, это язык суахили, представляющий языки банту, в которых есть форма Консекутива, *posterior* «наследующая» форма. В-третьих, это еще один африканский язык, – масай, также имеющий Консекутивную форму. При этом хотелось бы специально отметить, что во многих прочих африканских языках существуют формы консекутива. Выше, в I.2.1, мы приводили примеры (I.2.1)-(I.2.2) из языка игбо, а пример (II.4.2) представляет Консекутив языка ландума:

(II.4.2) ландума

bari	nto	w-er	w-i	wə-ŋ-kula,
но	потом	CL-мышка	CL-DEF	CL-PFV-плакать
wə-tola,		alakɔ	wə-ləm	wə-bagi ka
CL-просить.CONS		SUB	CL-охотник	CL-старый NEG
wə-də-dif			gɔ.	
ANIM.SG-PROGR-убивать			ANIM.SG.OBJ	

Но мышка заплакала и попросила льва, чтобы он не убивал ее [Сумбатова, в печати].

II.4.1.1. Sequential medial verb амеле.

В языке амеле представлен «прототип» медиальных глаголов – глагольные формы, использующиеся в семантически сочинительной цепочке и имеющие лично-числовую парадигму.

Глагольная система языка амеле различает настоящее, прошедшее и будущее время, временную дистанцию в прошедшем, хабитуальность в прошедшем, а также положительную и отрицательную парадигму (см. [Roberts 1987: 223-232]). При семантическом сочинении предикаций финитная глагольная форма употребляется только в последней предикации, а в прочих используются «медиальные глаголы». «Нефинитные медиальные глаголы не маркированы по времени и зависят от показателя времени последнего, финитного, глагола в предложении» [Roberts 1987: 231]⁸⁴:

(II.4.3) амеле

i ja	ho-co-min,	sab	ja-g-a.
я	приходить-SEQ.DS-1SG	еда	есть-1SG-PST.HOD

Я пришел, и ты поел [еду] [Roberts 1988: 49].

Различаются между собой медиальный глагол, использующийся при описании последовательности событий, sequential medial verb, (см. пример (II.4.3)), и медиальный глагол, использующийся при описании нескольких ситуаций, происходящих одновременно, simultaneous medial verb, например (II.4.4):

(II.4.4) амеле

ho	bu-busal-en	qo-i-n.
свинья	REDUPL.SIM-убегать-DS.3SG	убивать-3.PL-PST.REM

Свинья убегала, и они (в этот момент) (ее) убили [Roberts 1987: 239].

Предикация, возглавляемая simultaneous medial verb'ом, имеет более низкую «дискурсивную значимость», чем предикация, возглавляемая финитным глаголом. Возможно, с этим связано то, что при описании равноправных одновременных ситуаций может использоваться серия финитных глагольных форм:

(II.4.5) амеле

i ja	alal	te-∅-na,	wa	gab	te-∅-na,
я	усталость	1SG-3SG-PRES	вода	чашка	1SG-3SG-PRES
wen	te-∅-na.				
голод	1SG-3SG-PRES				

Я устал, хочу пить и есть [Roberts 1987: 236].

Семантически «равноправный» sequential medial verb для описания ситуаций, реализующихся в один и тот же момент времени, употребляться не может:

⁸⁴ «The non-finite medial verbs are not marked for tense and are dependent on the final finite verb in the sentence for tense desinence» [Roberts 1987: 231].

(II.4.6) амеле

*ja	alal	te-ce-b,	wa	gab	te-ce-b,
я усталость		1SG-SEQ.DS-3SG	вода	чашка	1SG-SEQ.DS-3SG
wen	te-∅-na.				
голод		1SG-3SG-PRES			

[Roberts 1987: 236]

Различаются формально нарративные деепричастия, употребляющиеся при кореферентности субъектов главной и зависимой предикации (пример (II.4.8)) и при ее отсутствии (пример (II.4.7)) (по терминологии [Haspelmath 1995], same-subject и different-subject converbs):

(II.4.7) амеле

ho	busale-ce-b	dana	age	qo-i-ga.
свинья	убегать-SEQ.DS-3SG	мужчина	они	убивать-3PL-PST.HOD

Свинья убежала, и мужчины (ее) убили ([Roberts 1988: 55].

(II.4.8) амеле

ija	hu-m-ig	sab	j-ig-a.
я	приходить-SEQ.SS-1SG	еда	есть-1SG-PST.HOD

Я пришел и поел (еду) ([Roberts 1988: 49].

Эти примеры показывают, что медиальные глаголы тесно связаны с глагольной категорией «переключения референции», или «switch-reference» (см. о ней также в разделе III.2).

Как мы уже показали в разделе I.2.4, конструкции с sequential medial verb проявляют в языке амеле строго сочинительные синтаксические свойства. В частности, предикация, возглавляемая sequential medial verb, не может вкладываться внутрь предикации, возглавляемой финитным глаголом (сравним (II.4.9а-б)), тогда как подчиненная предикация может вкладываться внутрь главной (II.4.10):

(II.4.9) амеле

a)	ho	busale-ce-b	dana	age	qo-i-ga.
	свинья	убегать-SEQ.DS-3SG	мужчина	они	убивать-3PL-PST.HOD

Свинья убежала, и мужчины (ее) убили.

b)	*dana	[age ho busale-ce-b]		qo-i-ga.
	мужчина	они	свинья убегать-SEQ.DS-3SG	убивать-3PL-PST.HOD

([Roberts 1988: 55])

(II.4.10) амеле

dana	[age	ho	qo-qaq-an	nu]	ho-i-ga.
мужчина	они	свинья	убивать-3PL-FUT	PURP	приходить-3PL-PST.HOD

Мужчины пришли, чтобы убить свинью ([Roberts 1988: 54]).

Sequential medial verb имеет и одно синтаксическое употребление, входя в образование формы Кондиционалиса. Условное наклонение в амеле образуется при помощи сочетания формы Sequential medial verb и условной частицы *fi*:

(II.4.11) амеле

hina	sab	qee	o-so-m	fi,
ты	еда	NEG	добывать-SEQ.DS-2SG	COND
ija	man-ec	nu	ihoc	qee.
я	готовить-INF	для	способен	NEG

Если ты не добудешь еду, я не смогу ее приготовить [Roberts 1987: 263].

По сведениям, представленным в [Roberts 1987], частица *fi* способна, помимо Sequential medial verb, сочетаться и с формой презенса, но не способна сочетаться ни с какой другой формой. Это значит, что условное значение выражает сама частица, а употребление медиального глагола является чисто синтаксическим.

Сходные по употреблению «медиальные глаголы» есть и в большинстве других папуасских языков. Пример (II.4.12) представляет «медиальный» глагол языка тауя, а пример (II.4.13) – «медиальный глагол» языка гуа⁸⁵:

(II.4.12) тауя

реима	fitau-fe-e-te	wate	терау-а- а .
аккуратно	бросать-PFV-1/2.SG-MED.DS	NEG	разбиваться-3.SG-IND
<i>Я бросил его аккуратно, и оно не разбилось</i> [MacDonald 1990: 219].			

(II.4.13) гуа

mni	evri-ro-ka	bade	mi-o.
вода	принести-PFV-MED.2SG	мальчик	давать-IMP
<i>Принеси воды и дай мальчику</i> [Haiman 1985: 151].			

II.4.1.2. Консекутив суахили.

В работах [Аксенова, Топорова 1990: 209-210] и [Аксенова 1997: 114-117] указано, что во многих языках банту представлены формы с показателем *-ka-* или фонетически ему соответствующим (*-ka-* в языке суахили, *-ka-/ga-* в языке курия, *-qa-* в языке рими, *-aka-* в языке тонга и др.; В [Loogman 1965: 386] общебантуский показатель *-ka-* возводится к глаголу *kukaa* ‘оставаться’). Эти формы, обычно называемые Консекутивом (термин принадлежит Л. Хайману [Huyman 1971]), употребляются в качестве «наследующих» форм при описании последовательности событий. В [Loogman 1965: 386] предлагается также термин «продолжательная (continuative) форма». «Форма консекутива является, вероятно, одной из наиболее распространенных в языках банту форм, употребляющихся в качестве нарративных» [Аксенова 1997: 117]. Консекутивы из всего множества «наследующих» форм наиболее близки к таксисным (о таксисе см. раздел I.1.4), и в бантуйстике их принято относить именно к категории таксиса. Однако, в отличие от классических таксисных форм, такие формы обычно употребляются в основной линии повествования, а не в фоновых предложениях. «Глаголы в форме консекутива ... образуют полипредикативный комплекс, состоящий часто из довольно длинной цепочки глаголов, расположенных в нескольких разных, но следующих одно за другим предложениях и обозначающих ряд хронологически упорядоченных и следующих одно за другим событий» [Аксенова 1997: 114]. Неоднократно отмечалось, что консекутивные формы в языках банту имеют ту же функцию, что и «медиальные глаголы» в папуасских языках, с той лишь разницей, что консекутивные цепочки являются линейно posterior, а не anterior (ср. [Haspelmath 1995: 22], [Givón 1990: 889]).

В качестве примера рассмотрим форму с показателем *-ka-* в языке суахили. Глагольная система языка суахили содержит Хабитуальную форму, Претерит, Будущее время, Перфектив и Имперфектив, а также Императив и Сослагательное наклонение (подробнее см. [Ashton 1959: 37], [Громова, Охотина 1995: 232-236]); глагольные формы образуются при помощи инфиксов, занимающих позицию между согласовательными морфемами. Помимо перечисленных финитных форм, в суахили есть форма с показателем *-ki-*, выражающая «фоновую» ситуацию, а также использующаяся для оформления условных предложений, и Консекутив с показателем *-ka-*. В грамматиках [Ashton 1959], [Loogman 1965] и [Громова, Охотина 1995] указано, что показатель *-ka-* обозначает следование действия за некоторым другим действием. «Как особый видовой показатель можно рассматривать инфикс *-ka-*, значение которого – маркирование действия, следующего за каким-либо другим действием, вне зависимости от наклонения, времени и вида. Условно его можно назвать «видом последовательности действия» [Громова, Охотина 1995: 234]. «Сама по себе эта форма

⁸⁵ Он же хуа.

не выражает конкретного времени, настоящего, прошедшего или будущего; скорее, она переносит, или продолжает, временную референцию предшествующего глагола» [Loogman 1965: 386]⁸⁶.

Рассмотрим наиболее характерный пример употребления Консекутива в языке суахили:

(II.4.14) суахили

a-li-kw-enda	soko-ni,	a-ka-nunua
CL-PST-CL-идти	рынок-LOC	CL-CONS-покупать
ma-tunda	a-ka-ya-la,	a-ka-ni-pa
CL.PL-фрукты	CL-CONS-CL-есть	CL-CONS-1SG-давать

Он пошел на рынок, купил фрукты, поел их, дал мне три [Громова, Охотина 1995: 234]⁸⁷.

В примере (II.4.14) в первой предикации употреблена форма прошедшего времени с показателем *-li-*, а далее следуют консективные формы с показателем *-ka-*, и вся последовательность глагольных форм описывает последовательность сменяющих друг друга событий в прошлом. Как указано в [Loogman 1965: 386], «при рассказе истории, первый (introductory) глагол обычно имеет показатель *-li-*»⁸⁸. Это ставит перед нами вопрос о соотношении консективных форм, предназначенных для употребления в нарративном тексте, с формами прошедшего времени. С одной стороны, нарративный текст в подавляющем большинстве случаев описывает события, относящиеся к плану прошедшего, а потому и временная референция Консективов, как правило, относится к плану прошедшего, например (II.4.15)-(II.4.16):

(II.4.15) суахили

baadhi	ya	wa-tu	wa-li-mw-ajab-ia	Karama,
часть	POSS	CL.PL-человек	CL-PST-CL-удивляться-TR	Карама
wa-ka-m-hesabu	kama	m-tu	bora	karne
CL-CONS-CL-считать	как	CL-человек	лучший POSS	век

Некоторые люди дивились на Караму и считали его лучшим человеком своего века [Mhina 1970: 128].

(II.4.16) суахили

mara	mbili	a-li-kamat-wa,	a-ka-fany-wa	ma-habusi.
раз	два	CL-PST-хватать-PASS	CL-CONS-делать-PASS	CL-тюрьма

Дважды его схватили и посадили в тюрьму [Mhina 1970: 129-130].

С другой стороны, существуют и многочисленные примеры, где, при описании последовательности событий, не относящихся к прошлому, *-ka*-форма «наследует» значение прошедшего времени, а другие:

(II.4.17) суахили

raka	hu-kamata	rapua	a-ka-wa-la.
кошка	HABIT-хватать	мышь.PL	CL-CONS-CL-есть

Кошка обычно ловит мышей и ест их. [Громова, Охотина 1995: 234].

(II.4.18) суахили

m-si-ingie		m-witu-ni,	m-ka-kuta-na
2PL-NEG-входить-IMP.PL		CL-лес-LOC	2PL-CONS-встречать-REC
na	m-nyama	m-buai.	
с	CL-зверь	CL-хищный	

Не входите в лес и не встречайтесь с хищным зверем [Loogman 1965: 386].

⁸⁶ «This form itself does not indicate any specific time, present, past or future; it rather carries out or continues the time-reference of a preceding verb» [Loogman 1965: 386].

⁸⁷ Н. В. Громова и Н. В. Охотина переводят вторую глагольную форму как *съел*, однако перевод *поел* представляется нам более удачным.

⁸⁸ «In story-telling the introductory verb usually has the indicator *-li-*» [Loogman 1965: 386].

(II.4.19) суахили

m-si-ende	m-ka-twaa	ufunguo,
2PL-NEG-идти.IMP.PL	2PL-CONS-брать	ключ
m-ka-tung-ua	nyuba,	m-ka-tazama chini ya
2PL-CONS-соединять-INV	дом	2PL-CONS-смотреть под POSS
meza, m-ka-on-a	sahani	ya wali, m-ka-la.
стол 2PL-CONS-видеть	тарелка	POSS PL-рис 2PL-CONS-есть

(Не идите), не берите ключ, не открывайте дом, не смотрите под стол, не находите тарелку с рисом, не ешьте [Loogman 1965: 386].

В примере (II.4.17) форма с показателем *-ka-* «наследует» хабитуальное значение, а в примерах (II.4.18)-(II.4.19) – Отрицание и Императив. Таким образом, не вполне точно употребление по отношению к *-ka*-форме в [Ashton 1959] термина «историческая форма» и неверно указание в [Ohly 1966: 36] на то, что это одна из форм прошедшего времени.

Итак, Консекутив в языке суахили употребляется в семантически сочинительных конструкциях при описании последовательности событий. Однако, помимо стандартных употреблений этой формы для описания временной последовательности, она используется и при наличии «других типов связей между событиями» [Contini-Morava 1989: 118]⁸⁹. Такие «дискурсивные» употребления⁹⁰ Консекутива рассмотрены в [Contini-Morava 1989: 116-120], однако ограничения на их возможные контексты там не сформулированы. Тем не менее, очевидно, что «дискурсивная» связь двух событий является вполне естественным семантическим «соседом» простого сочинения; материал языка суахили позволяет это представление подтвердить.

II.4.1.3. N-время масаи.

Похожая по употреблению на Консекутив языков банту глагольная форма есть в языке масаи. Глагольная система масаи ([Tucker, Mraayei 1955: 59]) не слишком богата: она содержит перфективную и имперфективную («Continuous tense») парадигму Презенса, Претерита и Потенциалиса, а также Конъюнктив и Императив. «Нarrативная» форма с показателем *n-*, сохраняющая перфективное и имперфективное значения, используется, как и Консекутив, для описания последовательности равноправных ситуаций. «N-время обычно встречается после глаголов [т. е. финитных глаголов – А. Ш.], часто имея нарративное значение» [Tucker, Mraayei 1955: 61]⁹¹:

(II.4.20) масаи

ki-etuo	ај	ni-k-irrag.
1PL-приходить	домой	NARR-1PL-спать
Мы пришли домой и легли спать [Tucker, Mraayei 1955: 61].		

Первая глагольная форма в примере (II.4.20) – это форма Презенса в «историческом» употреблении, описывающая ситуацию, относящуюся к плану прошедшего, а вторая – «нarrативная» форма, описывающая ситуацию, следующую за первой. Возможно сочетание «нarrативной» формы и с другими модально-временными формами. Так, в примере (II.4.21) N-время «наследует» значение Потенциалиса, а в примере (II.4.22) – значение Императива:

⁸⁹ «other kinds of connections between events» [Contini-Morava 1989: 118].

⁹⁰ Ср. «дискурсивные» употребления сочинительного союза *и* в русском языке.

⁹¹ «N-tense usually occurs after verbs, when it often has a narrative sense» [Tucker, Mraayei 1955: 61].

(II.4.21) масаи

k-a-iput emoti n-a-pik enkima.
POT-1SG-наполнять котел NARR-1SG-ставить огонь

Я наполню котел и поставлю (его) на огонь [Tucker, Mraayei 1955: 61].

(II.4.22) масаи

i-iput-a emoti n-i-pik enkima.
2SG-наполнять-IMP котел NARR-2SG-ставить огонь

Наполни котел и поставь (его) на огонь [Tucker, Mraayei 1955: 61].

Имперфектив «нарративная» форма «наследовать» не может, а, напротив, присоединяет его показатель; интересно, что при этом значение последовательности событий сохраняется:

(II.4.23) масаи

e-irrit-it-a nkishu n-e-rrip-ita
3SG-выгонять-IPFV стадо NARR-3SG-сторожить-IPFV

Он выгонял стадо и сторожил его [Tucker, Mraayei 1955: 61].

N-время в языке масаи имеет и ряд синтаксических употреблений: оно оформляет сентенциальные актанты глаголов со значениями ‘хотеть’ (пример (II.4.24)), ‘следует’ (пример (II.4.25)), ‘нравиться’ и ‘не нравиться’(пример (II.4.26)):

(II.4.24) масаи

k-e-yieu n-a-rany
POT-3SG-хотеть NARR-1SG-петь

Он хочет, чтобы я спел [Tucker, Mraayei 1955: 61].

(II.4.25) масаи

e-nyor n-i-trag
3SG-следует NARR-2SG-ложиться

Тебе следует лечь [Tucker, Mraayei 1955: 61].

(II.4.26) масаи

k-a-iba n-a-shal
POT-1SG-не.нравиться NARR-1SG-быть.слабым

Мне не нравится быть слабым [Tucker, Mraayei 1955: 61].

II.4.2. «Контекстные» и «нарративные» деепричастия.

В этом разделе мы рассмотрим все прочие деепричастные формы, которые по крайней мере в части своих употреблений способны описывать ситуацию, семантически равноправную с ситуацией, описываемой финитным глаголом. Во-первых, все рассматриваемые формы, за исключением юкагирских деепричастий, не имеют лично-числовой парадигмы, а во-вторых, имеют и ряд употреблений, где какие-либо их свойства оказываются подчинительными.

II.4.2.1. Корейское Соединительное Деепричастие.

Корейский язык дает пример «самого сочинительного» деепричастия среди деепричастных форм, которые традиционно признаются деепричастиями. Ср.: «Деепричастием называется такая позиционная категория глагола, которая выражает отношение одного глагола к другому. Это отношение может быть различным; оно может быть отношением одного самостоятельного глагола к другому в пределах одного предложения; отношением одного самостоятельного глагола к другому в пределах двух предложений» [Холодович 1954: 146-147].

Обширная глагольная система корейского языка описана в [Мазур 2001: 118-178]. Отметим только тот факт, что система изъявительного наклонения в корейском

языке включает в себя стандартный алтайский набор грамматических значений, а кроме того, в нем представлена обширная система специализированных деепричастий.

«Соединительное» [Холодович 1954: 148], или «координативное» [Мазур 2001: 132], деепричастие на *-ко* занимает особое положение в корейской деепричастной системе. Хотя «сложные предложения с *-ко* ‘и’ строятся по той же схеме, что и конструкции с каноническим авербиональным подчинением» [Рудницкая 1997: 90], «координативное деепричастие служит для соединения двух или нескольких однородных глагольных сказуемых» [Мазур 2001: 132].

«Соединительное» деепричастие «наследует» грамматические значения финитного глагола, в котором они выражены (ср. категория «конечной сказуемости» по [Холодович 1954: 119]). В примере (II.4.27) показано наследование императивного значения (финитный глагол стоит в т. н. «обиходно-просторечной» повелительной форме):

(II.4.27) корейский

мун-ыл	так-ко	онбр-а.
дверь-ACC	закрывать-CONV	возвращаться-IMP

Закрой дверь и приходи сюда [Холодович 1954: 152].

Деепричастие на *-ко* употребляется как в односубъектной конструкции (пример (II.4.28)), так и в разносубъектной (пример (II.4.29)):

(II.4.28) корейский

sonnem-tul-un	achim-ul	mek-ko
гость-PL-TOP	завтрак-ACC	есть-CONV
nokcha-lul	masy-ess-ta.	
зеленый.чай-ACC	пить-PST-IND	

Гости съели завтрак и выпили зеленый чай [Рудницкая 1997: 96].

(II.4.29) корейский

Swun	Mi-nun	yenge-lul	kaluchi-ko
Сун	Ми-TOP	английский-ACC	преподавать-CONV
Hak	Swu-nun	samwusil-eyse	il-ul hae-ss-ta.
Хак	Су-TOP	контора-LOC	работа-ACC делать-PST-IND

Сун Ми преподавала английский, а Хак Су работал в конторе ([Рудницкая 1997: 90]).

При этом если в односубъектной конструкции рассматриваемое деепричастие может употребляться как при описании последовательности ситуаций, так и при описании нескольких одновременных ситуаций, в разносубъектной конструкции таксисная интерпретация заведомо одновременная.

Как мы уже писали в разделе I.2.4, конструкции с корейским деепричастием на *-ко* могут иметь и сочинительные, и подчинительные синтаксические свойства, в зависимости от таксисной интерпретации. Согласно работе [Рудницкая 1997], при одновременной таксисной интерпретации эта конструкция проявляет сочинительные свойства. Пример (II.4.30) иллюстрирует невозможность вложения предикаций, возглавляемой деепричастием внутри предикации, возглавляемой финитным глаголом:

(II.4.30) корейский

- а) Yeng Ca-nun tokile-lo chayk-ul
 Йенг ДжА-ТОР немецкий-DIR книга-ACC
 ronyekha-ko ayki-eykey kulim-ul kaluchy-ess-ta.
 переводить-CONV дети-к рисование-ACC преподавать-PST-IND
Йенг ДжА переводила книги на немецкий и преподавала детям рисование.
- б) *Yeng Ca-nun ayki-eykey kulim-ul
 Йенг ДжА-ТОР дети-к рисование-ACC
 [tokile-lo chayk-ul ronyekha-ko] kaluchy-ess-ta.
 немецкий-DIR книга-ACC переводить-CONV преподавать-PST-IND
 [Рудницкая 1997: 95]

При последовательной таксисной интерпретации синтаксические свойства конструкции с деепричастием на *-ko* являются подчинительными. Пример (II.4.31) показывает возможность вложения предикации с деепричастием внутрь предикации с финитным глаголом. Кроме того, возможно и преобразование главной предикации в вопросительное предложение с сохранением грамматичности всей конструкции.

(II.4.31) корейский

- а) Swun Mi-nun caki aphathu-lul phal-ko
 Сун Ми-ТОР свой квартира-ACC продавать-CONV
 cohun cip-ul sa-ss-ta.
 хороший дом-ACC покупать-PST-IND
- б) Swun Mi-nun cohun cip-ul [caki
 Сун Ми-ТОР хороший дом-ACC свой
 aphathu-lul phal-ko] sa-ss-ta.
 квартира-ACC продавать-CONV покупать-PST-IND

Сун Ми продала свою квартиру и купила хороший дом [Рудницкая 1997: 95].

А. А. Холодович, не используя формальных тестов, также отмечает разницу между конструкциями с разными таксисными интерпретациями и считает соединительное деепричастие на *-ko* и деепричастие предшествования на *-ko* омонимичными формами [Холодович 1954: 152].

В [Рудницкая 1997: 93] указано, что «омонимичный» деепричастному аффикс *-ko* может использоваться «как инфинитивный показатель при дополнениях глаголов ‘хотеть’, ‘осмелиться’ и некоторых других».

Интересно, что «соединительный» аффикс *-ko* используется в корейском языке не только в качестве деепричастного, но и для соединения синтаксических составляющих других типов:

(II.4.32) корейский

- пхулы-ко нулы-ко пулк-ын ккочх
 синий-CONV желтый-CONV красный-TOP цветок
 синие, желтые и красные цветы [Мазур 2001: 127].

II.4.2.2. Юкагирские «Обычные» Деепричастия.

Юкагирский язык также принадлежит к числу языков с деепричастной системой, содержащей «контекстные» деепричастия, использующиеся в том числе и в семантически сочинительных конструкциях. Общая глагольная система юкагирского языка, содержащая Будущее и Небудущее время, Инференциальную форму, Проспектив и ряд косвенных наклонений, описана в [Maslova 2000: 118-128]. О юкагирской деепричастной системе см. [Maslova 2000: 111-117], а также [Крейнович 1982: 165-174].

Основным системным противопоставлением в юкагирской деепричастной системе является противопоставление разносубъектных и односубъектных

деепричастий. Разносубъектные деепричастия имеют частичную лично-числовую парадигму и разделяются на «Обычные» («ordinary», [Maslova 2000]) деепричастия, «наследующие» грамматические значения финитного глагола, и Условные, использующиеся для оформления условных обстоятельственных предикаций.

Разносубъектные «Обычные» деепричастия могут использоваться как при описании последовательности двух равноправных ситуаций (пример (II.4.33)), так и при описании двух одновременных равноправных ситуаций (пример (II.4.34)):

(II.4.33) юкагирский

mit	egie-lu-ge	mit-kele	legi-te-ŋa:.
мы	вставать-1/2-DS	мы-ACC	есть-CAUS-3PL.TR
<i>Мы встали, и они нас накормили</i> [Maslova 2000: 113].			

(II.4.34) юкагирский

numö-ge	jaqa-lu-ge	numö-ge	oj-l'e-ŋi.
дом-LOC	приходить-1/2-DS	дом-LOC	NEG-быть-3PLINTR
<i>Я пришел домой, но их не было дома.</i> [Maslova 2000: 113]			

Система односубъектных деепричастий в юкагирском языке устроена сложнее. В частности, «наследующие» деепричастия сохраняют видовые значения: различаются перфективное и имперфективное односубъектные деепричастия. Как правило, перфективное деепричастие используется для описания последовательности действий (пример (II.4.35)), а имперфективное – для описания одновременных ситуаций (пример (II.4.36)):

(II.4.35) юкагирский

terikie-die	kurul-ŋin	qon-delle,	tintaŋ	šögi:-gele
старуха-DIM	амбар-DAT	идти-PFV.SS	этот	сумка-ACC
kes'i:-delle		tadi:-m.		
принести-PFV.SS		давать-3SG.TR		

Старушка пошла в амбар, принесла эту сумку и дала (ему) [Maslova 2000: 115].

(II.4.36) юкагирский

шакал	тамун-ACC	есть-IPFV.SS	лежать-3SGINTR
лиса	это-ACC	есть-IPFV.SS	лежать-3SGINTR
<i>Лиса лежала и ела это</i> [Maslova 2000: 265].			

Такие деепричастия, в сочетании с финитной формой в Императиве, «наследуют» ее значение:

(II.4.37) юкагирский

ты	заяц	печень	есть-PFV.SS	петь-IMP-2SG
<i>Поеши заячьей печенки и (потом) пой</i> [Maslova 2000: 261].				

(II.4.38) юкагирский

ты	еда	искать-IPFV.SS	ходить-IMP.2SG
<i>Иди и поищи еды</i> [Maslova 2000: 114].			

Отметим специально, что «Условное» деепричастие значение Императива не «наследует», а сохраняет условное значение (пример (II.4.39)). Как отмечает Е. С. Маслова, различие между этими двумя типами деепричастных конструкций «наиболее ясно в Императиве, так как этот контекст влечет за собой самое заметное семантическое различие» [Maslova 2000: 261]⁹².

⁹² «This distinction is most clear if the finite clause is Imperative, as this context entails most crucial semantic difference» [Maslova 2000: 261].

(II.4.39) юкагирский

qa:qa:, met poŋis'e leŋ-d-o:l'-ŋide
дедушка мой жир есть-DETR-DESID-SS.COND
kiete-din noho mundej-k.
мешать-SUPINE песок приносить-IMP.2SG

Дедушка, если ты хочешь есть мой жир, принеси песка, чтобы перемешать (с ним) [Maslova 2000:262].

Юкагирские «наследующие» деепричастия способны употребляться и для описания «пониженных» в статусе ситуаций:

(II.4.40) юкагирский

tuda: omni:-pe-lek
тогда семья-PL-PRT.PRED
qan-ujj:-t mido-t en-l'el-ŋi-l.
скитаться-MULT-IPFV.SS странствовать-IPFV.SS жить-INFR-3PL-FOC

Тогда некоторые люди жили странствия и скитаясь [Maslova 2000: 272].

Интересно, что в некоторых контекстах юкагирские «наследующие» деепричастия могут иметь целевую интерпретацию:

(II.4.41) юкагирский

tet uör-pe-gele čarčaqaŋ-die alme-ŋin
твой ребенок-PL-ACC Чарчакан-DIM шаман-DAT
legi-te-m albo:-t.
есть-CAUS-3SG.TR спасти-IPFV.SS

Чарчакан отдал шаману на съедение твоих детей, чтобы спасти (самому) [Maslova 2000: 272].

Интересны и синтаксические употребления юкагирских «наследующих» деепричастий. Разносубъектное «Обычное» деепричастие используется в такой конструкции, где в его форме стоит глагол восприятия, а последующая финитная предикация является его сентенциальным актантом:

(II.4.42) юкагирский

jiö-lu-ge naha: omo-s'.

видеть-1/2-DS очень хороший-3SG.INTR

Я увидел, что оно было очень хорошим [Maslova 2000: 113]

Имперфективное односубъектное деепричастие оформляет сентенциальный актант фазовых глаголов окончания (примеры (II.4.43)-(II.4.44)) и ряда других (примеры (II.4.45)-(II.4.46)):

(II.4.43) юкагирский

d'e ta:t šobol'e-j ibil'e-t.
PRT затем кончать-3SG.INTR плакать-IPFV.SS

Затем он кончил плакать [Maslova 2000: 288].

(II.4.44) юкагирский

lebejdi: šaqal'e-šu-t čemie-či:l'i.
ягоды собираясь-CAUS-IPFV.SS оканчивать-PFV.1PL.INTR

Мы окончили собирать ягоды [Maslova 2000: 288].

(II.4.45) юкагирский

aja:-j šoromo čuge juö-t.
радоваться-3SG.INTR человек след видеть-IPFV.SS

Он был рад увидеть человеческие следы [Maslova 2000: 288].

(II.4.46) юкагирский

čomo:lben qaŋi:-nu-t kis'ie-l'el-ŋi.
олень преследовать-IPFV-IPFV.SS учиться-INFR-3PL.INTR

Они научились преследовать оленей [Maslova 2000: 288].

II.4.2.3. Багвалинское Деепричастие Предшествования.

Деепричастие на $b=o/b=e$ в багвалинском языке представляет собой пример деепричастия, употребляющегося преимущественно в семантически сочинительных конструкциях, но проявляющем свойства синтаксического подчинения. Основная часть глагольной системы багвалинского языка описана в [Майсак, Татевосов 2001], об употреблении деепричастных конструкций см. [Казенин 2001].

Рассмотрим багвалинский пример (II.4.47):

(II.4.47) багвалинский

$\dots k_{\circ} and-a-r$	$pāj$	$i h_{\circ} al-la$	$\check{c}'ih_i$
[кванадинцы-OBL.PL-ERG]	Пай	озеро-SUP	вверх
$un\check{s}a-la$	$b=a\check{c}_{\circ}-\bar{e}=b=o,$		$ongiri$
солома-PRT	N=расстилаться-CAUS=N=CONV]		[там]
$b=uk-\bar{e}=m=o,$	$ala-la$	$\check{c}iba-la$	$\check{c}'ani=b=o,$
N=гореть-CAUS=N=CONV]	[край-LOC]	сука-PRT	привязывать=N=CONV]
$a=b-Re$	$o-ru=b$	$han-di-la$	$heL'i=b=o,$
[этот=N-PRT]	этот-OBL.H.PL=GEN.N	селение-PRT-PRT	говорить=N=CONV]
$b=e\check{l}-\bar{a}-X$	$b=uk'a=b$	$ahlo,$	$o-ru=b$
N=идти-ST.IPFV-CONV	N=быть=PART.N	люди	этот-OBL.H.PL=GEN.N
$b=uk'a=b$	$iha,$	$i h_{\circ} ar-\bar{li}-la$	
N=быть=PART.N	b=us'a=b-da		озеро-INTER-PRT
$b=uk-\bar{e}=b=o,$	Ranq'ir-\bar{e}=b=o		$ek_{\circ} a.$
N=попадать-CAUS=N=CONV]	тонуть-CAUS=N=CONV		есть

...Кванадинцы на озере Пай [сверху] разостлали солому, зажгли [там] сухое бревно, на краю привязали собаку, и, решив, что это (и есть) их {т.е. кванадинцев} селение [=это их селение говоря], шедшие люди, все [=имеющееся] их войско, все упали в озеро и утонули. [Казенин 2001: 557].

В примере (II.4.47) описывается последовательность сменяющих друг друга событий, при этом сказуемыми первых предикаций являются деепричастные формы, а не финитный глагол: формы на $b=o/b=e$, согласно [Казенин 2001], не могут возглавлять синтаксически независимое предложение. Финитной является только последняя глагольная форма, а расположенные слева от нее деепричастные формы «наследуют» ее грамматические значения. «Очевидно, что в подобных предложениях деепричастная конструкция реализует сочинительную семантику: как каждый деепричастный оборот, так и предикации с финитным глаголом соответствуют некоторому самостоятельному звену в развитии сюжетной линии» [Казенин 2001: 557]. Деепричастие на $b=o/b=e$ употребляется как в односубъектной конструкции, так и в разносубъектной и имеет фиксированную таксисную интерпретацию: конструкции с ним употребляются только при описании последовательности событий, а не при описании одновременных событий. Рассматриваемое деепричастие способно «наследовать» различные глагольные значения. В примере (II.4.48) деепричастие на $b=o/b=e$ «наследует» значение потенциалиса, выраженное в финитном глаголе:

(II.4.48) багвалинский

$awal-la$	$i\check{c}i=b=o,$	$maHammad$
[дом-LA]	давать=N=CONV]	Магомед
$han-\bar{li}-\bar{s}$	$w=a\bar{X}a$	$w=e\check{l}-a-\bar{s}.$
селение-INTER-EL	M=прочь	M=уходить-POT-FUT

Магомед продаст дом и уедет из селения [Казенин 2001: 575].

Несмотря на «предрасположенность» к употреблению в конструкциях с «наследованием», багвалинское Деепричастие предшествования возглавляет синтаксически строго подчиненные предикации. Во-первых, предикации с деепричастиями могут вкладываться внутрь предикации, возглавляемой финитным

глаголом (пример (II.4.49б)). Во-вторых, при преобразовании финитной предикации в относительное предложение к «внешней» именной группе вся конструкция остается грамматичной (пример (II.4.49в)):

(II.4.49) багвалинский

- a) han-lı awal-la iči=b=o,
селение-INTER дом-PRT давать=N=CONV
maHammad šahar-lı w=iRi.
Магомед город-INTER N=останавливаться
Продав дом в селении, Магомед остался в городе.
- b) maHammad, [han-lı awal-la
Магомед селение-INTER дом-PRT
iči=b=o], šahar-lı w=iRi.
давать=N=CONV город-INTER N=останавливаться
Магомед, продав дом в селении, остался в городе.
- b) [[han-lı awal-la iči=b=o],
селение-INTER дом-PRT давать=N=CONV
maHammad w=iR-u=b] šahar
Магомед N=останавливаться-PART=N город
город, в котором Магомед остался, продав дом в селении [Казенин 2001: 571]

II.4.2.4. Тюркские «контекстные» деепричастия.

В тюркских языках (за исключением якутского и чувашского) имеется деепричастная форма на *-p*, способная «наследовать» грамматические значения финитного глагола и использоваться в семантически сочинительной конструкции. Общая библиография по тюркским языкам столь обширна, а общие сведения о тюркской глагольной системе столь общеизвестны, что мы позволим себе специально на них не останавливаться, обратившись сразу к тюркской деепричастной системе. Деепричастным формам в тюркских языках и их употреблению посвящены в первую очередь работы [Джанмавов 1967], [Юлдашев 1977], [Юсупов 1985], а также [Johanson 1995]. В тюркских языках есть ряд специализированных конвербов, выражающих обстоятельственные значения времени, причины, условия и др., а кроме того, «дискурсивные» деепричастные формы, способные «наследовать» грамматические категории финитного глагола. Это деепричастная форма на *-p*, а также т. н. деепричастие на гласную либо его редуплицированная форма.

Тот факт, что Деепричастие на *-p* по крайней мере в части своих употреблений описывает ситуацию, равноправную с ситуацией, описываемой финитным глаголом, отмечался в многих тюркологических работах. Деепричастие на *-p* «в отличие от остальных форм деепричастия при отсутствии обстоятельственного значения широко выступает в качестве однородного сказуемого или сказуемого первой части соожносочиненного предложения» [Юлдашев 1977: 3]. «Во многих случаях деепричастия выражают такое же основное действие, как и личная форма глагола, а в некоторых случаях последняя может даже выражать действие менее важное (по сравнению с действием, выраженным деепричастием)» [Джанмавов 1967: 6]. «В некоторых случаях деепричастие может выражать такое же действие, как и личная форма глагола, и выступать как бы ее стилистическим синонимом» [Юсупов 1985: 122]. В [Кононов 1956: 476] такие свойства деепричастия на *-p* отмечаются для турецкого языка, в [Закиев 1963: 294] – для татарского языка в [Дмитриев 1962: 401] – для туркменского языка. и др. Кроме того, в [Севорян 1961: 128] отмечаются и «деепричастные периоды ... представляющие собой цепочки единообразных деепричастных оборотов в форме на *-(ы)ыб*», к которой восходит деепричастие на *-p* в древнетюркских письменных памятниках.

Приведем ставшие классическими примеры Н. К. Дмитриева из туркменского языка, показывающие характерные тюркские конструкции с деепричастием на *-p*:

(II.4.50) туркменский

ол	гап-а	яқынлаш-ып,	гапы-ны
он	дверь-DAT	подойти-CONV	дверь-ACC
тыркылдад-ып,	гулпу-ң	дешигин-ден	серед-ип,
стучать-CONV	замок-GEN	щель-ABL	смотреть-CONV
бер-ики	минут	дуру-п,	хич зат-сыз
один-два	минута	стоять-CONV	ничто вещь-без
			гит-ди
			уходить-PST

Он подошел к двери, постучался, помотрел в замочную скважину, постоял одну-две минуты, ушел ни с чем [= без никакой вещи] [Дмитриев 1962: 401].

(II.4.51) туркменский

рус	дил-и гутар-ып	туркмен	дил-и	бушлан-ды
	русский урок-3 кончиться-CONV	туркменский	урок-3	начаться-PST
<i>Кончился урок русского (языка), и начался урок туркменского (языка)</i>				
[Дмитриев 1962: 411].				

Ниже мы обратимся к материалу мишарского диалекта татарского языка и опишем употребление Деепричастия на *-p* в нем. Потом мы рассмотрим некоторые интересные данные хакасского языка. Далее мы обратимся к чувашскому языку, не имеющему деепричастной формы на *-p*, однако имеющему ее своеобразный аналог – деепричастную форму на *-sa*.

II.4.2.4.1. Мишарское Деепричастие на *-p*.

Деепричастие на *-p* в мишарском диалекте татарского языка способно к «наследованию» в первую очередь временных и модальных грамматических значений. В примере (II.4.52а), употребляясь с финитным глаголом в форме Претерита, деепричастие получает значение прошедшего времени, а в примере (II.4.52б), в контексте Потенциалиса, – значение будущего времени:

(II.4.52) татарский

a)	rǐsat kil-ep	aša-dγ.
	Ришат приходить-CONV	есть-PST
<i>Ришат пришел и поел.</i>		
b)	rǐsat kil-ep	aša-γ.
	Ришат приходить-CONV	есть-POT
<i>Ришат придет и поест.</i>		

В контексте формы одного из косвенных наклонений мишарское Деепричастие на *-p* обязательно «наследует» его значение. В примере (II.4.53), в контексте Императива, Деепричастие получает значение побуждения к действию:

(II.4.53) татарский

kil-ep	aša!
приходить-CONV	есть-IMP
<i>Приди и поешь!</i>	

Интересно сравнить с поведением деепричастия на *-p* поведение в аналогичном контексте специализированного Деепричастия Предшествования на *-gač*. В примере (II.4.54а) деепричастие на *-p* получает в контексте финитной формы в Юссиве юссивное значение. В примере же (II.4.54б) Деепричастие Предшествования выражает ситуацию, заведомо соответствующую действительности:

(II.4.54) татарский

а) kil-er аша-sъn.
приходить-CONV есть-JUSS

Пусть он придет и поест.

б) kil-gäč аша-sъn.
приходить-CONV.ANT есть-JUSS

Пусть он, когда придет, поест.

Как было отмечено в разделе I.3.3, это различие объясняется тем, что пропозиция, соответствующая предикации с Деепричастием предшествования, составляет пресуппозицию высказывания (II.4.54б), тогда как пропозиция, соответствующая предикации с «наследующим» Деепричастием на *-p*, имеет коммуникативный статус, равный коммуникативному статусу «главной» пропозиции. Л. Йохансон [Johanson 1995] трактует подобное различие между этими двумя типами деепричастий в терминах признака Модификации (modification), имеющего положительное значение у специализированных деепричастий и отрицательное у «контекстных».

Ср. также «наследование» Гортатива и Кондиционалиса в примерах (II.4.55)-(II.4.56):

(II.4.55) татарский

alma аша-p kit-i-m.
яблоко есть-CONV уходить-HORT-1SG
Съем-ка я яблоко и уйду-ка.

(II.4.56) татарский

ägär min kitap uk-чр televisar
если я книга читать-CONV телевизор
karчj-sa-m, min jal itä-m.
смотреть-COND-1SG я отдых делать-1SG

Если я почитаю книгу, а потом посмотрю телевизор, я отдохну.

В некоторых прагматически нагруженных контекстах мишарское Деепричастие на *-p* факультативно «наследует» и значение отрицания:

(II.4.57) татарский

ul җүг tчyла-p kitap uk-чм-чj.
он музыка слушать-CONV книга читать-NEG-ST

а) *Он не слушает музыку и не читает книгу.*

б) *Он, когда слушает музыку, не читает книгу.*

При этом интересно взаимодействие отрицания и модальных значений. Если финитный глагол стоит в отрицательной форме одного из косвенных наклонений, то либо отрицательное и модальное значения «наследуются» оба сразу, либо не «наследуются» ни одно из них:

(II.4.58) татарский

ul җүг tчyла-p kitap uk-чм-a-sъn.
он музыка слушать-CONV книга читать-NEG-ST-JUSS

а) *Пусть он, когда слушает музыку, не читает книгу.*

б) *Пусть он не слушает музыку и не читает книгу.*

Как и в других тюркских языках, мишарское деепричастие на *-p* не имеет фиксированного таксисного значения, а используется как при описании последовательности двух и более ситуаций, так и при описании двух и более одновременных ситуаций. При этом в каждом конкретном случае таксисная интерпретация Деепричастия на *-p* предсказуема, исходя из свойств глагольной лексемы, от которой это деепричастие образовано. Механизм выбора таксисной

интерпретации исследован А. Г. Пазельской [Пазельская, Шлунинский, рукопись], см. также [Пазельская 2002].

«Отвечает» за возможность одновременного или последовательного прочтения конструкции с «наследующим» деепричастием аспектуальный (акционный) класс глагола. Разбиение мишарских глаголов на аспектуальные классы⁹³, предложенное С. Г. Татевосовым [Татевосов, рукопись], определяется соотношением значений глагола в актуально-длительном употреблении, где описываемая глаголом ситуация рассматривается как бы «изнутри», и в перфективном употреблении, где эта ситуация рассматривается целиком, вместе со своими границами. Мы здесь не будем приводить мишарскую аспектуальную классификацию целиком, а укажем лишь на те аспектуальные свойства, которые влияют на интерпретацию Деепричастия на *-р*.

Если актуально-длительное значение глагола соответствует состоянию, то есть ситуация понимается как однородная и неменяющаяся, то таксисная интерпретация Деепричастия будет строго одновременной:

(II.4.59) татарский				
zufär čeček t̪xt-yr	aliä-ne		ket-te.	
Зуфар цветок держать-CONV	алия-ACC		ждать-PST	
<i>Зуфар держал цветок и ждал Алию.</i>				

Последовательная таксисная интерпретация возможна у Деепричастия на *-р* в том случае, если актуально-длительное значение глагола соответствует процессу, то есть ситуация понимается как претерпевающая изменения. Если при этом перфективное значение глагола соответствует некоторому качественному изменению в ситуации, то есть переходу к новому состоянию или процессу, то последовательная таксисная интерпретация является у «наследующего» деепричастия единственной:

(II.4.60) татарский				
äxmäd kašeleg-yr-n	jugat-yr	üe-gä	bar-dy.	
Ахмед кошелёк-3-ACC	терять-CONV	дом-DAT	идти-PST	
<i>Ахмед потерял кошелёк и пошёл домой.</i>				

Если же описываемые глаголом изменения только «количественные» и перехода к новому состоянию или процессу нет, то у Деепричастия на *-р* возможны и одновременная, и последовательная таксисная интерпретация:

(II.4.61) татарский				
berket ýč-yr	tübengä	kara-dy.		
орёл летать-CONV	вниз	смотреть-PST		
а) <i>Орёл полетал и посмотрел вниз.</i>				
б) <i>Орёл, летая, смотрел вниз.</i>				

Можно предположить, что вообще, если в языке «одновременные» и «последовательные» глагольные цепочки формально не различаются, то распределение одновременной и последовательной интерпретации связано с аспектуальными свойствами глагольных лексем. В настоящее время эта «смелая» гипотеза имеет малую фактическую опору, потому что аспектуальная типология как таковая находится в «зачаточном» состоянии. Однако интуитивно именно такое объяснение двух возможных таксисных интерпретаций кажется наиболее убедительным. Отметим также, что на неформальном уровне оно было высказано уже

⁹³ Понятие аспектуального, или акционального, класса глагола восходит к знаменитой работе [Vendler 1957], где все глаголы подразделяются на состояния (states), деятельности (activities), достижения (accomplishments) и происшествия (achievements). Существует представление о том, что эта (или подобная) классификация универсальна, однако материал каждого нового языка показывает, что аспектуальные классы в нем свои. Ср. выделенные на материале русского языка аспектуальные классы («таксономические категории» глаголов) в [Падучева 1996].

очень давно. «Время совершения действия деепричастия на *-ып*, *-ип*, *-уп*, *-юп*, *-п* по отношению к времени совершения действия глагола, к которому относится это деепричастие, может быть различным. Обычно действие деепричастия предшествует действию другого глагола. Это часто наблюдается в тех случаях, когда деепричастие образовано от глагола, который выражает динамику, движение предмета. Кроме того, действие деепричастия на *-ып*, *-ип*, *-уп*, *-юп*, *-п* обычно предшествует, если глагол, к которому оно относится, выражает однократное, непродолжительное действие. ... Действие, выраженное деепричастием на *-ып*, *-ип*, *-уп*, *-юп*, *-п*, может происходить и одновременно с действием основного глагола. Это обычно наблюдается в тех случаях, когда деепричастие образовано от глаголов, выражающих состояние предмета, или же от глаголов, восходящих к звукоподражательным междометиям» [Джанмавов 1967: 55-56].

Следует отметить, что мишарское Деепричастие на *-р* легко употребляется в глагольных цепочках, состоящих из трех и более глаголов. Такие употребления этой формы подчиняются общим правилам выбора таксисной интерпретации этого деепричастия. Пример (II.4.62) представляет собой нарративный текст, описывающий последовательность событий, а в примере (II.4.63) мы видим несколько деепричастных форм, описывающих ситуации, происходящие одновременно:

(II.4.62) татарский

žäj-nej	matur	ber	ten-en-dä	bala-itäk-le	kulmäg-e-n,
лето-GEN	красивый	один	ночь-3-LOC	с.воланами-юбка-ATR	платье-3-ACC
čik-kän	aljarkꝫč-ꝫ-n,		kalfag-ꝫ-n,	safjan	čitek-lär-e-n
вышивать-PFCT	передник-3-ACC		калфаг-3-ACC	сафьян	сапог-PL-3-ACC
kij-ep,	tꝫlꝫm-nar-ꝫ-n		čulpꝫ-lar	belän	ür-ep,
надевать-CONV	коса-PL-3-ACC		чулпа-PL	с	заплеть-COV
žilkä-se-nä	čiläk-küändä-lär-e-n		as-ꝫp		zehrä
плечо-3-DAT	ведро-коромысло-PL-3-ACC		вешать-CONV	зухра	
su-ga	kitä.				
вода-DAT	уходить.PRES				

(И вот) в одну красивую летнюю ночь Зухра надела платье с воланами, вышитый передник, калфаг, сафьяновые сапожки, вплела в косы чулпы, положила на плечо коромысло с ведрами и пошла за водой [txt].

(II.4.63) татарский

rafaile...	sufijä	kil-gän	jak-ka	kara-sa,
Рафаил	Суфия	идти-PFCT	сторона-DAT	смотреть-COND
awꝫz-ꝫ-n	jꝫt-ꝫp,	šarkyl̩da-p,		kel-ep,
рот-3-ACC	рыть-CONV	хочтать-CONV		смеяться-CONV
amu	kil-ep	čygä.		
Аму	приходить-CONV	выходить.PRES		

Рафаил... посмотрел в сторону, откуда идет Суфия, (и увидел, что оттуда), улыбаясь во весь рот и хохоча, вышел Аму [txt].

Интересной характеристикой мишарского Деепричастия на *-р* является его «семантическая» односубъектность. В [Haspelmath 1995] разделяются, как два в принципе разных свойства, способность деепричастной формы на семантическом уровне иметь собственный субъект и наличие при деепричастной форме синтаксической позиции субъекта, то есть возможность его выражения. Эти свойства в большинстве случаев, что вполне естественно, скоррелированы друг с другом, но и нарушения этой корреляции существуют. Так, мишарское Деепричастие на *-р* не допускает собственного субъекта на семантическом уровне⁹⁴, однако синтаксическую позицию для первого актанта имеет. Если субъект при мишарском Деепричастии на *-р*

⁹⁴ Отметим, что это верно вовсе не для всех тюркских языков, ср. выше туркменский пример (II.4.51).

семантически независим от субъекта в финитной предикации, то вся конструкция неграмматична:

(II.4.64) татарский

*ilnur	kil-ep	änä-se	a-nγ	aša-t-tγ.
Ильнур	приходить-CONV	мама-3	он-ACC	есть-CAUS-PST
<i>Ильнур пришел, и мама его покормила.</i>				

Однако Деепричастие на *-р* допускает синтаксически выраженный субъект, если он относится к субъекту при финитном глаголе, например, как часть к целому:

(II.4.65) татарский

keüsä-se	sγn-γr	agač	au-dγ.
ствол-3	ломаться-CONV	дерево	падать-PST
<i>Ствол сломался, и дерево упало.</i>			

Помимо ситуации, равноправной той, что выражена финитной предикацией, тоже деепричастие может в мишарском диалекте выражать и «фоновую», менее «значимую» ситуацию:

(II.4.66) татарский

ilnur	jat-γr	uka-dγ.
Ильнур	лежать-CONV	читать-PST
<i>Ильнур читал лежа.</i>		

С точки зрения синтаксических тестов, мишарское Деепричастие на *-р* проявляет строго подчинительные свойства. Пример (II.4.67) иллюстрирует способность возглавляемой им предикации линейно вкладываться внутрь предикации, возглавляемой финитным глаголом. Пример (II.4.68) показывает, что при преобразовании финитной предикации в относительное предложение к «внешней» именной группе конструкция с рассматриваемым деепричастием остается грамматичной:

(II.4.67) татарский

zufär	ü-e-nä	[tagγn ber uram üt-ep]	bγrγl-dγ.
Зуфар	дом-3-DAT	ещё один улица пройти-CONV	поворнуть-PST
<i>Зуфар домой, пройдя ещё одну улицу, повернулся.</i>			

(II.4.68) татарский

min	[[tagγn	ber	uram	üt-ep]	üzenä
я	ещё	один	улица	пройти-CONV	сам.DAT
	bγrγl-icγ]	zufär-ne	belä-m.		
	поворнуть-PART	Зуфар-ACC	знать-1SG		
<i>Я знаю Зуфара, который, пройдя ещё одну улицу, повернулся к себе (домой).</i>					

При этом в тех редких случаях, когда «наследующее» деепричастие имеет при себе собственный выраженный субъект, синтаксические свойства полипредикативной конструкции также являются подчинительными. Пример (II.4.69) демонстрирует возможность линейного вложения предикации, возглавляемой Деепричастием на *-р*, имеющим собственное подлежащее, внутрь предикации, возглавляемой финитной глагольной формой:

(II.4.69) татарский

agač	keüsä-se	sγn-γr	au-dγ.
дерево	ствол-3	ломаться-CONV	падать-PST
<i>Ствол сломался, и дерево упало.</i>			

Мишарское «наследующее» Деепричастие на *-р* имеет и «синтаксическое» употребление. Оно оформляет сентенциальный актант при фазовых глаголах со

значением завершения действия типа ‘кончать’, ‘переставать’⁹⁵ (примеры (II.4.70)-(II.4.71)), а также при модальных глаголах со значением типа ‘мочь’ (пример (II.4.72)):

(II.4.70) татарский

min	реčän	čab-χр	beterä-m.
я	сено	косить-CONV	кончать-1SG

Я кончаю косить сено [Бонч-Осмоловская, Ханина, рукопись].

(II.4.71) татарский

restem	žyrła-p	tukta-dχ.
Рустам	петь-CONV	перестать-PST

Рустам перестал петь [Бонч-Осмоловская, Ханина, рукопись].

(II.4.72) татарский

xäm	menä	a-lar	bu	žir-ne
и	вот	он-PL	этот	земля-ACC
tab-χр		al-gan-nar.		
находить-CONV		мочь-PFCT-PL		

И вот они нашли [= смогли найти] эту землю [txt].

Помимо Деепричастия на -r, в мишарском диалекте татарского языка есть и еще одно деепричастие, способное «наследовать» грамматические категории финитного глагола. Это «редуплицированная форма» общетюркского «деепричастия на гласную». Это деепричастие всегда выражает ситуацию, одновременную с ситуацией, выражаемой финитным глаголом, и факультативно «наследует» модальные значения. Предложение (II.4.73) имеет два значения, в зависимости от того, входит ли предикация, воглавляемая деепричастной формой, в сферу действия Юссива, в форме которого стоит финитная глагольная форма:

(II.4.73) татарский

žyg	txylxj-txyl-χj	kitap	ukχ-sχn.
музыка	REDUPL.CONV.IPFV-слушать.IPFV	книга	читать-JUSS

а) *Пусть он слушает музыку и читает книгу.*

б) *Пусть он, слушая музыку, читает книгу.*

II.4.2.4.2. Хакасское Деепричастие на -p⁹⁶.

В хакасском языке деепричастие на -p в общем употребляется сходным образом. Оно способно «наследовать» самые разные глагольные значения:

(II.4.74) хакасский

хайдэ	toxən-эр	ügren-gle-pçet-ken-ner-ə-n
как	работать-CONV	учиться-MULT-PROGR-PST-PL-3-ACC
čoxtə-p	pir-ejer.	
говорить-CONV	дать-IMP.2PL	

Расскажите [=говоря дайте], как (дети) работают, учатся? [txt]

Как и в других тюркских языках, деепричастие на -p может иметь и последовательную (пример (II.4.75)), и одновременную (пример (II.4.76)) таксисную интерпретацию:

⁹⁵ Сентенциальный актант фазовых глаголов со значениями типа ‘начинать’, ‘продолжать’ оформляются при помощи формы имперфектива, ранее выступавшей в роли деепричастия (т. н. «деепричастие на гласную»), а в современном языке использующейся лишь в «сериализованных конструкциях».

⁹⁶ В латинской транскрипции приводятся примеры из сагайского диалекта.

(II.4.75) хакасский

ад-ы-ның лошадь-3-GEN	суғулуғ-ы-н уздечка-3-ACC	суур-ыбыз-ып снимать-PFV-CONV	Атик Атик	апсах дед
а-ны он-ACC	аңмар амбар	столба-зы-на столб-3-DAT	палға-быс-хан. привязать-PFV-PST	

Дед Атик разнудал лошадь и привязал ее к амбарному столбу [Баскаков 1975: 238].

(II.4.76) хакасский

чол-да дорога-LOC	хайдағ какой	да PRT	кізі-лер человек-PL	тамқы табак
тарт-ып тянуть-CONV	тур-ча-лар. стоять-PRES-PL			

На дороге какие-то люди стоят и курят [Баскаков 1975: 239].

Как и мишарское Деепричастие, хакасское Деепричастие на *-р* в общем случае является односубъектным, однако допускает собственное подлежащее, если оно семантически близко подлежащему при финитном глаголе:

(II.4.77) хакасский

аxəs дерево	ajdərəl падать	par-əр, идти-CONV	sala-lar-e ветка-PL-3	səj ломаться	par-xan-nar. идти-PST-PL
----------------	-------------------	----------------------	--------------------------	-----------------	-----------------------------

Когда дерево упало, его ветви сломались.

Как и его мишарский аналог, хакасское Деепричастие на *-р* может описывать «фоновую» ситуацию:

(II.4.78) хакасский

хадəхž'е сторож	köste-p прицеливаться	at-xan. стрелять-PST
--------------------	--------------------------	-------------------------

Сторож стрелял прицеливаясь.

Особый же интерес вызывает способность рассматриваемого деепричастия оформлять обстоятельственные предикации цели при глаголах движения:

(II.4.79) хакасский

анъна-п охотиться-CONV	пар-ды. идти-AOR
---------------------------	---------------------

Он пошел охотиться [Дыренкова 1948: 80].

(II.4.80) хакасский

мині я.ACC	үдез-іп проводить-CONV	сых-хан-нар. выйти-PST-PL
---------------	---------------------------	------------------------------

Они выходили меня проводить [Баскаков 1975: 239].

Однако целевое значение не всегда «запрещает» простое описание двух ситуаций/ Так, предложение (II.4.81) имеет два значения:

(II.4.81) хакасский

p'et'a Петя	par-xan пойти-PST	arıx-zar лес-ALL	ojna-р. играть-CONV
а)	Петя пошел в лес играть.		

б) Петя пошел в лес, играя.

Отметим также, что Ф. Ю. Юсупов отмечает и татарские диалектные примеры с Деепричастием на *-р* в целевом значении:

(II.4.82) татарский

быригадир-ға бригадир-DAT	ат лошадь	сыра-п просить-CONV	бар-ды-м. идти-PST-1SG
------------------------------	--------------	------------------------	---------------------------

Я ходил к бригадиру просить лошадь [Юсупов 1985: 134].

II.4.2.4.3. Чувашское Соединительное Деепричастие на *-sa*⁹⁷.

В чувашском языке, в отличие от прочих тюркских, деепричастная форма на *-p* отсутствует, однако представлена деепричастная форма на *-sa/-se*, «Соединительное» деепричастие по [Резюков 1959: 166-167] (см. также [Материалы 1957: 241]), которая в основном берет на себя ее функции. «Деепричастие на *-sa/-se* функционально соответствует общетюркскому деепричастию на *-p*, которое в чувашском языке не отмечено» [Левитская 1976: 103].

Деепричастие на *-sa* наследует значения времени, наклонения и модальности. В примере (II.4.83), в контексте финитной формы в Презенсе, деепричастие получает значение настоящего времени:

(II.4.83) чувашский

vašš'a	jaška	ši-se	čeј	iš-et ^j .
Вася	суп	есть-CONV	чай	пить-PRES.3SG
<i>Вася ест суп и пьет чай.</i>				

Примеры (II.4.84)-(II.4.85) иллюстрируют «наследование» «Соединительным» деепричастием значений категории наклонения: Императива в примере (II.4.84) и Конъюнктива в примере (II.4.85):

(II.4.84) чувашский

ivan,	kil-se	апат	ши.
Иван	приходить-CONV	обед	есть.IMP
<i>Иван, иди сюда и поешь.</i>			

(II.4.85) чувашский

tašla-sa	jurla-t-är-ččě	văl!
танцевать-CONV	петь-PRES-3-CONJ	он
<i>Пусть он поёт и танцует!</i>		

В примерах (II.4.86) и (II.4.87) «наследуются» модальные значения желания и долженствования:

(II.4.86) чувашский

vašš'a	jaška	ши-CONV	чай	пить-FUT-DESID
Вася	суп	есть-CONV	чай	пить-FUT-DESID
<i>Вася хочет есть суп и пить чай.</i>				

(II.4.87) чувашский

vašš'a-n	rajan	ташла-CONV	петь-INF-OBG
Вася-GEN	сегодня	танцевать-CONV	петь-INF-OBG
<i>Вася сегодня должен петь и танцевать.</i>			

Интересно поведение «наследующего» деепричастия в контексте отрицательной финитной формы. Если эта отрицательная форма выражает также модальное значение, то «наследующее» деепричастие либо «наследует» и отрицание, и модальное значение, либо не «наследует» ни одного из них:

(II.4.88) чувашский

jaška	ши-CONV	чай	PROH	пить.IMP
суп	есть-CONV	чай	PROH	пить.IMP
а) <i>Не ешь суп и не пей чай.</i>				
б) <i>≈ Когда ешь суп, не пей чай.</i>				
в) <i>*Ешь суп и не пей чай.</i>				
г) <i>*Когда не ешь суп, не пей чай.</i>				

⁹⁷ В нашей работе используются примеры из низового диалекта.

В контексте индикативной отрицательной формы «наследующее» деепричастие не попадает в сферу действия отрицания, но при этом обязательно получает «фоновое» значение:

(II.4.89) чувашский			
erě	kěněk-e	vula-sa	musik-ka
я	книга-DAT/ACC	читать-CONV	музыка-DAT/ACC
itle-mes-t-ěp.			
слушать-NEG-PRES-1			
a)	Я, читая книгу, не слушаю музыку.		
б)	*Я не читаю книгу и не слушаю музыку.		

Как и Деепричастие на *-p* в прочих тюркских языках, чувашское Деепричастие на *-sa/-se*, способно употребляться и в «последовательном», и в «одновременном» значениях. Как и таксисная интерпретация Деепричастия на *-p* в мишарском диалекте татарского языка, таксисная интерпретация чувашского Деепричастия на *-sa* сопряжена с аспектуальным классом глагола, но ограничений существенно меньше. Если актуально-длительное значение глагольной лексемы в настоящем времени соответствует состоянию, то есть ситуация представлена как не претерпевающая никаких изменений, то ситуация, описываемая Деепричастием на *-sa*, строго одновременна ситуации, описываемой финитным глаголом:

(II.4.90) чувашский			
aršin	ača	lajax	šantalăk-šän
мужчина	ребёнок	хороший	погода-PURP
savin-sa	čüreče-ren ^j	päxa-t ^j	
радоваться-CONV	окно-ABL	смотреть-PRES.3SG	
<i>Мальчик, радуясь хорошей погоде, смотрит в окно.</i>			

В прочих случаях обе таксисные интерпретации допустимы; так, предложение (II.4.91) имеет два значения:

(II.4.91) чувашский			
učitel	urok	ănlan-tar-sa	toska šine
учитель	урок	понимать-CAUS-CONV	доска на
a)	Учитель, объясняя урок, пишет на доске.		
б)	Учитель, объяснив урок, пишет на доске.		

Глаголов, у которых деепричастная форма на *-sa* могла бы иметь только предшествующую таксисную интерпретацию, в чувашском языке нет. В [Пазельская 2002] системным следствием этого факта признается то, что «нarrативные» цепочки из многих деепричастных форм, характерные для тюркского деепричастия на *-p* (ср. выше пример (II.4.62)), затруднены:

(II.4.92) чувашский			
pet'ta	irxi-ne	vîran-sa,	tî-sa,
Петя	утро-DAT/ACC	просыпаться-CONV	вставать-CONV
tixin-sa,	šivin-sa,	puš-ne	turt-sa,
одеваться-CONV	умываться-CONV	голова-DAT/ACC	причёсывать-CONV
irxi	apat	ši-r-ě	
утро	еда	есть-PFV-3	
<i>Петя проснулся утром, встал, оделся, умылся, причесался и позавтракал.</i>			

Чувашское «Соединительное» деепричастие семантически односубъектно с финитным глаголом. Однако, как и Деепричастие на *-p*, оно имеет собственную субъектную синтаксическую позицию, которая в ряде случаев может быть заполнена при тесной семантической связи субъектов двух предикаций:

(II.4.93) чувашский

timer	tutux-sa	pürt ^t	tärr-i	шут-ся
железо	ржаветь-CONV	дом	крыша-3	проходить-CONV
tux-nă				

выходить-PART.PFCT

Железо проржавело, и (железная) крыша дома проходилась [=проходившись вышла].

В обычном, односубъектном, употреблении Деепричастия на *-sa* конструкция с ним проявляет, с точки зрения синтаксических тестов, подчинительные свойства. Пример (II.4.94) иллюстрирует линейное вложение предикации, возглавляемой деепричастием, внутрь предикации, возглавляемой финитным глаголом, а пример (II.4.95) – возможность преобразования финитной предикации в относительное предложение к какой-либо именной группе:

(II.4.94) чувашский

pet ^t a	jaška-na	[kil-se]	шить-3
Петя	суп-DAT/ACC	приходить-CONV	есть-PST-3
<i>Петя суп, придя, поел.</i>			

(II.4.95) чувашский

pet ^t a	[[kil-se]]	шить-3]	суп-DAT/ACC
Петя	приходить-CONV	есть-PART.PFCT	
ерѣ	rěšer-ně.		
я	варить-PART.PFCT		

Суп, который Петя, придя, съел, я варила.

Интересно при этом, что редкие синтаксически разносубъектные конструкции с рассматриваемым деепричастием проявляют строго сочинительные свойства. В них не допускается линейное вложение деепричастной предикации в финитную (пример (II.4.96)), преобразование финитной предикации в относительное предложение (пример (II.4.97)), а также катафора анафорического местоимения в предикации, возглавляемой деепричастием, с антецедентом в финитной предикации (пример (II.4.98)):

(II.4.96) чувашский

*пурт ^t	крыша-3	железо проходить-CONV	протекать-PART.PFCT
дом			
<i>Крыша дома, когда железо проходилось, протекла.</i>			

(II.4.97) чувашский

*я	железо проходить-CONV	протекать-PART.PFCT
пурт ^t	крыша-3-DAT/ACC	чинить-PRES-1SG
дом		
<i>Я чиню крышу дома, которая протекла, когда железо проходилось.</i>		

(II.4.98) чувашский

он-GEN	железо проходить-CONV	дом
terr-i _i	шить-3.	
крыша-3	протекать-PART.PFCT	
<i>Когда её железо проходилось, крыша дома протекла.</i>		

Синтаксическим является употребление «Соединительного» Деепричастия для оформления сентенциального актанта при фазовых глаголах со значением окончания действия:

(II.4.99) чувашский				
xer	š̄iṛ	š̄iṛ-sa	r̄eṭer-č-ě.	
девушка	письмо	писать-CONV	кончать-PFV-3SG	
<i>Девушка кончила писать письмо.</i>				

II.4.2.5. Финно-угорские «контекстные» деепричастия.

Мы рассмотрим также рассмотрим «контекстные» деепричастные формы финно-угорских языков двух различных групп: марийского и удмуртского. Оба языка имеют развитую систему специализированных деепричастий, в том числе специализированных деепричастий времени. В обоих языках глагольная система содержит такие видо-временные формы, как Презенс, Претерит, Перфект, а также ряд модальных форм. В марийском языке мы видим морфологически выраженные Императив, Юссив и Дезидератив; в удмуртском языке большая часть значений выражается аналитически.

II.4.2.5.1. Марийское Деепричастие на *-en*⁹⁸.

Конструкции с марийским Деепричастием на *-en* (см. о нем также [Современный 1961: 252-257]) в ряде случаев используются для выражения равноправных отношений между ситуациями:

(II.4.100)	марийский			
kugəza	pur-en	šinč-эн.		
дедушка	входить-CONV	садиться-PFCT.3SG		
<i>Дедушка вошел и сел [txt].</i>				

(II.4.101)	марийский			
šinč-эм	lukt-эн	kermäč-em	käg-en-эт.	
глина-ACC	вытаскивать-CONV	кирпич-ACC	быть-PFCT-3PL	
<i>Добывали глину, делали кирпич [txt].</i>				

Рассматриваемое деепричастие не имеет фиксированной таксисной интерпретации, а используется как в «последовательных» цепочках, так и в «одновременных» (частично распределение предшествования и одновременности в конструкциях с этим марийским деепричастием разбирается в [Современный 1961: 252-253]). В примере (II.4.102) оно имеет строго «предшествующую» интерпретацию, а в примере (II.4.103) – строго «одновременную»:

(II.4.102)	марийский			
jəvan	tol-эн	kočk-o.		
Иван	приходить-CONV	есть-PST.3SG		
<i>Иван пришел и поел.</i>				

(II.4.103)	марийский			
jəvan	šinč-en	kočk-o.		
Иван	сидеть-CONV	есть-PST.3SG		
<i>Иван сидел и ел.</i>				

Употребление Деепричастия на *-en* в длинных глагольных цепочках, описывающих как серию последовательных событий (пример (II.4.104)), так и серию одновременных ситуаций (пример (II.4.105)) затруднено:

⁹⁸ Мы пользуемся данными староторъяльского диалекта.

(II.4.104)	марийский
marina	erden kənel-ən, muškəlt-ən,
Марина	утром встать-CONV умываться-CONV
čij-en,	kočk-ən, tunəm-aš kaj-əš.
одеваться-CONV	есть-CONV учиться-INF идти-PST
<i>Марина утром встала, умылась, оделась, позавтракала, пошла учиться.</i>	

(II.4.105)	марийский
jəvan	kniga-m lud-ən, radio-m koləšt-ən kočk-eš.
Иван	книга-ACC читать-CONV радио-ACC слушать-CONV есть-PRES.3SG
<i>Иван читает книгу, слушает радио, ест.</i>	

Деепричастие на *-en* «наследует» модальные значения финитного глагола. Это значения, во-первых, наклонений императивной серии – Императива и Юссива (примеры (II.4.106)-(II.4.108)), а во-вторых, Дезидератива (пример (II.4.109)). При этом в марийском языке «наследование» всех этих значений факультативно. Тем самым каждый из приводимых ниже примеров имеет по два значения: значение с вхождением предикации, возглавляемой деепричастием, в сферу действия модальных операторов и без него:

(II.4.106)	марийский
tol-ən	koč.
приходить-CONV	есть.IMP
а)	<i>Приди и поешь.</i>
б)	<i>Придя, поешь.</i>

(II.4.107)	марийский
kniga-m	lud-ən koč.
книга-ACC	читать-CONV есть.IMP
а)	<i>Читай книгу и ешь.</i>
б)	<i>Читая книгу, ешь.</i>

(II.4.108)	марийский
tudo	tol-ən koč-šo.
он	приходить-CONV есть-JUSS
а)	<i>Пусть он придет и поест.</i>
б)	<i>Пусть он, придя, поест.</i>

(II.4.109)	марийский
məj	kočk-ən jü-n-em.
я	есть-CONV пить-DESID-1SG
а)	<i>Я хочу есть и пить.</i>
б)	<i>Я, поев, хочу пить.</i>

Модальное значение долженствования выражается в марийском языке аналитически, однако Деепричастие на *-en* также факультативно его «наследует»:

(II.4.110)	марийский
məj	kočk-aš šolt-ən pört-em ištš-aš ul-am.
я	есть-INF варить-CONV дом-ACC подметать-INF быть-1SG
а)	<i>Я должен приготовить еду и подмети дом.</i>
б)	<i>Я, приготовив еду, должен подмети пол.</i>

Обычно Деепричастие на *-en* используется в односубъектных конструкциях (ср. [Современный 1961: 253]). Есть, однако, и примеры его употребления с собственным подлежащим (II.4.111), хотя в произвольной разносубъектной конструкции оно использоваться не может (II.4.112):

(II.4.111)	марийский
jür	me vurgem-əm šəlt-en tuijal-ən.
дождь	мы одежда-ACC прятать-CONV начинаться-PFCT.3SG
<i>Мы спрятали одежду, и начался дождь.</i>	

(II.4.112) мариийский

*jəvan	tol-эн	marina tud-эм	pukš-эш.
Иван	приходить-CONV	Марина он-ACC	кормить-PST
<i>Иван пришел, и Марина его покормила.</i>			

С точки зрения синтаксических тестов, конструкции с марийским «наследующим» деепричастием проявляют подчинительные свойства. Пример (II.4.113) показывает возможность вложения предикации, вогзглавляемой деепричастием, внутрь финитной, а пример (II.4.114) – возможность преобразования финитной предикации в относительное предложение:

(II.4.113) мариийский

ava-že	tudə-m	[möŋgö
мать-3SG	он-ACC	дом
tol-эн]	puks-ен.	
приходить-CONV	кормить-PFCT.3SG	
<i>Мама его, прияя домой, накормила.</i>		

(II.4.114) мариийский

təj	už-эн-at	kol-эм	[kudə-m
ты	видеть-PFCT.2SG	рыба-ACC	который-ACC
рэгэс-шамэс	[kuč-en]	kočk-эн-эт]?	
кошка-PL	ловить-CONV	есть-PFCT.3PL	
<i>Ты видел рыбу, которую кошки, поймав, съели?</i>			

Деепричастие на *-en* употребляется также для описания «пониженней» в дискурсе ситуации со значением обстоятельства или образа действия, причем такие употребления, по-видимому, частотней его употреблений в «ранновправных» конструкциях:

(II.4.115) мариийский

a	kugəza	ere	kutər-en	kaj-a,
а	дедушка	всегда	говорить-CONV	идти-PRES.3SG
mur-en	kaj-a,		mur-эм	mur-a pešak.
петь-CONV	идти-PRES.3SG		песня-ACC	петь-PRES.3SG очень
<i>A дедушка все время идет и при этом говорит, идет и при этом поет, громко песню поет [txt].</i>				

(II.4.116) мариийский

čäla	üdramaš-vlak	jupk-эшт-эм	nältal-эн	šog-at.
весь	женщина-PL	юбка-3PL-ACC	поднять-CONV	стоять.PRES-3PL
<i>Все женщины стоят, подняв юбки [txt].</i>				

(II.4.117) мариийский

ere	televizor-эм	onč-en-ak
всегда	телевизор-ACC	смотреть-CONV-EMPH
ert-ar-edä		žap-шэ-м?
проходить-CAUS.PRES-2PL		время-3SG-ACC
<i>Всё время проводите смотря телевизор? [txt]</i>		

«Наследующее» Деепричастие на *-en* имеет две группы «синтаксических» употреблений. Во-первых, оно оформляет сентенциальный актант модальных глаголов со значениями ‘мочь’, ‘уметь’ (ср. [Современный 1961: 256]):

(II.4.118) мариийский

jəvan	möŋgö	kaj-en	kert-eš.
Иван	домой	идти-CONV	мочь-PRES.3.SG
<i>Иван может идти домой.</i>			

(II.4.119)	марийский
jəvan	jüştəl-ən mošt-a.
Иван	плавать-CONV уметь-PRES.3SG

Иван умеет плавать.

Во-вторых, оно используется при образовании отрицательных форм индикатива: маркеры глагольных грамматических значений присоединяются к показателю отрицания, а сама глагольная лексема стоит в форме Деепричастия на *-en*:

(II.4.120)	марийский
kanikul-əm	šiž-en-at
каникулы-ACC	ощущать-CONV-EMPH

Я каникул не заметила [txt].

II.4.2.5.2. Удмуртское Деепричастие на *-са*.

Деепричастие на *-са* в удмуртском языке (ср. также [Грамматика 1962: 274-278]) также может описывать ситуацию, равноправную ситуации, описываемой финитной глагольной формой:

(II.4.121)	удмуртский
иwan	ми доры лыкты-са
Иван	мы к приходить-CONV

Иван к нам заходит и с нами ест.

Оно может иметь и предшествующую (пример (II.4.122)), и одновременную (пример (II.4.123)) таксисную интерпретацию:

(II.4.122)	удмуртский
иwan	лыкты-са сиськ-и-з.
Иван	приходить-CONV есть-PFV-3SG

Придя, Иван поел.

(II.4.123)	удмуртский
иwan	сиськы-са кылзй-ськ-е
Иван	есть-CONV слушать-REFL-PRES.3SG

Иван ест и слушает радио.

Интересно при этом, что в длинных глагольных цепочках, описывающих последовательность ситуаций, это деепричастие употребляется (пример (II.4.124)), а в цепочках, описывающих несколько одновременных ситуаций, – нет (пример (II.4.125)):

(II.4.124)	удмуртский
иwan	султы-са, сиськы-са, пыла-ськы-са,
Иван	вставать-CONV есть-CONV мыть-REFL-CONV
сына-ськы-са	мын-и-з ужа-ны.
чесать-REFL-CONV	идти-PFV-3SG работать-INF

Иван встал, поел, умылся, причесался и пошел на работу.

(II.4.125)	удмуртский
*иwan	пукы-са, сиськы-са, кылзй-ськы-са
Иван	сидеть-CONV есть-CONV слушать-REFL-CONV
радио	лыдз-е газет.

Иван сидит, ест, слушает радио и читает газету.

Деепричастие на *-са* «наследует» значение Императива:

(II.4.126)	удмуртский
иwan,	сиськы-са ю!
Иван	есть-CONV пить.IMP

Иван, поешь и попей!

Входить в сферу действия отрицания предикация, возглавляемая Деепричастием на *-са*, не может, при этом предложения, где эта деепричастная форма сочетается с отрицательной финитной глагольной формой, вообще сомнительны:

(II.4.127) удмуртский
?со сиськы-са ю.
он есть-CONV NEG.PRES.3 пить.SG

(II.4.128) удмуртский
?юы-са, эн сиськы!
пить-CONV PROH есть

Деепричастие на *-са* в удмуртском языке может иметь выраженное собственное подлежащее:

(II.4.129) удмуртский
иwan султы-са ана-ез со-е сюд-и-з.
Иван вставать-CONV мать-3SG он-ACC кормить-PFV-3SG
Когда Иван встал, мать его покормила.

Интересно при этом, что цепочки с деепричастной формой, описывающие последовательность действий с различными субъектами, невозможны:

(II.4.130) удмуртский
*иwan султы-са, ана-ез со-е дйся-са,
Иван вставать-CONV мать-3SG он-ACC одевать-CONV
ата-ез со-е сюд-и-з.
отец-3SG он-ACC кормить-PFV-3SG
Иван встал, мать его одела, отец его покормил.

Полипредикативная конструкция с Деепричастием на *-са* проявляет подчинительные свойства. Так, предикация с деепричастием может вкладываться внутрь предикации с финитным глаголом:

(II.4.131) удмуртский
ана-ез иwan султы-са со-е сюд-и-з.
мать-3SG Иван вставать-CONV он-ACC кормить-PFV-3SG
Когда Иван встал, мать его покормила.

Часто, с семантической точки зрения, предикация, возглавляемая Деепричастием на *-са* имеет и «пониженный» дискурсивный статус:

(II.4.132) удмуртский
иwan сиськ-и-з пукы-са.
Иван есть-PFV-3SG сидеть-CONV
Иван поел сидя.

(II.4.133) удмуртский
невеста-ез вай-о, ымныр-зэ пыдта-са
невеста-ACC приводить-PRES.3.PL лицо-3.ACC закрывать-CONV
Приводят невесту, закрыв ее лицо [txt].

Специальных синтаксических употреблений этой деепричастной формы нами не засвидетельствовано.

II.4.2.6. Деепричастные употребления английской формы на -ing.

Интересно, что деепричастные конструкции, в которых семантически финитная и деепричастная предикации равноправны, встречаются и в европейских языках. По свидетельству [Haspelmath 1995: 20], итальянские конструкции с деепричастием на

-ando допускают подобные употребления и даже проявляют некоторые свойства синтаксического сочинения. Наличие clause-chaining'a с формой на *-ing* в английском языке неоднократно отмечалось в литературе ([Stassen 1985: 90], [Givón 1990: 865]).

Мы не ставим перед собой задачу разбора всех употреблений этой формы, во-первых, потому, что в общем и целом они всем известны, а во-вторых, потому, что, с другой стороны, круг их широк, что требует большого специального исследования (о деепричастных употреблениях и их соотношении с прочими см. [Kortmann 1995]). Напомним, тем не менее, что английская форма на *-ing* употребляется и как деепричастие, и как причастие, и как имя действия, и как «инффинитив», оформляющий при ряде предикатов сентенциальный актант (о последней группе употреблений и о распределении формы на *-ing* и инфинитива с частицей *to* в английских актантных клаузах см. [Deschamps 1988]).

В ряде случаев рассматриваемая форма употребляется «как деепричастие», то есть подчинена синтаксически глаголу, а не имени и не является при этом актантной предикацией:

(II.4.134) английский

You tell lies thinking I can't see.

Ты обманываешь, думая, что я (этого) не увижу (The Beatles).

(II.4.135) английский

You go carrying pictures of Chairman Mao.

Ты идешь, неся портреты Председателя Mao (The Beatles).

Существуют многочисленные примеры, где предикация с *-ing*'овой формой семантически равноправна предикации с финитной глагольной формой:

(II.4.136) английский

So he waits behind writing fifty times: «I must not be so».

Он остается и пишет пятьдесят раз: «Я больше так не буду» (The Beatles).

Подобные конструкции могут использоваться как для описания ряда последовательных ситуаций (пример (II.4.137)), так и для описания нескольких одновременных ситуаций (пример (II.4.138)):

(II.4.137) английский

She goes downstairs to the kitchen clutching her handkerchief quietly **turning** the backdoor key **stepping** outside...

Она спускается по лестнице, зажав в руке свою косынку, тихо поворачивает ключ от задней двери, выходит на улицу... (The Beatles)

(II.4.138) английский

She is standing right in front of me speaking words of wisdom.

Она стоит прямо передо мной и говорит слова мудрости (The Beatles).

Разумеется, «использование clause-chaining'a в современном английском языке довольно ограниченно, но тем не менее есть потенциал для расширения и грамматикализации такой системы» [Givón 1990: 865]⁹⁹.

⁹⁹ «The use of clause-chaining in current English is rather limited, but the potential for extending and grammaticalizing is nonetheless there» [Givón 1990: 864].

Часть III. Свойства «наследующих» форм: возможные обобщения.

Рассмотрев свойства ряда конкретных языковых «наследующих» форм, можно перейти к обсуждению их общих свойств и сделать некоторые обобщения. При этом мы полностью отдаём себе отчет в том, что сведения о разных конкретных «наследующих» формах, представленные в нашей работе, часто качественно различны и не всегда сравнимы между собой. Тем не менее, попытка систематизации употреблений «наследующих» форм и значений, которые могут ими выражаться в прочих контекстах, представляется все же возможной.

Помимо значений рассмотренных форм и связей между этими значениями, мы затронем связь между конструкциями с «наследованием» и грамматической категорией «переключения референции», а также «сериализованные конструкции», в которых употребляются «наследующие формы».

III.1. Употребления «наследующих» форм и связи между ними.

Рассмотрим выделенные группы употреблений «наследующих» форм и связи между ними. Конечной целью такого рассмотрения может быть построение карты этих употреблений, подобной семантическим картам, активно использующимся в настоящее время в грамматических исследованиях (см., например [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994]). Метод семантических карт был предложен в [Anderson 1982] для анализа значений перфектных форм. Он предполагает, что частое совместное выражение двух (и более) значений позволяет сделать вывод о том, что они семантически близки. В нашем случае можно говорить о том, что если некоторые два типа употреблений засвидетельствованы у одной формы, то они связаны.

Очевидно, материал, рассмотренный в нашей работе, не столь обширен, чтобы можно было делать выводы обо всех типах значений, которые могут выражать рассматриваемые формы, и обо всех контекстах, в которых они встречаются. Однако центральная часть зоны «наследования» может быть приблизительно обрисована.

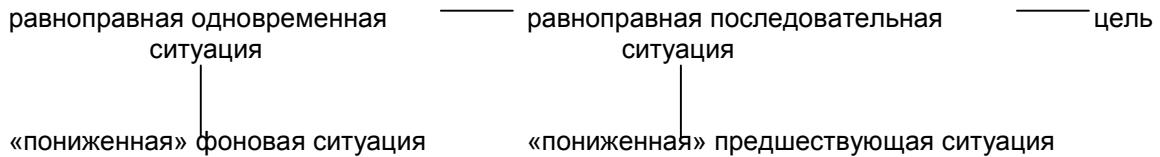
Центром этой зоны, очевидно, являются употребления собственно в конструкциях с «наследованием» грамматических значений. Эти употребления естественным образом следует разделить на две группы, в зависимости от того, описывает вся конструкция с «наследованием» одновременные или последовательные ситуации. Как было продемонстрировано на нашем языковом материале, в ряде языков «наследующие» формы имеют ограничение на употребление в глагольных цепочках с «последовательной» или «одновременной» таксисной интерпретацией, а следовательно, эти два типа употребления должны учитываться отдельно. При этом очевидно также, что эти два типа употребления тесно связаны друг с другом – ср. Инфинитив в языке бамана, употребления которого при описании одновременных ситуаций редки, но тем не менее засвидетельствованы.

Каждое из этих двух употреблений в семантически сочинительной конструкции связано с дискурсивно «пониженным» употреблением при той же таксисной интерпретации. Так, рассмотренное нами багвалинское Деепричастие Предшествования всегда описывает ситуацию, предшествующую ситуации, выраженной финитной глагольной формой; эти две ситуации с точки зрения их коммуникативного статуса в высказывании могут быть как равноправными, так и неравноправными.

Семантически равноправные цепочки, описывающие последовательность, как нами уже отмечалось и как замечено в [Stassen 1985: 72], близки к целевым конструкциям. Целевое и «наследующее» значения, помимо очевидной семантической

близости (в обоих случаях речь идет о двух событиях, одно из которых следует во времени за другим), достаточно часто выражаются одной и той же формой. Так, Инфинитив языка бамана употребляется как в конструкциях с «наследованием» при «последовательной» таксисной интерпретации, так и в конструкциях, где предикация, возглавляемая Инфинитивом, является обстоятельственным предложением цели к предикации, возглавляемой финитной глагольной формой.

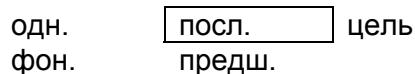
Связи между употреблениями рассматриваемых форм можно представить схематически следующим образом:

Можно теперь для каждой из рассмотренных форм обвести на этой схеме те употребления, которые у нее есть.

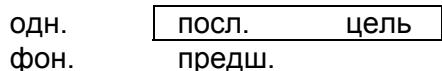
Консектив языков суахили и масай, а также «Sequential medial verb» языка амеле имеют, с точки зрения этой схемы, только один тип употреблений: они используются в семантически сочинительных цепочках, обозначающих последовательность событий:

амеле, суахили, масай:

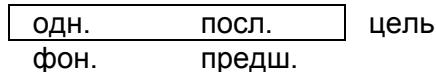
Инфинитив в языке бамана, помимо такого употребления, используется также для оформления обстоятельственных предложений цели:

бамана:

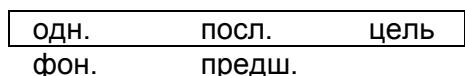
«Неспецифицированные» времена – ведийский Иньюонктив и «Неспецифицированная» форма маори – используются в семантически сочинительных конструкциях как при «одновременной», так и при «последовательной» таксисной интерпретации. В эту же группу мы отнесли и «Соединительное» деепричастие корейского языка, а также разносубъектное «Обычное» Деепричастие юкагирского языка:

ведийский, маори, корейский, юкагирский (разносубъектная форма) :

«Пустое время» («Инфинитив») в языке хауса употребляется и при описании последовательности ситуаций, и при описании нескольких одновременных ситуаций, и в целевых обстоятельственных предложениях:

хауса:

Деепричастие Предшествования в багвалинском языке употребляется только при описании последовательности ситуаций, при этом возглавляемая им предикация семантически может быть как равноправной, так и неравноправной предикации, возглавляемой финитной глагольной формой:

багвалинский:

одн.	посл.	цель
фон.	предш.	

«Наследующие» деепричастия мишарского диалекта татарского языка, чувашского языка, марийского языка и удмуртского языка, во-первых, употребляются как в «последовательных», так и в «одновременных» глагольных цепочках, а во-вторых, возглавляемая ими предикация может быть как равноправной, так и неравноправной предикации, возглавляемой финитной глагольной формой:

мишарский диал. татарского, чувашский, марийский, удмуртский:

одн.	посл.	цель
фон.	предш.	

Деепричастие на *-р* в хакасском языке отличается от последних деепричастие своей способностью употребляться в целевых конструкциях:

хакасский:

одн.	посл.	цель
фон.	предш.	

Обратимся теперь к прочим употреблениям. Большая часть рассмотренных нами форм употребляется для оформления сентенциальных актантов при некоторых предикатах. Среди наиболее часто засвидетельствованных предикатов, в конструкциях с которыми могут употребляться «наследующие» формы, можно отметить модальные глаголы со значениями ‘хотеть’ (в языках масай, хауса) и ‘мочь’ (в языках бамана, хауса, марийском, мишарском диалекте татарского языка), а также фазовые глаголы со значением ‘кончать’ (в юкагирском, чувашском языках, в мишарском диалекте татарского языка). Представляется, что использование глагольной формы для оформления сентенциального актанта при глаголе желания семантически связано с употреблением в целевых конструкциях, а использование ее для оформления сентенциальных актантов предикатов возможности и окончания – непосредственно с использованием в семантически сочинительной конструкции с «последовательной» таксисной интерпретацией.

Среди «ситуационных» употреблений в независимом предложении самым частотным является употребление со значением побуждения к действию (так употребляются ведийский Инъюнктив, «Неспецифицированная форма» маори, «Пустое время» в языке хауса). Кроме того, следует отметить использование рассматриваемых форм ведийского языка и языка маори в перформативных высказываниях и в гномических предложениях. Интересны также употребления Инфинитива в языке бамана в синтаксической позиции топика и в вопросительных предложениях со значением долженствования.

Несколько неожиданно, что наиболее частотным синтаксическим употреблением является употребление «наследующей» формы как составляющей части аналитической отрицательной формы с тем или иным грамматическим значением – ср. использование ведийского Инъюнктива для образования прохихитивной формы,

«Пустого времени» хауса для образования отрицательной формы результатаива, а также «наследующего» деепричастия в марийском языке для образования ряда отрицательных форм.

Мы перечислили те употребления «наследующих» форм, которые на данный момент можно считать типологически релевантными. Кроме того, некоторые из рассмотренных форм имеют и уникальные употребления в определенных контекстах, на которые мы указали в соответствующих разделах.

III.2. «Наследующие» формы и категория «переключения референции».

Рассмотренный нами языковой материал показывает, что формы, «наследующие» грамматические значения, оказываются тесно связаны с грамматической категорией «переключения референции» (*«switch-reference»*), или синкатегорематичности (ср. [Мельчук 1998: 302-307]), указывающей на то, совпадает ли синтаксический субъект при данной глагольной форме с субъектом при некоторой другой глагольной форме. В каком-то смысле формы, указывающие на совпадение субъекта можно было бы считать частным случаем «наследования» в нашем понимании: в этих случаях все семантические характеристики субъекта, включая, например, и те, что контролируют согласование глагола, заимствуются у другой глагольной формы. Различные частные случаи категории «переключения референции» и их трактовка представлены в сборнике [Haiman, Munro 1983]. Синтаксические свойства конструкций с показателями «переключения референции» и установление референции при их употреблении подробно рассматриваются с позиций Теории Связывания в работе [Finer 1985]. В более широкий контекст различных способов указания на совпадение или несовпадение подлежащих в двух предикациях показатели «переключения референции» погружены в работе [Подлесская 2001].

С точки зрения форм, «наследующих» семантические глагольные значения, с категорией «переключения референции», возможны следующие случаи.

Во-первых, «наследующая» форма может просто употребляться только в том случае, если подлежащее при ней совпадает с подлежащим при глагольной форме, значения которой она «наследует». Так обстоит дело в рассмотренных нами тюркских языках (мишарском диалекте татарского языка, хакасском языке и чувашском языке), где «наследующие» деепричастия, как правило, используются в односубъектных полипредикативных конструкциях, в марийском языке, а также в языке бамана. При этом интересно, что «наследующие» формы всех этих языков не имеют жесткого синтаксического запрета на выражение собственного подлежащего, а являются семантически односубъектными по [Haspelmath 1995]. Выражение собственного субъекта при «наследующей» форме возможно в случае референциальной близости семантических субъектов «наследующей» и «копорной» форм (как в рассмотренных тюркских языках и в языке бамана), или в случае семантической неравноценности этих субъектов (как в марийском языке).

Во-вторых, представлены деепричастные формы, не имеющие морфологического указания на субъект, то есть показателей лично-числового согласования, способные употребляться как в односубъектных, так и в разносубъектных конструкциях. Это корейское «Соединительное» деепричастие, багвалинское Деепричастие Предшествования и удмуртская «наследующая» деепричастная форма. Для таких форм, очевидно, категория «переключения» референции не релевантна.

Отметим при этом, что в обоих указанных случаях разносубъектная конструкция проявляет большие синтаксические сочинительные свойства, чем односубъектная. Так, в чувашском языке в редких случаях выражения собственного субъекта при

«наследующей» форме вся конструкция приобретает «сочинительные» синтаксические ограничения, в корейском языке «Соединительное» деепричастие иногда проявляет подчинительные синтаксические свойства в односубъектной конструкции, но никогда – в разносубъектной.

Заметим также, что наш материал подтверждает предложенную в [Stassen 1985: 86] универсалию, состоящую в том, что существуют языки, в которых конструкции типа clause-chaining'a употребляются только при односубъектности, но не при разносубъектности, но не существует языков, в которых такие конструкции имели бы запрет на совпадение субъектов при «наследующей» и «опорной» формах.

В-третьих, в ряде языков «наследующие» формы имеют лично-числовую парадигму и согласуются со своим подлежащим вне зависимости от того, совпадает ли оно с подлежащим «опорной» формы. К этой группе относятся и Инъюнктив в ведийском языке, и «Пустое время» Su в языке хауса, и консективные формы языков суахили и масаи. Для таких форм категория «переключения референции» также не релевантна.

В-четвертых, представлены и случаи «классического» «переключения референции»: существуют разные «наследующие» формы для односубъектной и разносубъектной конструкций, причем форма, использующаяся в разносубъектной конструкции, имеет показатели лично-числового согласования, а форма, использующаяся в односубъектной конструкции, их не имеет, поскольку сведения о субъекте уже представлены в «опорной» форме.

Наконец, есть и случаи, когда в языке вообще нет согласования сказуемого с подлежащим; к числу таких языков относится рассмотренный нами язык маори. В этом языке «наследующая» форма с показателем *ka*, как и следует ожидать, не имеет ограничения на употребление в односубъектной или разносубъектной конструкции.

III.3. Сериализованные конструкции с «наследующими» формами.

Во многих языках мира представлено явление, обычно называемое «сериализацией предикатов», или «сериализацией глаголов» (см. об этом понятии [Bisang 1995], а также [Lord 1993], [Sebba 1987]). Имеется в виду следующее: две глагольные лексемы в сочетании друг с другом описывают одну ситуацию, занимают одну синтаксическую позицию (т. е. вместе являются синтаксической вершиной одной предикации). При этом как правило одна из этих лексем в данной конструкции является семантически полноценной, а другая – неполноценной; таким образом, в предельном случае сериализованные конструкции близки к аналитическим глагольным формам, а с диахронической точки зрения, аналитические глагольные формы могут быть результатом их грамматикализации. Приведем простейший пример сериализации в русском языке:

(III.3.1) русский
Я сижу читаю.

В примере (III.3.1) представлена сериализованная конструкция *сижу читаю*, состоящая из семантически полноценного глагола *читать* и семантически ущербного глагола *сидеть*. При этом оба из них стоят в форме 1 л. ед. ч. настоящего времени. Наиболее распространенное узкое понимание глагольной сериализации предполагает такое морфологическое тождество сериализованных предикатов, ср.: «Глагольная сериализация – это немаркированное соположение двух и более глаголов или глагольных групп..., каждая из которых также способна возглавлять отдельное предложение» [Bisang 1995: 139]¹⁰⁰. Очевидно, что такие конструкции происходят из

¹⁰⁰ «Verb serialization is the unmarked juxtaposition of two or more verbs or verb phrases..., each of which can also be able to form a sentence of its own» [Bisang 1995: 139].

конструкций с сочиненными предикатами. Так, в русском языке существует бессоюзное глагольное сочинение:

(III.3.2) русский

Я сижу, читаю, пью кофе, слушаю радио.

В широком понимании (см., например, [Durie 1997]) к сериализованным конструкциям относят и конструкции, где предикаты не имеют такого морфологического тождества: глагольные лексемы, составляющие сериализованную конструкцию, могут быть по-разному морфологически оформлены. В рассмотренных нами тюркских и финно-угорских языках с «наследующими» деепричастиями крайне распространены следующие конструкции (ср. [Дмитриев 1962: 595], [Грамматика 1962: 277] и мн. др.):

(III.3.3) чувашский

ivan šivär-sa kaj-r-ě.
Иван спать-CONV уходить-PFV-3
Иван заснул [=заснув ушел].

(III.3.4) татарский

níček bar-ꝑj-m dip
как идти-HORT-1SG SUB
kajgꝑr-ꝑr tꝑr-a.
горевать-CONV стоять.IPFV
“Как я пойду?” – она горюет [=горюя стоит] [txt].

(III.3.5) марийский

ere paša-m ēšt-en kij-ēš-na.
всегда работа-ACC делать-CONV лежать-PST-1PL
Мы всё время много работали [=работая лежали] [txt].

(III.3.6) удмуртский

вал пыд гинэ сюй-эз бугрты-са кельт-э.
лошадь нога только земля-ACC рыхлить-CONV оставлять-PRES.3SG
Копыта [=нога лошади] только землю раскидывают [=разрыхлив оставляют] [txt].

В примере (III.3.3) представлена конструкция *šivärsa kajrě*, состоящая из семантически полноценного глагола *šivär* ‘спать’ в форме «наследующего» деепричастия на *-sa*, и семантически ущербного глагола *kaj* ‘уходить’ в форме 3 л. ед. ч. перфективного прошедшего времени. При этом, как мы писали в соответствующих разделах, семантически конструкции с подобными деепричастными формами являются сочинительными. Ср. пример (III.3.3) с примером (III.3.7):

(III.3.7) чувашский

ivan šivär-sa kil-e kaj-r-ě.
Иван спать-CONV дом-DAT/ACC уходить-PFV-3
Иван поспал и ушел домой.

Анализ деепричастных форм типа чувашского деепричастия на *-sa* как «наследующих» форм показывает, что, вообще говоря, русская сериализованная конструкция, состоящая из двух финитных форм, в примере (III.3.1) и чувашская сериализованная конструкция, состоящая из финитной формы и «наследующего» деепричастия в примере (III.3.3) имеют одну и ту же природу. В обоих случаях перед нами семантически редуцированная конструкция с исходной сочинительной семантикой.

Заключение.

В нашей работе основным предметом рассмотрения были все те конструкции, в которых две или более глагольных формы, по-разному морфологически оформленные, с семантической точки зрения характеризовались как выражающие один и тот же набор грамматических значений. Та глагольная форма, в которой эти выражаются эти грамматические значения, была названа нами «опорной» формой, а та форма, в которой они не выражаются, – «наследующей» формой. Нами было отмечено, что, как правило, в «наследующей» форме можно выделить специальный показатель «наследования» грамматических категорий у глагольной формы, линейно расположенной левее или правее.

Во Введении нами были представлены основные понятия, использующиеся в работе, и приведены некоторые примеры.

Первая часть была посвящена общим теоретическим проблемам, связанным с интерпретацией рассматриваемых конструкций. Отдельно были рассмотрены грамматический, синтаксический и семантический аспекты проблемы. Грамматический аспект проблемы состоит в том, что конструкции с «наследующими» глагольными формами представляют собой особый способ выражения грамматического значения: значение выражается один раз, а в остальных случаях оно «наследуется».

Синтаксический аспект проблемы состоит в том, что конструкция с «наследованием» грамматических категорий занимает промежуточное положение между классическими сочинительной и подчинительной конструкциями. Синтаксические сочинительные и подчинительные свойства конструкций с «наследующими» глагольными формами варьируют от языка к языку; в разделе 2 Первой части нами обсуждаются различные подходы к их обнаружению.

Семантический аспект состоит в том, что на семантическом уровне конструкции с «наследующими» глагольными формами являются сочиненными: между ними нет несимметричного семантического отношения, пропозиции, обозначаемые как «опорной», так и «наследующей» формой равно важны для говорящего и имеют одинаковый коммуникативный статус. Коммуникативный статус пропозиции определяется тем, как она взаимодействует с оператором отрицания или модальными операторами; в конструкции с «наследованием» это взаимодействие одинаково у «наследующей» и «опорной» формы; с этим связано и само «наследование» грамматических категорий, соответствующих таким операторам.

Вторая, центральная, часть работы посвящена разбору конкретного языкового материала. Сами «наследующие» формы условно были разделены нами на три группы: «неспецифицированные» времена, инфинитивы и деепричастия.

К «неспецифицированным» временам мы отнесли Иньюнктив в ведийском языке и «Неспецифицированную форму» языка маори. Эти две формы объединяет то, что, помимо конструкций с «наследованием» грамматических значений, они имеют широкий круг употреблений в дискурсивно независимом предложении.

К «наследующим» инфинитивам мы отнесли Инфинитив языка бамана и «Пустое время» Su языка хауса. Эти две формы объединяют то, что обе они, помимо употребления в конструкциях с «наследованием» грамматических значений, употребляются для оформления обстоятельственных предложений цели и сентенциальных актантов при многих глаголах.

Группа «наследующих» деепричастий является самой широкой. К первой ее подгруппе мы отнесли «медиальные глаголы» папуасских языков и консекутивы африканских языков – формы, имеющие лично-числовую парадигму и употребляющиеся только в семантически сочинительных конструкциях. Во вторую группу мы отнесли те формы, которые имеют собственно деепричастные употребления.

Небольшая по объему Третья часть содержит некоторые обобщения о семантических связях между разными употреблениями «наследующих» форм. Также в ней затронуты взаимодействие «наследующих» форм с грамматической категорией «переключения референции» и употребление «наследующих» форм в сериализованных конструкциях.

Основным итогом работы можно считать то, что в ней впервые отождествляются все глагольные формы, сходные с функциональной точки зрения в том, что они используются для того, чтобы вместо выражения каких-либо грамматических значений отсылают к другой глагольной форме, левой или правой по контексту, в которой эти значения выражены. До настоящего момента в общем эти глагольные формы получали крайне непохожую интерпретацию в разных описательных традициях (ср. понятие консектива для африканских языков, понятие медиального глагола для папуасских языков, понятие иньюнктива в индоевропеистике и понятие деепричастия, используемое в основном применительно к языкам Евразии). В нашей работе предложена понятийная парадигма, позволяющая об одинаковых употреблениях этих форм говорить в одних и тех же терминах.

Кроме того, мы впервые обобщаем представления о конструкциях с «наследованием» грамматических значений, существующие в разных разделах и разных подходах лингвистической теории.

Перспективой дальнейших исследований представляется расширение языкового материала и уточнение и детализация семантических связей между разными типами употреблений «наследующих» глагольных форм.

Список сокращений, используемых при глоссировании.

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо
1/2 – совмещенный показатель 1 и 2 лица
ABL – аблатив
ACC – аккузатив
ADV – адвербиализатор (показатель наречия)
ALL – аллатив
ANIM – одушевленность
ANT – таксис: предшествование
AOR – аорист
ART – artikel
ATR – атрибутив
AUX – вспомогательный глагол
CAUS – каузатив
CL – показатель согласовательного класса
COMIT – комитатив
COND – кондиционалис (условное наклонение)
CONJ – конъюнктив
CONS – консектив
CONV – деепричастие (конверб)
COP – предикативная связка
DAT – датив
DAT/ACC – совмещенный показатель датива и аккузатива
DEB – дебитив
DEF – определенность
DESID – дезидератив
DETR – «понижение» переходности
DIM – диминутив
DIR – директив (направительный падеж)
DS – different-subject (показатель некореферентности субъектов двух предикаций)
DU – двойственное число
EL – элатив
EMPH – эмфатическая частица
ERG – эргатив
F – женский род (класс)
FOC – фокусная частица
FUT – будущее время
GEN – генитив
H – личность
HABIT – хабитуалис
HOD – hodiernal (временная дистанция сегодняшнего дня)
HORT – гортатив
IMF – имперфект
IMP – императив
INC – инклузивное местоимение
IND – индикатив
INF – инфинитив
INFR – инференциальность
INSTR – инструменталис
INTER – интерэссив

INTR – непереходность
INV – инверсив
IPFV – имперфектив
JUSS – юссив
LOC – локатив
M – мужской род (класс)
MED – медиальный глагол
MULT – мультиплексив
N – средний род (класс)
NAME – имя собственное
NARR – нарративная форма
NEG – отрицание
NMN – имя действия (масдар)
NOM – номинатив
NONPST – непрошедшее время
OBJ – объектная форма
OBL – косвенная основа
OBG – облигатив
OPT – оптатив
PART – причастие
PASS – пассив
PFCT – перфект
PFV – перфектив
PL – множественное число
POSS – посессивность
POST – таксис: следование
POT – потенциалис
PRED – предикативность
PRES – настоящее время
PROGR – прогрессив
PROH – прохихитив
PRT – частица
PST – прошедшее время
PURP – цель
Q – вопросительная частица
REC – реципрок
REDUPL – редупликация
REFL – рефлексив
REM – remote (отдаленное прошедшее время)
RES – результатив
SBJ – субъектная форма
SEQ – последовательность
SG – единственное число
SIM – одновременность
SS – same-subject (показатель кореферентности субъектов двух предикаций)
SUB – подчинительный союз (комплементайзер)
SUP – суперэссив
SUPERLAT – превосходная степень сравнения
SUPINE – супин
TOP – топик
TR – переходность
UNSPEC – «неспецифицированная» форма

Указатель языков¹⁰¹.

амеле	[гум < мабусо < трансновогвинейские] – 31-32, 75-76
амхарский	[южные < эфиосемитские < семитские < афразийские] – 26
английский	[западно-германские < германские < индоевропейские] – 22, 44-45, 58, 101-102
багвалинский	[андийские < аваро-андийские < аваро-андо-цезские < нахско-дагестанские < северо-кавказские] – 85-86
бамана (бамbara)	[северо-западные < манде < нигер-конго] – 7, 9, 24, 58-62
баскский	[изол.] – 18
вальбири	[нгарга < нгумбин < пама-ньюнга] – 28
†ведийский	[индийские < индоиранные < индоевропейские] – 47-52
гуа (хуа)	[западнопапуасские] – 77
игбо	[нижне-нигерские < восточные < южно-центральные < центральные < нигер-конго] – 22
испанский	[романские < итальянские < индоевропейские] – 17
корейский	[алтайские] – 32-33, 80-82
ландума	[мель < южные < западно-атлантические < нигер-конго] – 75
†латинский	[итальянские < индоевропейские] – 28-29
манинка (малинке)	[северо-западные < манде < нигер-конго] – 61
маори	[полинезийские < центрально-тихоокеанские < океанийские] – 8, 52-56
марийский	[финно-волжские < финно-permские < финно-угорские < уральские] – 97-100, 108
масаи	[онгамо-маа < лотуко-тесо < восточные < nilотские < восточно-суданские] – 79-80
норвежский	[северно-германские < германские < индоевропейские] – 26
русский	[восточнославянские < славянские < балто-славянские < индоевропейские] – 7, 30-31, 34, 35, 36, 37-38, 41, 58, 65-71, 72, 107-108
суахили	[банту < вель < восточные < южно-центральные < центральные < нигер-конго] – 9, 77-79
татарский	[кипчакские < тюркские < алтайские] – 7, 9, 12, 17, 19-20, 23, 24, 26, 41, 43-44, 87-92, 93, 108
тауя	[брахман < трансновогвинейские] – 28, 77
туркменский	[огузские < тюркские < алтайские] – 87
удмуртский	[permские < финно-permские < финно-угорские < уральские] – 100-101, 108
французский	[романские < итальянские < индоевропейские] – 19
хакасский	[сибирские < тюркские < алтайские] – 92-93
хауса	[западно-чадские < чадские < афразийские] – 9-10, 16, 62-65
чешский	[западнославянские < славянские < балто-славянские < индоевропейские] – 26
чувашский	[булгарские < тюркские < алтайские] – 11, 13-14, 32, 38-40, 94-97, 108
чукотский	[чукотско-корякские < чукотско-камчатские] – 35
юкагирский	[изол.] – 82-84

¹⁰¹ В Указателе приведены только те языки, примеры из которых используются в работе. Генетическая принадлежность указывается в основном по классификации, приведенной в [Бурлак, Старостин 2001].

Литература.

- Аксенова И. С. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. Москва, 1997.
- Аксенова И. С., Топорова И. Н. Введение в бантуистику. Имя. Глагол. Москва, 1990.
- Архипов А. В. Когнитивная и формальная структура комитативных конструкций. Дипломная работа. Москва, 2001.
- Баскаков Н. А. (ред.) Грамматика хакасского языка. Москва, 1975.
- Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. Москва, 1985.
- Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. Москва, 1996.
- Бойко А. А. Сочетания с инфинитивом несовершенного вида в современном русском языке. Ленинград, 1973.
- Бонч-Осмоловская А. А., Ханина О. В. Конструкции с сентенциальными актантами мишарского диалекта татарского языка. // Казенин К. И., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. (ред.) Очерки по синтаксису и грамматической семантике мишарского диалекта татарского языка. Рукопись.
- Брицын В. М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев, 1990.
- Бурлак С. А., Старостин С. А. Введение в лингвистическую компаративистику. Москва, 2001.
- Гершензон Л. М. Условные конструкции с инфинитивом в вершине протазиса в русском языке. Дипломная работа. Москва, 2001.
- Грамматика современного русского литературного языка. Ред. Н. Ю. Шведова. Москва, 1970.
- Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.
- Громова Н. В., Охотина Н. В. Теоретическая грамматика языка суахили. Москва, 1995.
- Джанмавов Ю. Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке. Москва, 1967.
- Дмитриев Н. К. Стой тюркских языков. Москва, 1962.
- Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
- Елизаренкова Т. Я. К вопросу о становлении категории времени в древнеиндийском языке. Москва, 1960.
- Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. Москва, 1982.
- Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии придаточного относительного. // Семиотика и информатика, вып. 5, 1975.
- Казенин К. И. Деепричастные конструкции. // Кибрик А. Е. (ред.). Багвалинский язык. Тексты, грамматика, словари. Москва, 2001.
- Казенин К. И., Тестелец Я. Г. Структура составляющих. // Кибрик А. Е. (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. Москва, 1999.
- Калинина Е. Ю. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. Москва, 2001. В печати.
- Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. Москва – Ленинград, 1956.
- Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Ленинград, 1982.
- Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. Москва, 1976.
- Леман У. Выводы оprotoиндоевропейской глагольной системе, основанные на внутреннем анализе санскрита. // Вопросы языкоznания, №2, 1961.

- Мазур Ю. Н. Грамматика корейского языка. Москва, 2001.
- Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Ядерные формы глагольной парадигмы. // Кибрик А. Е. (ред.). Багвалинский язык. Тексты, грамматика, словари. Москва, 2001.
- Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии. // Маслов Ю. С. (ред.). Вопросы сопоставительной аспектологии. Ленинград, 1978.
- Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957.
- Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – текст». Москва, 1974.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том I. Москва – Вена, 1997.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том II. Москва – Вена, 1998.
- Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Москва – Ленинград, 1945.
- Моисеев А. И. Употребление зависимого инфинитива в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1952.
- Ольдерогге Д. А. Язык хауса. Ленинград, 1954.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Москва, 1985.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. Москва, 1996.
- Падучева Е. В. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации. // Научно-техническая информация, сер. 2, №1, 1997.
- Падучева Е. В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика, вып. 36, 1998.
- Пазельская А. Г. Деепричастия с нефиксированной таксисной интерпретацией. // Третья зимняя типологическая школа. Материалы лекций и семинаров. Москва, 2002
- Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Обстоятельственные предложения в мишарском диалекте татарского языка. // Казенин К. И., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. (ред.) Очерки по синтаксису и грамматической семантике мишарского диалекта татарского языка. Рукопись.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва, 1928.
- Пильщикова Н. Глагольная система языка хауса. Warszawa, 1957.
- Плунгян В. А. Вид и типология глагольных систем // Черткова М. Ю. (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 1997.
- Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. Москва, 2000.
- Подлесская В. И. Сложное предложение в современном японском языке. Материалы к типологии полипредикативности. Москва, 1993.
- Подлесская В. И. Переключение референции: дискурсивные функции грамматической категории. // Плунгян В. А. (ред.) Исследования по теории грамматики. Глагольные категории. Москва, 2001.
- Резюков Н. А. Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков. Чебоксары, 1959.
- Рудницкая Е. Л. Проблема алтайского сочинения в корейском языке. // Вопросы языкознания, №6, 1997.
- Севортян Э. В. О сложноподчиненном предложении в тюркских языках. // Дмитриев Н. К., Баскаков Н. А., Убярова Е. И. (ред.) Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть III. Синтаксис. Москва, 1961.
- Сирота С. Сочетание глаголов с инфинитивами в современном русском литературном языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1964.
- Скорик П. Я. Категория имени существительного в чукотско-камчатских языках. // Палеоазиатские языки. Ленинград, 1986.
- Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.
- Сумбатова Н. Р. Глагольная система языка ландума. // Виноградов В. А., Топорова И. Н. (ред.). Основы африканского языкознания. Глагол. В печати.

- Татевосов С. Г. Вид, акциональность и аспектуальная композиция. // Казенин К. И., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. (ред.) Очерки по синтаксису и грамматической семантике мишарского диалекта татарского языка. Рукопись.
- Татевосов С. Г., Майсак Т. А. Глагольные формы в нарративном дискурсе. // Кибрик А. Е. (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. Москва, 1999
- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. Москва, 2001.
- Токарская В. П. Язык малинке (мандинго). Москва, 1964.
- Томчина С. И. Введение в синтагматическую морфологию языка манинка. Ленинград, 1978.
- Холодович А. А. Очерк грамматики корейского языка. Москва, 1954.
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Ленинград, 1925.
- Шлуинский А. Русский инфинитив как семантически «немаркированная» глагольная форма: материал русского языка в типологической перспективе. // Русская филология. 13. Тарту, 2002.
- Щеглов Ю. К. Очерк грамматики языка хауса. Москва, 1970.
- Юлдашев А. А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. Москва, 1977.
- Юсупов Ф. Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань, 1985.
- Якобсон Р. О. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. // Travaux du Cercle Linguistique de Prague, vol. 6, 1936. Якобсон Р. О. К общему учению о падеже. // Якобсон. Р. О. Избранные работы. Москва, 1985.
- Якобсон. Р. О. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. Cambridge, 1957.
- Якобсон. Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. // Ревзина О. Г. (ред.). Принципы типологического анализа языков различного строя. Москва, 1972.
- Якобсон. Р. О. Круговорот лингвистических терминов. // Ярцева В. Н. и др. (ред.). Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А. А. Реформатского. Москва, 1971.
- Abraham, R. C. The language of the Hausa people. London, 1959.
- Anderson L. The perfect as a universal and as a language particular category. // Hopper, P. (ed.) Tense and aspect: between semantics and pragmatics. Amsterdam, 1982.
- Andrews, E. Markedness theory. Durham, London, 1990.
- Ashton, E. O. Swahili grammar. Longmans, 1959.
- Austin, J. L. How to do things with words. Oxford, 1963. Остин Дж. Л. Слово как действие. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVII. Москва, 1986.
- Biggs, B. Let's learn Maori. Wellington, 1969, 2-е изд. 1973.
- Bisang, W. Verb serialization and conversbs – differences and similarities. // Haspelmath, M., König, E. (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin, New York, 1995.
- Bisang, W. Finite vs. non-finite languages. // Language Typology and Linguistic Universals. Handbücher Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Berlin, 2001.
- Brugmann, K. Beiträgen zur Conjugationslehre. // Morphologische Untersuchungen III, 1880.
- Brugmann, K. Kurze vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904.
- Burrow, T. The sanskrit language. London, 1955. Барроу Т. Санскрит. Москва, 1976.
- Bybee, J. Perkins, R. Pagliuca, W. The evolution of grammar. Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago – London, 1994.
- Chantrainé, P. Grammaire homérique. T.1. Paris, 1942.
- Chomsky, N. Lectures on Government and Binding. Dordrecht, 1981.

- Contini-Morava, E. Discourse pragmatics and semantic categorization. The Case of negation and tense-aspect with special reference to Swahili. Berlin – New York, 1989.
- Corbett, G. G. Hierarchies, targets and controllers: agreement patterns in Slavic. London, 1983.
- Corbett, G. G. Gender. Cambridge, 1991.
- Corbett, G. G., Fraser, N. M. Network Morphology: A DATR Account of Russian Inflectional Morphology. // Journal of linguistics, №29, 1993.
- Culicover, P. W., Jackendoff, R. Semantic subordination despite syntactic coordination. // Linguistic Inquiry, vol. 28, №2, 1997.
- Dahl, Ö. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Delbrück, B. Der Gebrauch des Conjunctivs und Optativs im Sanskrit und Griechischen. Halle, 1871.
- Delbrück, B. Altindische Syntax. Halle, 1888.
- Deschamps, A. L'infinitif et le gérondif en anglais dans les compléments des verbes. // Rémi-Giraud, S. (ed.) L'infinitif. Une approche comparative. Lyon, 1988.
- Dik, S. C. Coordination. Its implications for the theory of general linguistics. Amsterdam, 1968.
- Dumestre, G. La geste de Ségou, textes de griots bambara. Paris, 1979.
- Dumestre, G. Le Bambara du Mali: Essais de description linguistique. Université de la Sorbonne Nouvelle, Paris III, 1987.
- Durie, M. Grammatical structures in verb serialization. // Alsina, A., Bresnan, J., Sells, P. (eds.). Complex predicates. Stanford, 1997.
- Eckman, F. R., Moravcsik, E. A., Wirth, J. R. (eds.). Markedness. New York, 1986.
- Ewen, C. J., Van der Hulst, H. The Phonological Structure of Words. Cambridge, 2001.
- Finer, D. L. The formal grammar of switch-reference. New York, 1985.
- Foley, W., Van Valin, R. D. Functional syntax and universal grammar. Cambridge, 1984.
- Frege, G. Sinn und Bedeutung. // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, №100, 1892. Фрэгэ, Г. Смысл и денотат. // Семиотика и информатика, вып. 8, 1977.
- Garde, P. Les tournures comitatives en russe. // Birnbaum, H., Flier, M. S. (eds.). The language and verse of Russia. In honour of Dean S. Worth. Москва, 1995.
- Givón, T. The bounding hierarchy and the typology of complements. // Studies in language. Vol.4, №4, 1980.
- Givón, T. Syntax: A functional-typological introduction. Vol. 2. Amsterdam, 1990.
- Gonda, J. The character of the indo-european moods with special regard to Greek and Sanskrit. Wiesbaden, 1956.
- Haiman, J. Hua: a Papuan language of New Guinea. Amsterdam, 1985.
- Haiman, J., Munro, P. (eds.). Switch-Reference and Universal Grammar. Amsterdam, 1983.
- Hale, K. L. The adjoined relative clause in Australia. // Dixon, R. M. W. (ed.). Grammatical Categories in Australian Languages. Canberra, 1976.
- Harlow, R. *Ka*: The Maori injunctive. // Oceanic languages. Papers from the Fifth International Conference in Austronesian linguistics. Part 1. Auckland, New Zealand, 1988.
- Haspelmath, M. The converb as a cross-linguistically valid category. // Haspelmath, M., König, E. (ed.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin, New York, 1995.
- Hoffmann, K. Der Injunktiv im Veda. Heidelberg, 1967.
- Hyman, L. M. Consecutivization in Fe'fe'. // Journal of African Languages, 10, 1971.
- Johannessen, J. B. Coordination. New York – Oxford, 1998.
- Johanson, L. On Turkic converb clauses. // Haspelmath, M., König, E. (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin, New York, 1995.

Kazenin K. I. On Patient demotion in Lak. // Kulikov, L., Vater, H. (eds). Typology of Verbal Categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday. Tübingen, 1998.

Keenan, E. L., Comrie, B. Noun phrase accessibility and universal grammar. // Linguistic inquiry, Vol.8, №1, 1977. Кинэн Э., Комри Б. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 11. Москва, 1982.

Keita, B. Eléments de description du malinke de Kita (Mali). Université de Grenoble III, Publications du centre de dialectologie africaine, №6, 1986.

Kiparsky, P. Tense and mood in Indo-European syntax. // Foundations of language, 1968, 4.

Kortmann, B. Adverbial participial clauses in English. // Haspelmath, M., König, E. (ed.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin, New York, 1995.

Koutsoudas, A. Gapping, Conjunction Reduction, and Coordinate deletion. // Foundations of language, №7, 1971.

Labov, W. Language in the Inner City. // Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia, 1972.

Langacker, R. On pronominalization and the chain of command. // Reibet, D., Schane, S. (eds.). Modern studies in English. New Jersey, 1969.

Lehmann, Ch. Towards a typology of clause linkage. // Haiman, J., Thompson, S. A. (eds.) Clause combining in grammar and discourse. Amsterdam – Philadelphia, 1988.

Longacre, R. E. Sentences as combinations of clauses. // Shopen, T. (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. 2. Complex constructions. Cambridge, 1985.

Loogman, A. Swahili grammar and syntax. Pittsburgh, Louvain, 1965.

Lord, C. Historical change in serial verb constructions. Amsterdam – Philadelphia, 1993.

MacDonald, L. A Grammar of Tauya. Berlin, 1990.

Mann, W., Matthiessen, Ch., Thompson, S. Rhetorical structure theory and text analysis. // Mann, W., Thompson, S. (eds.) Discourse description. Amsterdam, 1992.

Maslova, E. A grammar of Kolyma Yukaghir. 2000. In press.

Mayerthaler, W. Morphologische Natürlichkeit. Wiesbaden, 1981.

Mhina, G. A. Maendeleo ya kiswahili na mazoezi. Makusanyo ya Maandishu. New York, 1970.

Nedjalkov, V. P. Some typological parameters of converbs. // Haspelmath, M., König, E. (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin, New York, 1995.

Noonan, M. Complementation. // Shopen, T. (ed.). Language typology and syntactic description. Vol. 2. Complex constructions. Cambridge, 1985.

Ohly, R. Język suahili. Tom 1. Warszawa, 1966.

Rémi-Giraud, S. Les Grilles de Procuste: description comparée de l'infinitif en français, allemand, anglais et arabe. // Rémi-Giraud, S. (ed.) L'infinitif. Une approche comparative. Lyon, 1988.

Renou, L. Les formes dites d'injonctif dans le R.gveda. // Etrennes de linguistique offertes à E. Benveniste. Paris, 1928.

Renou, L Grammaire de la langue védique. Paris, 1952.

Roberts, J. R. Amele. London, 1987.

Roberts, J. R. Amele switch-reference and the theory of grammar. // Linguistic Inquiry 19(1), 1988.

Ross, J. R. Constraints on variables in syntax. PhD dissertation. MIT, 1967. = Ross, J. R. Infinte syntax! Ablex, 1986.

Sebba, M. The syntax of serial verbs. Amsterdam – Philadelphia, 1987.

Stassen, L. Comparison and universal grammar. Oxford, 1985.

Stassen, L. And-languages and With-languages // Linguistic Typology, v. 4, №1, 2000.

- Trask, R. L. *The history of Basque*. London, 1997.
- Thompson, S. A., Longacre, R. E. Adverbial clauses. // Shopen, T. (ed.). *Language typology and syntactic description. Vol. 2. Complex constructions*. Cambrige, 1985.
- Tucker, A. N., Mpaayei, J. Tompo Ole. *A Maasai grammar*. London, 1955.
- Van der Auwera, J. Defining conversbs // Kulikov, L., Vater, H. (eds). *Typology of Verbal Categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen, 1998.
- Van Holk, A. G. F. *The Semantic Spectrum of Russian Infinitive*. Leiden, 1953.
- Van Oirsouw, R. R. *The Syntax of Coordination*. London – New York – Sydney, 1987
- Vendler, Z. Verbs and Times. // *The Philosophical Review*, 66, 1957.
- Veyrenc, J. *Les Propositions Infinitives en Russe*. Paris, 1979.
- Welmers, W E. *African language structures*. Berkeley – Los Angeles – London, 1973.